

Теодор Линднер

par
vus
libellus

ИСТОРИЯ ГАНЗЫ

е в р а з и я

Theodor Lindner

DIE DEUTSCHE HANSE

Ihre Geschichte
und Bedeutung

Теодор Линднер

ИСТОРИЯ ГАНЗЫ

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(4)»12/16»

ББК 63.3(0)4

Л59

Линднер, Теодор.

Л59 История Ганзы / Т. Линднер ; пер. с нем. Н. А. Власова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 224 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0748-0

Книга профессора Теодора Линднера посвящена истории самого известного союза городов средневековой Европы — знаменитой Ганзе. Автор не только рассказывает о формировании и деятельности союза, но и помещает историю Ганзы в контекст эпохи, касается вопросов торговли, мореплавания, быта купцов того времени. В заключение Линднер дает ответ на вопрос о том, почему Ганзейский союз после блестящих успехов все-таки прекратил свое существование.

УДК 94(4)»12/16»

ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: История Ганзы / Т. Линднер ; пер. с нем. Н. А. Власова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 224 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0486-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0748-0

© Власов Н. А., перевод, 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки,
2020

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2020

Предисловие переводчика

Историю Ганзейского союза, написанную профессором университета Галле Теодором Линднером, можно назвать одним из классических образчиков научно-популярной литературы. Она написана простым языком и рассчитана на самого обычного читателя, который не является знатоком истории средневековой Европы. В то же время это — достаточно серьезное и глубокое произведение, не утратившее своей актуальности по сегодняшний день.

В своей книге профессор Линднер описывает не только политическую историю Ганзы, но и все стороны ее деятельности. Читатель сможет узнать, как функционировали торговые представительства («конторы») в Новгороде, Лондоне и Бергене, какими товарами торговали ганзейские купцы, как были устроены их корабли. Линднер задается также вопросом о том, почему Ганзейский союз в конечном счете прекратил свое существование, и дает на него вполне ясный и убедительный ответ.

Важным преимуществом книги является то, что она написана достаточно объективно. Хотя Линднер считает историю Ганзы важным элементом немецкого национального самосознания, он ни в коей мере не идеализирует своих героев, показывая, в том числе, негативные стороны их деятельности.

Разве что в описании тех стран, с которыми торговали ганзейцы, Линднер порой идет на поводу у существовавших в его время национальных стереотипов и смотрит на «чужаков» в первую очередь глазами немецких торговцев.

Поскольку автор ориентировался, в первую очередь, на своих соотечественников, книга для удобства российского читателя снабжена примечаниями и комментариями. Кроме того, из текста изъяты небольшие фрагменты, в которых автор рассуждает о том, какие уроки должна извлечь из истории Ганзы современная ему Германия. В первых двух главах Линднер рассказывает о том, что представляла собой Европа эпохи позднего Средневековья; читателю, знакомому с контекстом, мы в связи с этим советовали бы начинать чтение с третьей главы.

Николай Власов
февраль 2020

Предисловие автора

«Плывать по морям — необходимость, жить — нет». Эта фраза, известная с древних времен, украшает фасад одного из домов Бремена. Звучит она странно, но в ней содержится глубокий смысл. Чего стоит жизнь, которой не придает смысл какая-нибудь полезная деятельность, жизнь, которая лишена высоких целей?

Ганзейцы всегда думали о чести и пользе для своего города, мы, их более счастливые потомки, печемся о большой стране. Именно ей нам надлежит служить всеми средствами и силами.

Ганза, владевшая морем, когда-то позволила немцам торговать далеко за пределами их отечества. Однако после многих лет славы и могущества ее звезда закатилась в мрачные для Германии времена. Пожалуй, нет народа, история которого была бы более поучительной, чем история немцев. Она рассказывает о том, чего могут достичь люди — и о том, как они способны сами лишиться себя плодов упорной работы.

Наши средневековые императоры не смогли поставить море на службу себе и своему народу, и немцам пришлось тяжело расплачиваться за это упущение. Новая империя полностью сознает эту национальную задачу, и путь к великому будущему

лежит через ее решение. История немецкой торговли доказывает, что только сильное на море государство может достичь больших целей.

Сегодня, когда былые грехи уже окончательно принадлежат прошлому, пришло время с благодарностью вспомнить деяния наших предков. Современный военный корабль, названный в честь Ганзы¹, гордо несет это имя в далекие моря; вся Германия должна продолжить дело ганзейцев и неустанно развивать его.

Эта небольшая книга ставит своей целью дать лишь самую общую картину прошлого. Поэтому мы будем избегать слишком пространных рассуждений. Нет никакой возможности перечислить все прекрасные работы моих предшественников, посвященные этой теме; я могу лишь поблагодарить тех, кто в течение последних десятилетий собрал и опубликовал огромный материал по истории Ганзы.

Галле, июль 1898 года

---

¹ Имеется в виду бронепалубный крейсер «Ганза», спущенный на воду в 1898 году.

Глава 1

Германия в XIII столетии

В Брауншвейге стоит бронзовый лев, воздвигнутый герцогом Генрихом Саксонским² в качестве символа своей мощи. Лев свирепо смотрит на восток, в ту сторону, куда герцог столь часто направлял войска. Там же возникла держава, которая после веков раскола и унижения принесла немцам мощь и единство³.

Завоевание и колонизация земель к востоку от Эльбы — самое масштабное деяние из всех, совершенных немцами в Средние века. В процессе они стали хозяевами длинного побережья, которое было лишь небольшим перешейком отделено от Северного моря (в те времена именовавшегося Западным). Поэтому оба берега воспринимались как единое целое, и уже спустя несколько десятилетий после смерти Генриха Льва они начали объединяться и в политическом отношении. Этот процесс неразрывно связан с городом, основателем которого был саксонский герцог — Любеком.

---

² Генрих Саксонский, больше известный как Генрих Лев (1129–1195) — немецкий монарх из династии Вельфов, один из самых могущественных правителей Центральной Европы своего времени, противник императора Фридриха I Барбароссы.

³ Имеется в виду Прусское королевство.

Ни в колонизации остэльбских территорий, ни в появлении Ганзы император и Империя⁴ в целом не участвовали практически никак. Немецкие короли⁵ никогда не пытались использовать море для усиления и распространения своей власти, создать имперский флот. Вернее, у первой императорской династии — Саксонской — такие планы имелись, однако наследники Генриха I⁶, основавшего старую Империю, стремились в первую очередь овладеть Италией. Этот выбор predetermined судьбу Германии на долгие века. Преемники Саксонской династии, Салическая династия и Штауфены, сместили «центр тяжести» Империи в ее южные районы и на Рейн. Дела севера и востока отошли на второй план. Генрих I и Оттон I начали покорение слабозаселенных восточных земель⁷, но при их преемниках это начинание было заброшено, хотя время от времени походы на восток и предпринимались. Лишь Саксонское герцогство, простиравшееся в те времена от Рейна до Эльбы и в значительной степени независимое от юга, могло проводить здесь собственную политику.

Генрих Лев правил в своих землях как полномочный король, пока его безграничное честолюбие не вынудило императора Фридриха I⁸ всту-

---

⁴ Имеется в виду, конечно же, Священная Римская империя германской нации.

⁵ Правитель Империи, получавший после коронации в Риме титул германского императора.

⁶ Генрих I Птицелов (около 876–936). Саксонская династия в отечественной историографии более известна как Оттоны.

⁷ Имеются в виду земли западных славян.

⁸ Фридрих I (ок. 1122–1190) из династии Штауфенов, известный под прозвищем Барбаросса, правил Священной Римской империей с 1152 года.

пить в союз с его многочисленными врагами и силой положить конец его правлению. Герцогство было разделено, однако это способствовало только дальнейшей раздробленности Империи: вместо одного большого княжества возникло множество мелких.

В результате, хотя северная часть Германии и осталась в составе Империи, она все больше обособлялась. Здесь не спешили подражать романским обычаям, придававшим блеск рыцарству немецкого юга. По уровню развития культуры север отставал от западных и южных районов Германии. Здесь не было ни придворной пышности Штауфенов, ни поэзии миннезингеров⁹. Однако именно это особое положение севера и стало основой для появления и развития Ганзы. Историю последней можно понять только в рамках современного ей контекста, к которому мы сейчас и обратимся.

В качестве точки отсчета мы возьмем 1230 год. Территория Империи на юге и западе простиралась в те времена гораздо дальше, чем Германии начала XX века, однако на севере и востоке ситуация была противоположной. На западе граница начиналась южнее Шельды (примерно в районе нынешней границы между Бельгией и Нидерландами) и шла по руслу этой реки. На левом берегу Шельды находилось зависимое от Франции, но самостоятельное графство Фландрия, на территории которого было много цветущих городов. В состав Империи входили Антверпен, области Валансьен и Камбре (принадлежащие сегодня Франции), епископство Лютих¹⁰,

---

⁹ Средневековые придворные певцы и поэты, воспевавшие куртуазную любовь.

¹⁰ Здесь и далее в случае, если город или область имели несколько имен на разных языках (как в случае

графство Люксембург и герцогство Лотарингия с епископствами Мец, Туль и Верден. Южнее Лотарингии и Эльзаса простиралось королевство Бургундия с городами Безансон, Лион, Арль и Марсель; его корону император Конрад II¹¹ объединил с немецкой. Северная и Центральная Италия также подчинялись императору.

Однако Бургундия, разделенная на множество феодальных владений, ничего не приносила Империи, а Италия требовала лишь постоянного приложения сил. На востоке в границах Империи находились Истрия, Крайна, Каринтия, Штирия, Австрия, Моравия и Богемия. Силезия же, хотя и была к тому моменту отделена от Польши и населена в значительной степени немецкими колонистами, лежала за пределами этих границ. На востоке рубежи маркграфств Лаузиц и Бранденбург не были окончательно определены. Владения померанских герцогов оказались включены в состав Империи Фридрихом I. Их власть простиралась до Вислы — Данциг в это время был уже значимым торговым городом — однако здесь они постоянно участвовали в конфликтах с беспокойными польскими соседями и язычниками-пруссами. К северу от Пруссии, в Лифляндии, уже началась немецкая колонизация.

Когда у руля Империи встал Фридрих II¹², позиции центральной власти уже начали слабеть. Ему было всего три года, когда немецкие князья избра-

---

с Люттихом — современным Льежем), мы приводим немецкий вариант, используемый автором.

¹¹ Конрад II (около 990–1039) — император из Салической династии.

¹² Фридрих II (1194–1250) — германский император из династии Штауфенов, вступил на престол в 1212 году.

ли его своим будущим королем. Но в 1197 году, когда скончался его отец, император Генрих VI, Фридрих находился в Италии со своей матерью и не смог вступить на престол. Корону вынужден был принять его дядя Филипп, чтобы Штауфены не потеряли ее. Однако часть князей под предводительством алчного Адольфа, архиепископа Кельнского, провозгласили королем Отто IV, сына Генриха Льва. Борьба продолжалась долго и завершилась только после того, как Филипп в 1208 году стал жертвой убийцы. Однако Отто IV вступил в конфликт с папой Иннокентием III, и это дало юному Фридриху шанс вернуться к власти. Ему удалось добиться успеха, но большую часть своего времени он проводил на Сицилии, которую считал своим домом. Лишь на короткие промежутки времени Фридрих II появлялся к северу от Альп.

Чтобы сохранить спокойствие в Германии и беспрепятственно осуществлять свои планы в Италии, молодой король не стал пытаться восстановить императорскую власть во всей ее полноте. Немецким князьям он предоставил многочисленные права. В руках короля остались лишь ограниченные полномочия, а населением непосредственно правили князья, решавшие правовые, военные и административные вопросы. У центральной власти не было средств и ресурсов для того, чтобы консолидировать Империю. Не существовало ни имперских чиновников, ни имперской армии, ни больших имперских доходов. Во всех этих вопросах король зависел от князей.

Королевская власть все еще пользовалась большим уважением, но многое зависело от личности монарха. Если она оказывалась недостаточно сильной, единство Империи оказывалось под угрозой.

В этом случае князья могли делать все, что им заблагорассудится.

Вскоре после описываемых событий борьба между королями и папами вспыхнула вновь, и династия Штауфенов проиграла ее. Последний ее отпрыск, юный Конрадин, в 1268 году потерпел поражение при попытке захватить Неаполь и был казнен Карлом Анжуйским¹³. Уже в эпоху Фридриха II свои претензии на престол заявляли конкуренты Штауфенов — сначала Генрих Распе из Тюрингии, потом Вильгельм Голландский. Когда последний пал в борьбе с фризами, в 1257 году на престол Империи были одновременно избраны два иностранца — Альфонс Кастильский и англичанин Ричард. Первый из них так никогда и не приехал в Германию, второй был признан немногими и ненадолго. Фактически в Империи в этот период не было центральной власти, царил полный хаос.

В Империи имелось множество князей — светских и духовных, малых и больших. Их владения в большинстве случаев представляли собой запутанную чересполосицу. Более того, в одном и том же месте часть полномочий могла принадлежать одному суверену, а оставшаяся — другому или даже третьему. Любая попытка одного из князей консолидировать свои владения приводила к бесконечным распрям. Чем ниже падала королевская власть и старые сословные органы, тем чаще князья брались за оружие для защиты своих прав. Каждый мог полагаться только на себя.

Дворяне и рыцари получали выгоду от этих бесконечных конфликтов. Германия была наполнена

---

¹³ Карл I (1227–1285), младший сын французского короля Людовика VIII, король Сицилии с 1266 года.

вооруженными людьми. Столь же многочисленными были замки, располагавшиеся на горных вершинах или под защитой рвов, заполненных водой. Рыцари чаще всего являлись вассалами одного из князей и были обязаны выступать в поход по его приказу. Именно тяжелая рыцарская конница являлась основой тогдашних армий. Война была средой обитания рыцарей, которые добывали себе мечом средства к существованию. Они сражались не только за своих князей, но и против них, забывая о вассальном долге. В беспокойные времена рыцари зачастую мало чем отличались от разбойников. Лишь немногим князьям удавалось поддерживать порядок в своих владениях. В условиях непрерывной войны труднее всего приходилось крестьянину, хотя плодородная почва могла обеспечить ему неплохой урожай.

Одним словом, Германия напоминала бушующее море. И островками мира в нем являлись только города.

В эпоху раннего Средневековья власть находилась в руках короля, Церкви и князей. Однако с XI века все громче заявляло о себе новое сословие — горожане. Когда Империя только появилась на свет, Германия была аграрной страной, где крестьяне жили под властью воинственной знати. Торговлей занимались в основном чужеземцы, и она не имела большого значения. Денег было мало, чеканились только небольшие серебряные монеты. На севере Германии имелись довольно крупные населенные пункты, но назвать их городами еще нельзя. Настоящие города, частично сохранившиеся еще с римской эпохи, существовали на западе и юге; однако и их жители занимались по большей части земледелием. Ремесленное производство присутствовало только в самых простых формах.

Демографический рост и связи с Италией стали первыми импульсами для развития городов. Затем войны в Азии привели к изменению существовавших торговых маршрутов, которые ранее обходили Германию стороной; большую роль здесь сыграли и Крестовые походы. Теперь товары с Востока попадали в Италию, а оттуда через Альпы в Германию, после чего отправлялись дальше. Южная Германия и долина Рейна оказались на новом торговом маршруте, что способствовало их быстрому развитию. Рост объемов торговли пошел на пользу в первую очередь городам.

Помимо проводившихся в определенные дни крупных ярмарок, на которые собиралось множество торговцев из разных стран, большую роль стали играть повседневная торговля и денежный оборот. Это привело к серьезным изменениям в экономике в целом. Со времен франков на немецких землях царило натуральное хозяйство; обработка полей играла ключевую роль, и продукция сельского хозяйства не шла на продажу. Князь наделял своих подданных землей или платил им продуктами, все выплаты осуществлялись натурой — скотом, птицей, зерном. Одежду, оружие и разную утварь изготавливали дома или на княжеском дворе по мере необходимости, а не для продажи. Для обмена такие предметы использовались только от случая к случаю. Теперь ситуация начала меняться, поскольку в городах возникла настоящая рыночная экономика, влияние которой вскоре начало сказываться и в сельской местности¹⁴.

---

¹⁴ В современной исследовательской литературе этот процесс получил название «коммерческой революции».

Само по себе земледелие не приносило богатства, только торговля и ремесло позволяли обеспечить рост доходов. В городах продукты и ремесленные товары продавались за наличные деньги. Теперь появился смысл производить больше, чем было нужно для удовлетворения собственных потребностей, продавать излишек и покупать что-нибудь другое. Усиливалось разделение труда; ремесленник покупал сырье для переработки и продавал готовые изделия. Торговец существовал в рамках бесконечного цикла купли-продажи, и каждая прибыль использовалась для получения новой прибыли. Ничто не ограничивало масштабы торговли. Купец стал для этого времени настолько знаковой фигурой, что слова «купец» и «горожанин» означали одно и то же¹⁵.

Город предоставлял человеку самые лучшие возможности для материального роста. Жизнь в нем была приятнее и богаче, чем в деревне. Но главное — она была безопаснее: город окружали прочные стены, практически неприступные при тог-дашнем уровне развития военного искусства. Внутри стен царил закон и порядок, каждый горожанин был лично свободным и находился под защитой всей городской общины. Все это делало города привлекательными и способствовало миграции из сельской местности в крупные населенные пункты. Разумеется, это вызывало жалобы крупных земле-владельцев.

---

¹⁵ В русском языке закрепился французский термин «буржуа», означавший изначально горожанина, однако затем использовавшийся в первую очередь для обозначения представителя имущих классов недворянского происхождения.

Город имел свое устройство и свои законы, отличавшиеся от законов сельской местности. Внутреннее устройство было различным — сложно найти два совершенно идентичных, — однако повсюду присутствовали одни и те же общие черты. Города стремились регулировать не только производство и торговлю, но и все аспекты деятельности своих жителей, создавая для этого специальные исполнительные органы. Представители одной профессии объединялись в корпорации, цеха, у каждого из которых был свой собственный устав. Эти объединения накрепко привязывали своих членов друг к другу; в сфере их ответственности находились не только вопросы производства, но и нравы, и религия. Каждый ремесленник растворялся в своей корпорации, а она давала ему защиту и положение в обществе. Кроме того, всех горожан объединяло стремление защитить свои права и свой город.

Богатство, крепкие стены и оружие придавали городам уверенность, и князья вскоре вынуждены были это ощутить на себе. Стремясь к независимости, горожане использовали все возможные средства для того, чтобы вырвать у правителя своей территории. Некоторые князья пытались противодействовать этому силой, а Штауфены сдерживали развитие самостоятельности городов строгими законами, но в конечном счете без успеха. Самой серьезной угрозой для князей были союзы городов, которые обязывались поддерживать друг друга. Постоянная смута в Империи, хотя и вредила торговле, давала горожанам возможность отстоять свою самостоятельность.

Этот процесс занял некоторое время, и мы не будем вдаваться в его подробности. Достаточно сказать, что растущая экономика городов позволила

им встать практически наравне со князьями. Самые крупные города смогли создать собственную армию, которая давала им возможность вести самостоятельную политику по отношению к своим сюзеренам и соседям.

Императоры были вовлечены в итальянские дела и борьбу с папством и не смогли создать надежную систему имперских институтов. Немцам не хватало понимания важности централизованного государства, которое могло бы мобилизовать все силы нации. Каждый боролся только за себя, беспокоился только о своих правах и не задумывался о целом. Немцы могли объединяться лишь узким кругом товарищей, именно в нем они проявляли все свои добродетели — верность, честь и готовность к самопожертвованию. Именно таким узким кругом была городская община. Житель города признавал себя частью единого целого, поскольку это целое защищало его. Он был готов бороться за права общины, поскольку община боролась за его права. Ничего большего ему не было нужно.

Так на страницах немецкой истории появилась новая, молодая сила — города. Их питательной средой были ремесло и торговля. Приумножать как первое, так и второе — в этом заключался смысл их существования.

Глава 2

Начало северогерманской морской торговли

Рост богатства городов требовал найти ему применение в условиях, когда ближайшие рынки оказались перенасыщенными. В поисках прибыли купцы торговали не только заграничными товарами, но и произведенными в окрестных городах и деревнях. Для развивавшегося ремесла требовалось сырье в большем объеме, чем можно было найти поблизости. Экспорт, импорт и транзитная торговля росли с одинаковой скоростью.

Конечно, хлеб доставался торговцу тяжело, поскольку далеко не всегда условия благоприятствовали ему. Это сегодня всякий разумный человек признает, что торговля приносит благо, не только умножая капиталы, но и соединяя народы и способствуя их развитию. В те времена государство и экономика находились на куда более низком уровне развития. Конечно, законы защищали путешественников, однако лишь исходя из корыстных соображений. Торговля считалась большой дойной коровой, которой хотел воспользоваться каждый — государство, общины, землевладельцы, по территориям которых проходили торговые пути. Купцы вынуждены были платить справедливые и несправедливые пошлины и нанимать вооруженную охрану — даже в том случае, если в ней не нуждались.

Сами города думали только о своей выгоде и стремились как можно сильнее ограничить возможности иностранных «гостей». Последним, например, запрещалось торговать друг с другом — они могли продавать свои товары только жителям города. Сроки их пребывания были жестко ограничены. Существовало так называемое «стапельное право» — торговец не мог провезти товар через город, не предложив его купить местным жителям. К этому добавлялось плохое состояние дорог и обилие разбойников. Жители Брауншвейга жаловались в 1270 году: «Мы не можем отнять наше имущество у тиранов, которые обитают в неприступных замках на вершинах скал, где даже князя не рискуют вступить с ними в схватку». Купец, лично сопровождавший свой товар в пути, должен был хорошо владеть оружием и всегда иметь при себе меч — притороченным к седлу или лежащим на повозке.

Все эти трудности и опасности удваивались, когда караван отправлялся на чужбину.

В распоряжении южногерманских торговцев находился Рейн с прилегающими к нему районами и берега Дуная, уводившего в дальние края. У северных городов площадь сельской округи была больше — они располагались не так кучно, как швабские, франконские или рейнские. Но по мере их роста купцам становилось тесно на этом пространстве. Оставалось только осваивать морскую торговлю. Так экономическое развитие неизбежно влекло за собой рост мореплавания.

В других государствах, где были свои торговые корпорации, немецкие купцы встречали зависть и ревность со стороны местных жителей. Чужак всегда считался конкурентом, который выводит

деньги из страны, обманывает и лукавит. Даже если он необходим экономике, его все равно не любят. В конце концов, конкуренция заключена в самой природе торговли, и только настоятельная необходимость заставляла терпеть чужаков. Только если не получалось своими силами добывать иностранные товары, уже ставшие неотъемлемой частью повседневной жизни, и выгодно сбывать свои изделия, на помощь призывали иностранных торговцев. Однако повсеместно правители стремились повысить свои доходы либо за счет пошлин, либо за счет продажи лицензий на торговлю.

Высокоразвитые регионы, такие как Фландрия или Франция, могли обойтись собственной торговлей. Однако Англия, Скандинавия и восточноевропейские страны не могли ни отказаться от импорта, ни самостоятельно осуществлять экспорт — для развития собственной торговли у них не хватало ни кораблей, ни капитала. И то, и другое имелось у немецких городов. Они смогли приспособиться к быстрому развитию коммерческой системы, чего не сумели сделать многие европейские страны. В результате для немецкой торговли открылись широкие возможности.

Нравы постепенно смягчались, и ситуация, когда чужак был совершенно бесправен и защищен лишь законами гостеприимства, уходила в прошлое. Однако в большинстве государств полная свобода торговли имела только у местных жителей, иностранцы же подвергались разного рода ограничениям. Для купцов важна была предоставляемая им защита; они хотели быть уверенными в том, что у них не отберут товары и что пошлины не перекроют всю полученную прибыль. Таким образом, требовалась упорядоченная система платежей. Она

стала появляться — местами в виде единого налога за право торговать, местами в виде таможенных пошлин с твердыми тарифами.

Торговать с корабля было неудобно, поэтому купцы стремились приобрести право выгружать свои товары и продавать их на местном рынке. Для этого они арендовали или возводили постройки — жилье и склады. Важную роль играл вопрос о том, как долго товары и их владелец могли оставаться в городе. Как уже говорилось выше, в некоторых местах горожане имели право первой покупки. Короли и высокопоставленные чиновники часто брали то, что было нужно для их двора — в особенности вино и пряности, — и платили мало или вообще не платили ничего. Без разного рода «подарков» никакие дела вообще не делались.

Когда торговец сходил с корабля, сразу же возникал целый ряд вопросов. По каким законам он должен жить — своей страны или той, куда он прибыл? Если спор возникал между двумя иноземными купцами — должны ли они решать свои проблемы сами или с участием местных властей? А если речь шла о местном и иностранном торговцах? Существовало два варианта — либо создавать отдельные судебные органы, либо полностью подчинять иноземцев местным законам. Второй вариант не всегда был выгоден, поскольку суды часто вставали на сторону местных жителей. Кроме того, длительное пребывание нередко разрешалось купцам только после принятия местного подданства.

Предметом судебного разбирательства могли стать не только торговые дела. Между командами кораблей и местными жителями нередко вспыхивали конфликты, и в дело шли ножи. Купцы не расста-

вались со своим оружием и вынуждены были порой пускать его в дело — иногда слишком поспешно. Именно поэтому старые торговые договоры сильно отличались от сегодняшних. К примеру, соглашение 1199 года с Новгородом устанавливало конкретные наказания за убийство или членовредительство, за побои и порванную одежду, за сорванный с женщины головной убор.

Конечно, имущественные вопросы тоже играли большую роль. К примеру, нужно было обеспечить передачу имущества умершего на чужбине купца его законным наследникам. Самой большой проблемой являлась, однако, необходимость нести ответственность за проступки соотечественников — так называемые репрессалии. К примеру, если англичанин в немецком городе становился (действительной или мнимой) жертвой несправедливости, он мог через английские органы власти отыгаться на немецком торговце в Англии. В этом случае имущество немецкого купца (даже не всегда выходца из того же города) могли конфисковать. Другой вариант: купец не смог погасить долги, и ответственность приходилось нести его соотечественникам. Все это было крайне нежелательно. В то же время купцам было выгодно, чтобы иноземные органы власти принуждали своих подданных к выполнению взятых ими на себя обязательств.

Конечно, каждый торговец в отдельности не мог решить эти проблемы. Только коллективными усилиями можно было добиться заключения договора или получения привилегии. Защита уже полученных прав также требовала совместных действий. На чужой земле всегда существовала опасность стать жертвой не только насилия, но и произвола

местных чиновников, несмотря на заключенные договоры. Совместные усилия требовались и для решения внутренних проблем купеческой корпорации. Торговым колониям тоже была необходима своего рода конституция, предписывавшая определенные правила отдельным их членам. Порядок поддерживали избранные старейшины. К этому добавлялся и религиозный фактор, игравший в ту эпоху большую роль. Торговцам были необходимы церкви, в которых они могли бы помолиться, получить благословение перед дальней дорогой или отпущение грехов. В случае нежданной смерти каждый хотел быть похороненным на той земле, которую мог бы хоть в какой-то степени считать своей. Но, разумеется, и радости жизни было приятнее вкушать среди соотечественников, следуя родным обычаям.

Не только условия пребывания на чужбине, но и морские путешествия заставляли торговцев объединяться. Маленькие и беспомощные по современным меркам корабли, без карт и навигационных приборов имели больше шансов благополучно добраться до пункта назначения, если держались вместе. Трудным делом было плавание в прибрежных водах и вход в гавань; первый известный нам навигационный знак был установлен в 1201 году на юго-западном берегу Сконе. Позднее появились маяки, в том числе на острове Нойверк перед устьем Эльбы.

Еще большую опасность представляли собой морские пираты. Они присутствовали на всех морях и у всех берегов, прекрасно знали глубины и очертания береговой линии, прятались в труднодоступных бухтах. Постоянные войны создавали для них особенно благоприятные условия и порой

даже видимость легальности. Купеческие корабли вынуждены были находиться в постоянной боеготовности. Одиночке гораздо труднее отбить атаку, чем целому флоту. На кону стояло не только имущество, но и жизнь торговца — пираты прекрасно понимали, что мертвец уже не сможет их ни в чем обвинить. Конечно, эффективнее всего бороться с пиратами могло государство, которому принадлежало побережье — достаточно было затруднить сбыт награбленного, чтобы понизить привлекательность морского разбоя.

К числу пережитков старых времен относились не только пиратство, но и так называемое береговое право. Бесхозное имущество могло быть присвоено на законных основаниях; на побережьях все, что море выбрасывало на берег, считалось собственностью землевладельца. При этом речь шла не только об обломках кораблекрушения, но и о целых кораблях с грузом и командой, выброшенных на берег штормом. Поскольку этот промысел был весьма прибыльным, прекратить его можно было только с помощью договоров, защищавших несчастных торговцев.

Однако и заключенного с князем договора было недостаточно — требовались решительные меры со стороны правителя для того, чтобы прекратить порочную практику. Ведь выгоду из берегового права извлекал не только собственник побережья, но и местные жители, не желавшие отказываться от заработка. Они нередко специально заманивали сбившиеся с курса корабли на скалы, чтобы разграбить их. При этом злоумышленники старались не оставлять свидетелей — команду убивали, та же судьба ждала и тех, кого волны выбрасывали на берег после кораблекрушения. Береговое право

представляет собой одну из самых мрачных страниц в истории мореплавания.

Только органы власти могли пресечь злодеяния и вернуть имущество законному владельцу. Постепенно принималось все больше мер для того, чтобы оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение. Так, в Лифляндии морякам разрешалось рубить лес у побережья, если это необходимо для ремонта их кораблей. Церковь также стремилась по мере возможности бороться с береговым разбоем. На суше имели место аналогичные злоупотребления: если повозка переворачивалась и груз вываливался на землю, собственник земли тут же предъявлял на него свои претензии.

Итак, проблемы, которые можно было решить только коллективными усилиями, имелись в избытке. Потребность в создании объединений чувствовалась и на чужбине, и на море, и в родном городе. Именно так появилась Ганза.

Жители немецкого побережья занимались мореплаванием с незапамятных времен — можно сказать, что оно было у них в крови. Даже в эпоху господства натурального хозяйства торговые связи уже существовали — к примеру, с Англией. Саксы, завоевавшие Англию начиная с V века, сохранили связи со своей прежней родиной. Первый немецкий король, Конрад I, выбрал в жены своему сыну Оттону английскую принцессу. Хартия, пожалованная Лондону англосаксонским королем Этельредом II около 1000 года, упоминает о «людях императора, которые приплывают на своих кораблях и достойны того, чтобы их судили по хорошим законам, как самих лондонцев». Речь идет, очевидно, о жителях Вестфалии и долины Рейна, которые всегда любили искать прибыли и удачи на чужбине.

Рейн был водным путем, направленным в сторону Англии, и жители Кельна активно пользовались этим обстоятельством, став в конечном счете своеобразными представителями немецкого купечества в Лондоне. Английский король Генрих II в 1157 году уравнивал кельнских торговцев в правах со своими подданными, взяв под защиту их жизни и имущество. У немецких торговцев в Лондоне был собственный дом, в стенах которого они могли жить по своим законам и обычаям. Главным предметом торговли являлось рейнское и французское вино. Ричард I в 1194 году провозгласил свободу торговли; Кельн отблагодарил его за это, поддержав в Империи короля Оттона IV против Филиппа¹⁶. В Лондон прибывали торговцы и из других немецких городов, в том числе из Бремена и Гамбурга.

Таким образом, на берегах Темзы немецкая торговля смогла прочно утвердиться. Во многом она была обязана этому хорошим отношениям, существовавшим между императорами и английскими королями. Последний представитель Салической династии, Генрих V, взял в жены дочь английского короля. То же самое сделали позднее Генрих Лев и император Фридрих II. Однако всего этого было бы недостаточно, если бы не таланты немецких торговцев, сумевших обеспечить себе хорошие условия на чужбине.

---

¹⁶ Знаменитый Ричард Львиное Сердце (1157–1199) приходился дядей Оттону IV (1175–1218) из династии Вельфов и, естественно, поддерживал его в борьбе против Филиппа Швабского (1177–1208) за престол Империи.

Не стоит считать, что мировая торговая система возникла лишь в недавнем прошлом. Уже римские императоры торговали с Китаем, и Византия продолжила эту практику, пока торговлю не взял в свои руки арабский халифат. Греки и арабы проложили торговые маршруты на север Европы по русским рекам. На протяжении веков Скандинавия активно торговала с Константинополем. Византийцы плавали по Днепру и Двине, арабы — по Волге. Они покупали меха и янтарь, привозя взамен драгоценные металлы и изделия ремесла. Эти торговые пути имели свое продолжение на Балтике вплоть до Шлезвига и далее, до долины Рейна. Мы мало что знали бы об этой торговле, если бы не многочисленные клады монет, которые красноречиво рассказывают нам о ней.

Балтийской торговлей занимались, в первую очередь, шведы и датчане. Судя по географии кладов, острова Борнхольм и Готланд активно использовались торговцами в качестве перевалочных пунктов и мест отдыха. Готланд находится практически посередине между западным и восточным побережьями Балтики, отличается мягким климатом и удобными якорными стоянками. На его северо-восточном побережье у меловых скал находится неприступная крепость Висбю — единственный крупный населенный пункт на всем острове.

В XI веке торговля между Балтикой и Востоком прекратилась в связи с кардинальными переменами на просторах нынешней России. Однако на ее место пришли другие, еще более оживленные маршруты.

Мы не знаем в точности, когда немецкие торговцы впервые посетили Висбю. В Скандинавии начала складываться государственность, распространя-

лось христианство, и это создавало благоприятные условия для торговли. Жуткие набеги разбойников-викингов, державших в IX веке в страхе всю Европу вплоть до Испании и Италии, прекратились. В 1043 году датский король Магнус разрушил разбойничье гнездо Йомсбург в устье Одера. Грамота Генриха Льва от 1163 года говорит о том, что уже его отец, император Лотарь, предоставил жителям Готланда торговые привилегии и освободил их от пошлин. Сам Генрих Лев подтверждал мир между немцами и жителями Готланда; мы знаем, что находившиеся под властью герцога города активно торговали с островитянами. Грамота кельнского архиепископа Райнальда, появившаяся на свет двумя годами позже, свидетельствует о том, что и вестфальские города имели торговые связи с Данией и даже с Россией.

Готланд к этому моменту стал важным звеном в торговле с русскими. На востоке Балтики ключевую роль играл старый Новгород, который в скандинавских сагах называли Хольмгардом или Гардарикой. Именно здесь, по преданию, в 862 году выходцы из Скандинавии (так называемые варяги) основали русское государство. Новгород находится на реке Волхов, практически в том месте, где она вытекает из озера Ильмень. Волхов судоходен и впадает в известное своими штормами Ладожское озеро, соединенное Невой с Финским заливом. Цепочка этих рек и озер образовывала водный путь, связывавший Балтику с глубинными районами Восточной Европы и использовавшийся с незапамятных времен для торговли между Скандинавией и Константинополем. В 1199 году князь Ярослав восстановил мир со всеми, кто говорил на латыни —

то есть с католиками¹⁷. У немцев к тому моменту имелось в Новгороде свое постоянное представительство.

Таким образом, немецким купцам удалось организовать торговлю с Готландом и Новгородом еще тогда, когда берега Балтики находились в чужих руках. Естественно, эта торговля расцвела после того, как немцы утвердились на южном и восточном берегах Балтийского моря.

---

¹⁷ Имеется в виду новгородский князь Ярослав Владимирович (ум. после 1207).

Глава 3

Регион Балтийского и Северного морей

Прежде чем начать рассказ о деятельности Ганзы, необходимо познакомиться с тем регионом, где она разворачивалась, и с существовавшими там государствами.

Тацит называл Северное море безбрежным и враждебным океаном. В те времена, которые мы описываем, отважные скандинавские мореплаватели уже достигли Исландии, Гренландии и Северной Америки. Их открытия, однако, не имели больших последствий. Европа заканчивалась на побережье Северного моря. Англия находилась на самом краю обитаемого мира, повернувшись лицом к Европе и спиной к океану. Торговцы, плававшие по западным морям, старались держаться возле берегов.

В Англии после норманнского завоевания начали появляться сильные государственные структуры. Торговые узы связывали ее с Францией и с бассейном Северного моря. Английские короли заботились о развитии Лондона, игравшего роль важного торгового центра. На восточном побережье Англии существовало еще несколько хороших гаваней, которые также могли играть значительную роль в морской торговле.

Насколько нам известно, купеческие корпорации стали появляться в Англии только после нор-

маннского завоевания. Для их обозначения наряду с термином «гильдия» использовалось слово «ганза». Это слово встречается еще в готском языке и обозначает группу людей. В Германии «ганзами» называли корпорации, в первую очередь торговые, а также взносы, которые платили их участники. В английские купеческие ганзы были обязаны вступать все, кто торговал чем-либо помимо продуктов питания. Новые члены уплачивали вступительный взнос, а затем взносы на решение общих задач. В каждой корпорации существовал свой внутренний устав, во главе стоял староста с помощниками.

Изначально ганзы торговали только на территории своей страны. Ремесленное производство было в те времена небольшим, основные излишки для торговли давало сельское хозяйство. Речь шла в первую очередь о большом количестве высококачественной шерсти. Англия также нуждалась в импорте товаров, которые не могла производить сама. Внешняя торговля находилась в руках иностранцев – испанцев, французов, уроженцев Фландрии и Германии. Иностранные купцы образовывали землячества наподобие английских гильдий. В середине XIII века в Англии наряду с немецкой ганзой, в которой ключевую роль играли представители Кельна, существовала фламандская ганза, созданная рядом городов во главе с Брюгге.

Побережье Северного моря сильно изменилось с античных времен. Суровое море разрушало прибрежные скалы, затапливало низины, создавало бухты и острова. Из-за обширного мелководья корабли лишь в нескольких местах могли подойти к берегу. Только там, где в море впадали реки с глубоким, но часто менявшимся руслом, можно было основать крупные гавани. Сырой климат вызывал

частые туманы, со стороны Ла-Манша и океана дули сильные ветра, грозившие выбросить корабли на берег. Однако человек преодолевает все препятствия; побережье Северного моря заселили суровые, решительные люди.

Территорию от устья Шельды до залива Зейдерзе, перед входом в который находилось множество больших островов, контролировали графы Голландии. Важнейшим торговым центром в устье Рейна долгое время являлся город Тиль, однако графы создали ему конкурента в лице Дордрехта. Роттердам и Амстердам были еще в ту пору никому не известными рыбацкими деревнями. К Зейдерзе выходили епископство Утрехт и графство Гельдерн, которые также участвовали в торговле. На территории епископства, помимо самого Утрехта, находились города Девентер и Зволле, а в Гельдерне — Тиль, Эльбург и Кампен. Графство было достаточно сильным и богатым, не страшась вступать в конфликт даже с Норвегией или Испанией.

Однако самым крупным торговым центром в низовьях Рейна, затмевавшим все остальные города и находившимся в центре паутины торговых путей, являлся Кельн. Его жители в ходе конфликтов со своими правителями — архиепископами — смогли добыть себе немало привилегий¹⁸. С Кельном были тесно связаны вестфальские города. После падения Генриха Льва западная часть Саксонии на левом берегу Везера начала постепенно обособляться от восточной части герцогства (Остфалии) —

---

¹⁸ Распространенная в то время ситуация — город находился на территории, принадлежавшей духовному или светскому князю, однако был практически независим от него.

в том числе и в торговом отношении. Даже небольшие вестфальские города вели торговлю с Кельном и государствами балтийского региона, включая Россию.

Большую часть территории Вестфалии занимали духовные владения. Архиепископам Кельнским подчинялся богатый город Зёст, о прежнем величии которого и сегодня рассказывают монументальные церкви и толстые городские стены. Городское право Зёста было эталоном для многих других городов вплоть до дальних восточных пределов Империи. Помимо Кельнского архиепископа, большим влиянием в Вестфалии обладали епископы Мюнстера, Падерборна, Оснабрюка и Миндена. Дортмунд, городской совет которого пользовался уважением далеко за его стенами, являлся имперским городом¹⁹.

Покрытые дюнами, безлесные берега и острова от Зёйдерзе до устья Везера населяли фризы. Они храбро и упорно защищали свою землю и свою свободу. Только постепенно и ценой больших жертв голландские графы осуществляли экспансию в этом районе. Они подчинили себе северо-восточное побережье Зёйдерзе, где находился город Ставорен — богатый и величественный до тех пор, пока его гавань не обмелела.

Однако фризы смогли защитить основную часть своей территории. Они лишь номинально входили в состав Империи. Большинство населения здесь были свободными крестьянами, которые жили по законам обычного права под властью вождей. Хотя

---

¹⁹ Имперские города номинально подчинялись не какому-либо территориальному князю, а непосредственно императору. Соответственно, они пользовались еще большей независимостью.

чужеземцы посмеивались над унылыми равнинами, нехваткой древесины и грубыми обычаями, благосостояние фризов было достаточно высоким. Его источником могло быть только море. Фризы без особых колебаний переходили от торговли к морскому разбою и всю пользовались береговым правом. Только благодаря договорам с общинами и их вождями купцы могли чувствовать себя в некоторой безопасности. Гаваней, пригодных для крупных судов, здесь было немного; одним из небольших портов являлся Эмден, не игравший в то время большой роли.

Западнее устья Везера в 1277 году река Эмс прорвала дамбы и образовала залив Долларт, в водах которого скрылось около полусотни населенных пунктов. Эта территория принадлежала графам Ольденбурга. Территория между Везером и Эльбой, за исключением некоторых участков побережья, находилась под властью архиепископов Бременских. Сам город Бремен, существовавший еще во времена Карла Великого, в XI веке считался «вторым Римом». Его жители пользовались широкой автономией и активно вели торговлю как внутри Империи, так и за ее пределами.

Дальше от моря на пространстве между Везером и Эльбой правили Вельфы. Их территория была обширной и включала в себя города Люнебург, разбогатевший благодаря добыче соли, и Брауншвейг. Южнее находилось епископство Хильдесхайм, отделявшее основную часть владений Вельфов от принадлежавших им же Эйнбека и Гёттингена. В районе Гарца и Тюрингии активно развивались и другие города: епископский Хальберштадт, Кведлинбург и имперский Гослар — родина немецкого горного дела.

Центром политической жизни на нижней Эльбе был Магдебург, столица архиепископов, которые с неустанным честолюбием пытались расширить свои владения. Уже во времена Карла Великого Магдебург был местом торговли со славянами. Оттон I покровительствовал городу, который, несмотря на войну и пожар, вступил тогда в пору своего расцвета. Неподалеку находился город Галле, разбогатевший благодаря соляным промыслам и также принадлежавший архиепископам.

Уже это весьма краткое описание показывает, насколько раздробленным в политическом отношении был регион между Рейном и Эльбой. Господствующей силы тут просто не существовало. Князья могли предоставлять привилегии и защиту своим городам и торговцам, но оказывались не в силах создать рамочные условия для торговли в масштабах всего региона. Тем более неспособны они были влиять на положение своих купцов за рубежом.

После того как императоры остановили экспансию на восток, границей между германцами и славянами стала Эльба. К востоку от реки обитали венды, разделенные на множество племен. Германцы относились к ним с презрением. Постоянная вражда между соседями по Эльбе приводила к частым войнам, которые велись с отвратительной жестокостью. Император Лотарь III и Генрих Лев первыми возобновили экспансию на восток на нижней Эльбе. Лотарь отдал Гольштейн в лен графу Адольфу²⁰, и род последнего успешно правил здесь вплоть до XV века. Гольштейн был когда-то владением саксов, но Карл Великий переселил их отсюда, чтобы

---

²⁰ Адольф I (ум. 1130) получил графства Гольштейн и Штомарн в качестве ленов в 1110 году.

окончательно сломить их сопротивление. Теперь балтийское побережье находилось в руках немногочисленных вендских племен; графы Гольштейна вытеснили их и поселили здесь колонистов, прибывших с запада Германии. В 1240 году был основан портовый город Киль.

Старейшим и крупнейшим населенным пунктом графства Гольштейн был Гамбург. Этот город существовал еще при Карле Великом и должен был стать центром распространения христианства в регионе. Однако Гамбург столь сильно пострадал от набегов норманнов, что архиепископы оказались вынужденными перенести свою резиденцию в Бремен. В период правления Оттона II²¹ город был razoren вендами, однако затем поднялся из руин — лишь для того, чтобы оказаться вновь разрушенным в 1072 году. Только в следующем столетии он опять ожил. Граф Адольф III²² приложил большие усилия для развития Гамбурга и постарался превратить его в торговый город. В 1189 году город получил от императора важные привилегии.

Адольф III также установил основы городского права Гамбурга, позаимствовав по большей части законы, существовавшие в Любеке. Это способствовало установлению тесной связи между двумя названными городами; был наведен мост между Балтикой и Северным морем.

Побережье Балтийского моря окаймляли величественные леса. Однако стихия здесь была не менее суровой, чем на Северном море. На Балтике тоже нередки сильные шторма, и юго-западное по-

---

²¹ Оттон II (955–983) из Саксонской династии правил Империей с 973 года.

²² Адольф III (1160–1225), на престоле с 1164 года.

бережье оказывается порой затопленным. И волны, и берега этого моря опасны для мореплавателей. Только там, где в Балтику впадают крупные реки, есть тихие бухты, защищенные песчаными отмелями. Зимой значительная часть моря покрывается ледяным панцирем.

Балтика со всех сторон окружена сушей, и этим — при всех очевидных различиях — напоминает Черное море. В нее есть только один узкий вход — через пролив Зунд. Однако для торговли можно успешно использовать и узкий перешеек между Гамбургом и Любеком. По своему значению в европейской и мировой истории Балтийское море, конечно, уступает Средиземному. Однако именно оно связало между собой Западную и Восточную Европу.

Вдоль балтийского побережья располагались очень разные земли. На севере — малочисленное, полуварварское население, скалистые берега и мало перспектив для торговли. Здесь стремились утвердиться шведы, однако их королевство постоянно сотрясали внутренние смуты. Стремясь завладеть устьем Невы, шведы сталкивались с русскими, которые переживали период раздробленности и, в свою очередь, были неспособны вести успешную экспансию в западном направлении. Протяженный восточный берег Балтики оставался поэтому бесхозным; однако борьба за него уже началась, и победить в ней мог только один.

Датчане, державшие в своих руках контроль над Зундом, казалось, были в силу этого призваны господствовать над всей Балтикой. В конце концов, именно последний король викингов Кнут Великий создал империю, включавшую в себя Англию, Ирландию, Гебриды, Шотландию, Норвегию и южную

оконечность Швеции. От императора Конрада II Кнут получил марку Шлезвиг; жители померанских и прусских берегов платили ему дань. Однако после ранней смерти могущественного монарха в 1035 году его держава быстро распалась. Свенд, сын дочери Кнута Эстрид, и его наследники сохранили за собой только Данию, Шлезвиг и часть шведского побережья. Тем не менее, они представляли собой весьма внушительную силу — по крайней мере, до тех пор, пока на Балтике не появилось никого более могущественного.

У Дании не было хороших гаваней на западном берегу Ютландии. Поэтому основное внимание датские короли уделяли именно Балтике. Тем не менее, возможности королевства ограничивали внутренние распри, и датчане не смогли упредить немецкую экспансию.

Земли к востоку от Эльбы были покорены не с моря, а сухим путем. Немецкий меч и немецкий плуг преобразили их. В некоторых районах — к примеру, в Бранденбурге, — славянское население оказалось практически полностью уничтожено или изгнано. В других местах оно было мирным или насильственным путем ассимилировано. Результат повсеместно один и тот же: за воином следовал колонист, и усердный труд преображал прежде пустынную местность.

Громадным проектом восточной экспансии руководили немецкие князья, но принимали в нем участие все сословия — рыцари, горожане и крестьяне. Перенаселенность западных районов Германии вынуждала людей становиться колонистами и переселяться в новый для них мир. Рыцари строили замки на пожалованных им землях, бюргеры населяли новые города, которым с самого начала были даны

обширные привилегии, крестьяне создавали деревни. Тяжелый железный плуг немецких колонистов позволял получать со скудной почвы более богатый урожай, чем легкие деревянные плуги славян. Из кирпича строились прочные дома, солидные ратуши и высокие церкви. Вскоре и болота были вынуждены отступить, дамбы усмирили водные потоки. От побережья Балтики до Венгрии появились единообразные по своему устройству населенные пункты. Города строились начиная с четырехугольной рыночной площади, на которой стояла ратуша и от которой прямые улицы вели к городским воротам. Рядом с площадью появлялась церковь. В новых деревнях дома стояли ровными рядами — не как в старых германских поселениях, где они были беспорядочно разбросаны по местности.

Церковь играла в этих событиях большую роль. Монашеские ордена, в первую очередь цистерцианцы, основывали обители в диком краю. Монахи упорной работой превращали леса в цветущие сады, подавая тем самым пример другим колонистам — вестфальцам, голландцам, фризам, валлонам, фламандцам, франконцам...

Вслед за сушей немецким становилось и море. Воротами на Балтике являлся Любек, основанный графом Адольфом II в 1143 году в междуречье Траве и Вакениц. После того как город был опустошен пожаром, Генрих Лев вынудил графа уступить ему эту территорию и вторично основал Любек, куда перенес и резиденцию епископа из Ольденбурга. Дальновидный герцог стремился сделать Любек центром притяжения для скандинавской торговли и добился в этом немалых успехов, однако собирать урожай выпало уже не ему. В 1181 году в город торжественно вступил император Фрид-

рих I. Спустя семь лет Любек получил из его рук хартию, в соответствии с которой торговцы из числа русских, готов, норманнов и любых восточных народов могли свободно приплывать в город, не платя пошлины. Управлял городом императорский чиновник — фогт — при поддержке избранного горожанами совета.

В Любек устремились переселенцы, а право беспошлинной торговли привлекло многочисленных купцов. Расцвет Любека напоминает быстрый рост североамериканских городов в XIX веке. Судьба городской общины была тесно связана с морем, и об этом свидетельствует большая городская печать: на ней изображено плывущее по волнам судно с головами дракона на носу и на корме. В середине судна возвышается мачта, на палубе купец указывает путь рулевому. На обратной стороне печати изображен император на троне.

Тем временем вендские племена в окрестностях Любека были обращены в христианство. Из числа знатных славянских семей только одна смогла удержать власть в своих руках: герцог Прибыслав основал правящую династию, которая утвердилась в Мекленбурге вплоть до начала XX века. В этих землях тоже быстро росли города, в первую очередь Росток и Висмар.

В Померании переход от язычества к христианству осуществлялся мирным путем, и ключевую роль здесь играли местные славянские князья, поощрявшие крещение и иммиграцию. Устье Одера с древних времен было связано торговыми путями со Скандинавией и Россией. После того как датчане в 1183 году разрушили город Юлин на острове Воллин (знаменитую Винету), ключевое значение здесь приобрел Штеттин. Позднее к западу от устья Оде-

ра появился немецкий город Грейфсвальд, вскоре обогнавший Штеттин в своем развитии. В XIII веке статус городов и соответствующие права приобрели Анклам и Кольберг.

Южнее Мекленбурга и Померании находилась марка Бранденбург, созданная Асканиями²³. Последние часто конфликтовали со своими соседями — потомки Альбрехта Медведя²⁴ активно работали над продолжением его дела. Самой старой частью Бранденбурга была находившаяся на левом берегу Эльбы Старая марка (Альтмарк). На ее территории располагалось несколько небольших, но значимых городов — Гарделеген, Зальцведель, Штендаль, Тангермюнде. Между Эльбой и Одером города все еще находились в процессе становления. Появился город Бранденбург, в 1240 году впервые упоминаются Берлин и Кёльн²⁵, находившиеся на переправе через реку Шпрее. В 1253 году был основан Франкфурт-на-Одере.

Немецкие владения заканчивались на Висле, где располагался важный торговый порт Данциг. Там начиналась языческая Пруссия, к покорению которой вскоре приступил Тевтонский орден. В 1233 году на подконтрольной ордену территории официально появились первые города — Кульм и Торн.

Далее к северо-востоку действовал еще один рыцарский орден. Корабли, шедшие из Готланда в Россию, встречали на своем пути большой остров

---

²³ Об этих событиях можно прочесть в книге: *Хинце О.* Гогенцоллерны: начало. СПб.: Евразия, 2019.

²⁴ Альбрехт Медведь (около 1100–1170) стал в 1150 году первым маркграфом Бранденбурга.

²⁵ Кёльн — город на Шпрее, впоследствии вошедший в состав Берлина. Не путать с Кельном на Рейне!

Эзель. Рядом с ним находится большой залив, в который впадает Двина. Это удобное место на ливонском берегу привлекло переселенцев из Висбю. Купеческая смекалка соединилась с христианским рвением; часто именно торговля предшествовала колонизации. Проповедь среди местных язычников начал Мейнхард из гольштейнского монастыря Зегеберг, ставший первым епископом, однако больших успехов ему добиться не удалось, как и его преемнику.

Лишь Альберт, ставший епископом в 1199 году, решил использовать на Балтике опыт Крестовых походов и обращать язычников в христианскую веру мечом. Получив разрешение от папы, он в 1200 году высадился в Лифляндии с большой армией паломников. Вскоре после этого он основал город Ригу и рыцарский орден Меченосцев. Орден приступил к завоеванию окрестных земель, а епископ Альберт привозил в Лифляндию все новых воинов и поселенцев. Король Филипп пожаловал ему Лифляндию в качестве имперского лена. Однако вскоре епископ вступил в конфликт с орденом, который не хотел подчиняться его власти. К этому добавлялись восстания воинственных эстов, грозившие уничтожить все достигнутое. Кроме того, на власть над восточным берегом Балтики стали претендовать датчане. В конечном счете труд Альберта увенчался успехом: Лифляндия и Эстляндия приняли христианство и немецкие порядки. Рига стала важным торговым центром, росли и другие города. К примеру, когда-то построенный русскими и захваченный эстами Юрьев стал епископской резиденцией под именем Дерпта. На берегу Финского залива находился Ревель; основанный датским королем Вальдемаром II и остававшийся до 1346 года под

властью Дании, он был, тем не менее, чисто немецким городом.

Колонизация балтийского побережья существенно отличалась от античной греческой колонизации. В Древней Греции она была делом полисов. На Балтике у немецких городских общин тоже возникали мысли о создании своих колоний, было предпринято несколько таких попыток, но все они провалились. Немецкие города оказались слишком слабы и не могли обойтись в деле колонизации без помощи рыцарских орденов. Соответственно, и судьба этих берегов находилась в руках князей и дворян, а не городских общин.

Датчане тем временем настойчиво пытались утвердиться на восточном берегу Балтики. Скандинавы рассматривали эти территории как свое владение и не собирались сдаваться без боя. Уже Вальдемар I²⁶ завоевал остров Рюген и в 1168 году разрушил языческое святилище в Арконе. Под власть датчан попал и прилегающий участок побережья. Немецкие колонисты постепенно вытесняли в этом районе вендов; в 1230 году был основан Штральзунд. Только в начале XIV века княжество Рюген досталось по наследству правителям Померании.

Падение Генриха Льва и распря между Филиппом и Оттоном IV оказали негативное влияние на северную Германию. Датский король Кнут VI²⁷ подчинил себе Дитмаршен²⁸; граф Гольштейна

---

²⁶ Вальдемар I Великий (1131–1182) – король Дании с 1157 года.

²⁷ Кнут VI (1162–1202) – король Дании с 1202 года.

²⁸ Дитмаршен – исторический район на западе Гольштейна, у побережья Северного моря. На протяже-

Адольф III потерпел поражение и был в качестве пленника в цепях доставлен в Данию. Мекленбургские и померанские правители, а также жители Любека были вынуждены присягнуть датскому королю. Преемнику Кнута VI, Вальдемару II Победителю²⁹, император Фридрих II был вынужден сделать большие территориальные уступки на Эльбе.

Возможно, весь бассейн Балтийского моря попал бы под власть датчан, если бы ситуацию не спас граф Генрих Шверинский. В 1223 году он смог внезапно напасть на Вальдемара, охотившегося на небольшом острове, взять его в плен и привезти в замок Данненберг на Эльбе. Граф поставил датчанам весьма тяжелые условия, на которые последовал отказ. Тогда Генрих вступил в союз с архиепископом Бремена и смог одержать победу при Мёльне³⁰. Гольштейн был возвращен Шауенбургской династии, Любек изгнал датский гарнизон. Вальдемар провел в плену три с половиной года; выйдя на свободу, он попытался вернуть потерянное, однако был побежден 22 июля 1227 года при Борнговде к югу от Киля. Его противниками в этой битве были северогерманские князья, Любек и крестьяне из Дитмаршен. Впоследствии появилась легенда, согласно которой немцам помогли небесные силы, ослепив их противников солнечными лучами.

нии долгого времени (до середины XVI века) являлся практически независимым в политическом отношении регионом чисто крестьянского землевладения и поэтому многими исследователями считался «крестьянской республикой».

²⁹ Вальдемар II (1170–1241) — король Дании с 1202 года.

³⁰ Январь 1225 года.

Сбросив датское иго, жители Любека обратились к императору Фридриху II за подтверждением своих привилегий. В 1226 году они смогли получить две грамоты с золотой печатью, в которых говорилось, что Любек на веки вечные останется вольным городом, подчинявшимся только императору и никому более. Так на севере Германии появился первый имперский город.

Датчане после смерти Вальдемара II погрузились в пучину внутренних конфликтов. Они смогли удержать за собой Эстляндию, Рюген и Штральзунд, но лишились всякой надежды вытеснить немцев с восточного побережья Балтики. Здесь ни одна держава не смогла играть доминирующую роль, и это способствовало появлению все новых вольных городов, стремившихся усилить свои позиции.

Глава 4

Начало Ганзы

Первую историю Ганзы опубликовал в 1802–1808 годах Георг Сарториус; он сетовал на то, что его исследование столкнулось с большими сложностями. Первой из них был недостаток источников, и к настоящему моменту ситуация в этом плане существенно улучшилась. Другие проблемы, однако, остались, поскольку они связаны с самим объектом исследования. Сарториус метко замечал: «Жизнь городской общины и дела торговой компании не обладают привлекательностью, которой наполнены великие деяния монархов. В этой истории мало ярких личностей, здесь на первом плане находится не индивидуум, а коллектив».

Это касается в первую очередь истории немецких средневековых городов (в отличие от итальянских, где хватало ярких фигур). Поэтому хронисты писали о городских общинах как о едином целом, в лучшем случае упоминая отдельные имена. Поэтому историку Ганзы редко выпадает счастье узнать мысли и чувства своих героев и вдохнуть жизнь в их образы.

В истории Ганзы присутствует некое однообразие, она наполнена вещами, которые не слишком интересуют широкую публику, какими бы важными они ни являлись с точки зрения истории экономи-

ки и торговли. Политика городов по отношению к другим государствам зависела от того, насколько высока была ставка таможенной пошлины, как соотносились друг с другом меры и веса, какими товарами было выгоднее торговать в каждом конкретном случае. История торговли наполнена конфликтами — спорами вокруг того, справедливо ли конфискованы товары и насколько велика должна быть компенсация. Здесь практически нет ярких красок, и мы будем рассказывать о подобных сюжетах только в самых общих чертах.

Характер каждого исторического организма определяется во многом обстоятельствами его появления на свет. Именно поэтому мы подробно поговорим о том, как возникла Ганза.

Как уже говорилось выше, немецкая торговля за рубежом смогла успешно утвердиться, однако центральная власть оказалась слишком слаба для того, чтобы предоставить ей необходимую защиту. Развитие экономики позволило городам сосредоточить большие ресурсы, однако городские общины вынуждены были отстаивать свои интересы поодиночке. У этой ситуации имелись и положительные стороны — в конечном счете, именно отсутствие сильной княжеской власти позволяло городам на протяжении трех столетий развиваться в том направлении, в котором они сами считали нужным.

После избрания в 1273 году немецким королем Рудольфа Габсбурга³¹ ситуация в Империи стабилизировалась. Однако для севера мало что изменилось; центральная власть интересовалась только

---

³¹ Рудольф I (1218–1291) фактически заложил основу будущего могущества династии Габсбургов.

Любеком, поскольку оттуда в королевскую казну поступали налоги. Но и Любеку королевские привилегии приносили больше вреда, чем пользы. Рудольф и его преемники демонстрировали свое расположение городам, порой заступались за них перед соседями, но не оказывали действительно серьезного влияния на их жизнь.

Рассматривая историю возникновения Ганзы, нужно уделять внимание трем аспектам: отношениям между городами, связям с территориальными князьями и с иностранными державами. Ключевое значение при формировании союза городов играли, разумеется, торговые интересы.

Первый вопрос: когда именно возникла Ганза? Вообще говоря, для исторической науки конкретные даты не так важны. Большие процессы всегда занимают много времени, протекают постепенно, и нет никакого смысла искать единственную правильную дату. Точно так же не имеет смысла искать единственную причину происшедшего; здесь играли роль множество факторов.

Датой основания Ганзы часто называют 1241 год, когда Гамбург и Любек заключили договор о совместной борьбе с разбоем в районе между Эльбой и Траве. Действительно, это — первое известное нам соглашение двух ключевых городов региона, связанное с торговлей. Однако оно носило лишь местный и временный характер. Истоки Ганзы следует искать в сфере заморской торговли.

И здесь нам нужно обратить внимание не на какой-то конкретный акт, а на постепенное формирование системы связей. В первую очередь речь идет о слиянии торговых систем Северного и Балтийского морей, а также о соглашениях, регулировавших заморскую торговлю. Именно в ре-

зультате этих двух процессов северогерманское купечество постепенно становилось ганзейской корпорацией.

Северное и Балтийское моря стали единым торговым регионом во многом благодаря немецкой колонизации. Оба моря образовывали нечто вроде замкнутого пространства, поскольку Атлантика в те времена еще не использовалась для мореплавания (исключая прибрежные районы). Ключевую роль здесь играл Любек, находившийся примерно на одинаковом расстоянии от Готланда и Англии. Он являлся чем-то вроде соединительного звена, он же во главе других балтийских городов успешно добился тех же привилегий, которые уже имели более старые города к западу от Эльбы. Этому способствовало переселение в новые города значительного числа торговцев с запада. Они приносили с собой накопленный опыт и капиталы, а за рубежом вели себя на равных со своими прежними соотечественниками.

Представители старых городов, однако, не всегда относились к «новичкам» доброжелательно. В Англии купцы из Кёльна и Трира считали своих северогерманских коллег чужаками и стремились вытеснить их. Торговцы из Любека жаловались на это императору Фридриху II, который обещал обеспечить им равные права. Более эффективным, однако, оказалось вмешательство английского короля Генриха III, который в 1238 году предоставил всем немцам одинаковые привилегии. Англичане считали, что все иностранные торговцы приносят их стране пользу и увеличение их числа — в интересах королевства. В 1237 году от пошлин в Англии оказались освобождены и жители Готланда.

Нам известны далеко не все подробности того, как была организована жизнь немецких купцов в Лондоне. В 1251 году в документах появляется торговый староста, который участвовал в разрешении спора между торговцами из Кельна и Бремена с одной стороны и из Любека с другой. Позднее упоминается особое «немецкое право» в Англии. Возможно, что когда Генрих III в 1260 году вновь гарантировал защиту прав «купцов из Германской империи, то есть тех, у кого имеется в нашем городе здание, называемое домом немецкой гильдии», он имел в виду только выходцев из Кёльна. Дело в том, что в это время гамбургские и любекские купцы добивались у английского короля права создавать свои собственные ганзы.

Конфликт между представителями различных немецких городов завершился только к 1282 году. Именно тогда впервые появляется формулировка: «Купцы из ганзы немцев». Так слово, использовавшееся в Англии в качестве синонима гильдии, стало обозначать корпорацию немецких торговцев. Не только в Лондоне, но и в других английских городах немецкие купцы вели свои дела и имели свои представительства. Так, торговцы из Любека построили в Линне свой дом, а тамошний купеческий староста называл себя «старостой Римской империи».

Весьма вероятно, что в Англии Любек и Гамбург сообща представляли интересы своих купцов. Их совместную деятельность мы встречаем и в других местах. Северогерманские торговцы стремились проложить себе путь не только в Лондон, но и в другие центры Западной Европы, оттеснив конкурентов из Кельна.

Самым густонаселенным районом тогдашней Европы было графство Фландрия. Здесь имелось

множество городов, крупнейшим из которых был Брюгге — «северный Константинополь», связанный с морем каналом. Из Англии сюда поступала шерсть, которая перерабатывалась в Брюгге и соседних городах в высококачественную ткань, ценившуюся во всей Европе. Купцы с севера и с юга прибывали во Фландрию, чтобы купить эти ткани и продать свои товары.

Брюгге предоставлял иностранным торговцам большие привилегии, разрешая им жить по собственным законам и решать конфликты друг с другом через собственных посредников. Городская община сохраняла за собой только высшую судебную власть. В Брюгге встречались друг с другом итальянцы, испанцы, французы, англичане, шотландцы, скандинавы, немцы. Здесь можно было купить любой товар, который имелся в тогдашней Европе.

Торговые связи Брюгге с немецкими городами существовали уже давно, и ключевую роль здесь играл снова Кельн. В середине XIII века ситуация, однако, изменилась. В 1252 году посланники всех городов Империи вступили в переговоры с графиней Маргаритой Фландрской и ее сыном Гвидо и смогли добиться серьезных привилегий. Главными представителями с немецкой стороны были Герман Хойер из Любека и Йордан из Гамбурга. Кельн и готландские торговцы присоединились к этому соглашению.

В 1280 году между иностранными торговцами и Брюгге возник конфликт и немецкие купцы перенесли свои склады на два года в Арденбург в Зеландии. Переговоры об урегулировании конфликта с немецкой стороны вели представители Любека. Перенос складов был типичным средством, с по-

мощью которого торговцы могли бороться с несправедливостью и защищать свои права. Прекращение торговли являлось достаточно эффективным оружием.

Сложнее обстояли дела в Скандинавии. Местные жители когда-то наводили своими набегами ужас на всю Европу. Позднее они, однако, практически отказались от мореплавания, поскольку были не в состоянии угнаться за развитием корабельного дела. Немецкие города намного опередили Скандинавию в экономическом развитии. Когда-то датчане поднимались вверх по Рейну, теперь же торговля со Скандинавией осуществлялась практически только на немецких кораблях.

Проблема заключалась в том, что с датчанами, шведами и норвежцами могла в любой момент вспыхнуть война. Частые вооруженные конфликты затрагивали и города, которые в таком случае были способны отстаивать свои интересы только совместными усилиями. Во Фландрии и Англии северо-германские торговцы боролись за привилегии; на Балтике они могли надеяться установить свою торговую монополию. В этом были заинтересованы не только Любек, но и Бремен с Гамбургом.

В Дании, где дворянство и духовенство в это время перешли в наступление на свободных крестьян, города развивались очень медленно. Наиболее значимым портом являлся Шлезвиг, который, однако, не выдержал конкуренцию с немецкими городами на Балтике. Вальдемар II, стремившийся распространить свою власть на север Германии, покровительствовал немецким городам региона. Однако в середине XIII века между Любеком и Данией вспыхнула война. В 1249 году любекские корабли разрушили Копенгаген, представлявший собой в те

времена, по сути, деревню вокруг замка. В результате войны датчане были вынуждены подтвердить привилегии, которыми пользовались Гамбург и Любек, и предоставить их другим городам — Висмару, Грейфсвальду и Риге.

Важным торговым пунктом стал небольшой полуостров на юго-западе Сконе, где располагались деревни Сканёр и Фалстербо. Там в изобилии водилась сельдь, привлекавшая множество рыбацких судов. Параллельно с рыболовством велась и торговля. Местный рынок рос, привлекая купцов из разных стран. Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грейфсвальд, Гамбург, Киль и другие города смогли добиться здесь привилегий для своих торговцев, которым разрешалось строить себе дома. В целом в Дании торговля велась достаточно свободно и не была ограничена определенными пунктами.

Отношения со Швецией тоже были основаны на системе договоров. В южной части королевства имелось много удобных гаваней. Своим торговцам шведские короли предоставляли обширные права; иностранцы должны были жить по шведским законам и принять шведское подданство. Тем не менее, в некоторых городах, таких как Стокгольм или Кальмар, поселилось множество немцев. Еще Генрих Лев заключил соглашение об условиях торговли между Любеком и Швецией. Позднее оно было подтверждено, аналогичные договоры шведы заключили с Гамбургом и Ригой.

Торговля с Норвегией по своей древности не уступала шведской. До начала XIV века норвежцы самостоятельно торговали с Англией, и даже саксонские купцы нередко отправлялись в плавание на норвежских кораблях. Впоследствии английские

и шотландские торговцы стали прибывать в Норвегию; именно они и являлись основными конкурентами немцев. Норвежцы не жаловали чужаков, и это создавало дополнительные сложности. Изначально ключевую роль в торговле с Норвегией играл Бремен, которому удавалось поддерживать с этим королевством хорошие отношения. Постепенно привилегий для своей торговли удалось добиться Любеку, Гамбургу и Грейфсвальду. Однако права иностранных купцов по-прежнему оставались серьезно ограниченными.

Только в 1278 году король Магнус по просьбе ряда немецких городов, в первую очередь Любека, облегчил положение германских торговцев. Было отменено береговое право, внесены изменения в судебную практику, купцов освободили от некоторых унижительных ограничений. Эти привилегии касались всех торговцев, «говоривших по-немецки», а не только подданных императора, как во Фландрии или в Англии. Взаимопонимание, однако, продлилось недолго: сын Магнуса, Эйрик II, начал войну против немецких торговцев, нападая на их корабли в открытом море.

На протяжении всего Средневековья немецкие купцы рассматривали север Европы как свою сферу влияния. Постепенно приходило и осознание общности их интересов. В 1283 году перед лицом угрозы со стороны маркграфа Бранденбурга был создан большой союз, включавший в себя герцогов Саксонии и Померании, князя Рюгена, множество мелких князей, а также города Любек, Висмар, Росток, Штарльзунд, Грейфсвальд, Штеттин, Деммин, Анклам и другие. Ввиду одновременно начавшегося конфликта с Норвегией города приняли решение прекратить с ней торговлю. Датский король

Эрик Глиппинг³² присоединился к союзу в ноябре 1284 года и обещал помощь против общего врага. За счет городов был создан флот, отправившийся на север и разоривший норвежское побережье. К союзу начали присоединяться и удаленные города: Рига, Висбю, Гамбург, Киль. Обе стороны стремились привлечь на свою сторону Англию; в конечном счете, Эдуард I поддержал норвежцев.

Тем не менее, Эйрик II, лишившись хлебного импорта, был вынужден уступить и принять посредничество шведского короля Магнуса³³. Последний поддержал немецкие города. Норвежцы должны были вернуть все конфискованные товары, заплатить большой штраф и предоставить германским торговцам обширные привилегии. Главными торговыми центрами в дальнейшем являлись Берген, Тёнсберг и Осло, где осело множество немецких ремесленников, основавших собственную гильдию. Позднее особенно тесные связи с Осло сложились у торговцев из Ростка.

Кампания против Норвегии была первой большой морской войной, которую северогерманские города вели совместными усилиями. Правда, их единство было не абсолютным, интересы во многих случаях расходились, и Бремен даже продолжил торговлю с противником, за что норвежский король предоставил его жителям особые привилегии. В ответ воевавшие против Норвегии города постановили изгнать всех бременских купцов. Бремен остался в изоляции вплоть до 1358 года.

---

³² Эрик V Глиппинг (1249–1286) — король Дании с 1259 года.

³³ Магнус I (1240–1290) — шведский король с 1275 года.

Во время мирных переговоров городская община Висмара направила вестфальским городам письмо, в котором говорилось, что норвежцы нарушили права простых купцов и поэтому другие города должны оказать союзникам хотя бы финансовую помощь. Одновременно предлагалось направить представителей на общее собрание городских общин, на котором обсуждались связанные с войной вопросы.

Союз городов и князей смог одержать победу над серьезным противником. Поскольку Империя не могла предоставить им надежную защиту, отдельные государственные образования были вынуждены объединять свои усилия. Возникали многочисленные союзы, большинство из которых оставались краткосрочными и быстро распадались. Самые серьезные стимулы — защита торговли — имелись у городов; именно поэтому их союзы оказались наиболее прочными и долговременными. Общность интересов прекрасно осознавалась современниками: в 1267 году города в регионе от Гамбурга и Бремена до Гарца заявили о своих «старых узах товарищества». Города балтийского побережья были просто обречены сотрудничать друг с другом.

Самый старый из известных нам договоров между Любеком, Росток и Висмаром относится к 1259 году. Он был направлен против морских и сухопутных разбойников. В дальнейшем представители городов часто встречались для обсуждения различных вопросов, а их совместные решения называли обычно латинским словом «рецессы». Участники этих соглашений стремились вовлечь в процесс другие города, чтобы придать веса своим решениям. Обсуждались не только вопросы торгов-

ли. Так, одним из старейших рецессов устанавливалось, что изгнанный из одного города преступник не должен приниматься в других городах, что вор и убийца должен нести наказание повсеместно и что борьба с пиратством должна вестись совместными усилиями. В случае, если город осаждался войсками князя, последнему не имел права помогать ни один другой город.

Любек развивал отношения не только с вендскими городами³⁴, но и с Гамбургом. Заключенные союзы не просто укрепляли эти связи, но и создавали правовую основу для торговли, а также способствовали осознанию единства интересов городских общин. Они стали важными и абсолютно необходимыми предшественниками большого объединения.

Победа в морской войне над Норвегией, в таможенной войне против Брюгге, получение привилегий от английского короля — эти события не были непосредственно связаны друг с другом. Однако все они стали возможными только благодаря осознанию общности торговых интересов разных городов. Главным проводником этой идеи был Любек, который в результате пользовался в регионе большим авторитетом. Кельн, старая торговая метрополия, постепенно отходил на второй план, вовлеченный в крупные конфликты на Нижнем Рейне. Причина упадка Кельна заключалась, однако, не только в этих конфликтах; он был торговым центром, для которого судоходство играло второстепенную роль, в то время как Любек и другие

---

³⁴ Вендским берегом называлось побережье Балтики между Гольштейном на западе и Померанией на востоке.

северогерманские города были обращены к морю. Благодаря совместным действиям им удалось создать единое торговое пространство, охватывавшее все берега, до которых могли доплыть их коggi³⁵.

Важными пунктами на этом пространстве являлись Лондон и Висбю. Немецкая колония на Готланде была открыта для всех торговцев в равной степени. В Висбю жила большая немецкая община, которая участвовала в управлении городом, выбирала своих собственных фогтов и подчинялась местному праву. В 1225 году она построила собственную церковь, посвященную Деве Марии. Печать общины украшала лилия — священный цветок Богоматери. Такая же печать была и у гильдии купцов, которые вели торговлю с Готландом и посещали остров время от времени. Жители Готланда, в свою очередь, добирались до Англии и Фландрии. Через Готланд была установлена связь с Новгородом, отсюда отправились первые экспедиции в Лифляндию.

Торговля на востоке Балтики быстро развивалась. В 1211 году рижский епископ Альберт освободил всех купцов, прибывающих в лифляндские гавани, от пошлин и предоставил им множество других прав. Торговцам не разрешалось только создавать гильдии, кроме того, они находились в юрисдикции местных судов.

Двигаясь от Риги вверх по Двине, можно добраться до Полоцка и Витебска. Если повернуть

---

³⁵ Когг — основной тип корабля, использовавшийся в Северной Европе в XII–XIV веках. Применялись как для торговых операций, так и для боевых действий. Короткий, но достаточно широкий корабль с одной мачтой и большим прямым парусом.

оттуда на север, то Новгород оказывается практически рядом. Коротким сухим путем можно было от Двины добраться и до Смоленска, расположенного на Днепре и являвшегося воротами к восточной торговле. По Днепру через большой город Киев путь лежал в Черное море и далее к Константинополю. Немецкие торговцы проникли и в эти края. В 1229 году со смоленским князем был заключен договор, действие которого распространялось на Полоцк и Витебск. Он гарантировал защиту «всем рижским и немецким людям, плавающим по Балтийскому морю». В его подписании участвовали, помимо представителей Риги и Готланда, торговцы из Любека, Зёста, Мюнстера, Гронингена, Дортмунда и Бремена. В течение последующих десятилетий договор неоднократно подтверждался.

В качестве представителя интересов немецкого купечества на этих территориях выступала в первую очередь Рига. Если торговец становился жертвой произвола, город вступался за него. Так, сохранилось письмо, направленное от имени Риги витебскому князю: «Если ты не уничтожишь злоупотребления и беззаконие, мы призовем на помощь Господа и всех тех, кто любит правду и ненавидит ложь. Мы не можем молча сносить притеснения и не будем их больше терпеть».

В Новгороде, который немцы называли на свой манер Наугардом, тоже случались конфликты. Этот русский город был фактически независимой республикой; жители нередко выгоняли своих князей и наместников. Городская община Новгорода знала свою силу: «Кто может противиться Господу и Великому Новгороду?» Иногда случались вооруженные конфликты между русскими дружинами и немецкими рыцарскими орденами. Однако, если немцы пре-

кращали торговлю, новгородцы неизменно шли на уступки. В результате торговый оборот постоянно рос; в Новгороде немцам принадлежали три двора с церквями.

Город Висбю был во многом уникален: значительную часть его населения составляли немцы, однако он находился за пределами Империи. Висбю располагался в самом центре немецкой торговой сети и поддерживал тесные политические связи с Любеком. В 1280 году оба города заключили союз сроком на десять лет, обязавшись помогать друг другу против любого неприятеля, который осмелится покуситься на немецкую торговлю на Балтике. Висбю принимал также участие в вышеописанной войне против Норвегии. В 1288 году город вынужден был признать верховенство шведского короля и выплатить ему крупный денежный штраф за нарушение монарших прав. Поводом для вмешательства короля Магнуса стал конфликт между горожанами и жителями острова Готланд. Не был ли этот шаг шведского монарха напрямую связан с его посредничеством в войне между немецкими городами и Норвегией? По крайней мере, немецкая община Висбю ни в чем не перечила Магнусу.

Положение Висбю поначалу не сильно изменилось, но возникли сомнения в том, что подчинившийся шведскому королю город сможет играть роль арбитра в правовых спорах. В 1293 году посланники городов «Саксонии и Славии», собравшись в Росток, постановили, что действовавшие в Наугарде правовые нормы сохраняют силу, однако жалобы на их нарушение будут рассматриваться только представителем Любека. Жители Висбю были возмущены, однако принятое в Росток решение было

поддержано множеством других городов — от Магдебурга, Галле и Брауншвейга до Данцига и Эльбинга. Рига сначала воздержалась, но позднее присоединилась к общему решению. Купеческая корпорация Висбю лишилась монополии своей большой печати, которой ранее скреплялись все заключенные в Новгороде торговые соглашения; отныне каждый город использовал свою печать.

Унижение Висбю стало большим триумфом для Любека. В письме, направленном в Любек городской общиной Киля, высказывалась благодарность за многочисленные заслуги в деле защиты немецких интересов в Наугарде и восхвалялось городское право Любека. Сам Киль получил аналогичную правовую систему в 1242 году.

Когда города получили автономию, многие начали записывать обычное право и создавать кодексы. Сформировалось так называемое городское право, которое от места к месту сильно различалось по форме и содержанию. Часто эти кодексы нуждались в утверждении монархами, а граждане присягали им. В них были зафиксированы внутреннее устройство городского самоуправления и законы всех видов. Впоследствии правовые системы некоторых городов приобрели большую известность и другие городские общины начали их копировать. Именно так в большинстве случаев поступали жители новых городов. В этом случае тот город, который был источником кодекса, становился верховной апелляционной инстанцией, толковавшей нормы в спорных ситуациях. Самое широкое распространение получило так называемое «магдебургское право» — в Остфалии, Бранденбурге, Мейсене, Лаузице, Силезии, орденой Пруссии, даже в Польше, Богемии и Моравии вплоть до самой Венгрии.

Однако ареал распространения «любекского права» был ненамного меньше. Его предшественником и источником являлось «вестфальское право», появившееся в Зёсте в XII веке. Генрих Лев даровал его Любеку, а императоры подтвердили этот акт. Вскоре город начал перерабатывать и дополнять кодекс. Последний был позаимствован многими другими городами, в частности Гамбургом, где его ввел Адольф III. Впрочем, «гамбургское право» вскоре приобрело самостоятельный характер и было принято в Риге и других городах на востоке Балтики. «Любекское право» в 1218 году принял Росток, затем Висмар, Штральзунд и Грейфсвальд, а также все мекленбургские, большинство гольштейнских и померанских городов, Эльбинг и Мемель в Пруссии (остальные прусские города жили по «кульмскому праву»), Ревель и Нарва. Жители Любека гордились этим и писали, в частности, жителям Эльбинга: «Мы даем вам это право, чтобы вы придерживались его; вы можете улучшать его за счет расширения, но не за счет сокращения; эти законы есть начало права, они учат жить честно, никому не наносить вреда и поступать с каждым по справедливости». Единая правовая система представляла собой важную связь между городами.

Эльбинг и Торн в Пруссии вынуждены были на начальном этапе преодолеть множество сложностей, однако затем начали успешно развиваться. После полувековой работы Тевтонский орден выполнил свою задачу. В 1237 году он объединился с лифляндским орденом Меченосцев, который был не в состоянии в одиночку противостоять русским и литовцам. На пространстве от Померании до Эстляндии возникло единое государственное образо-

вание. Вскоре орден смог присоединить к своим владениям устье Вислы с Данцигом; в результате Польша и Бранденбург оказались отрезанными от моря. В 1309 году верховный магистр ордена Зигфрид фон Фейхтванген перенес свою резиденцию из Венеции в Мариенбург, где был построен величественный замок.

С самого начала орден вел не только войну, но и торговлю и продолжил вести ее после окончания военных действий. Рыцари стремились развивать прусскую торговлю, отправляя корабли даже в Англию и Фландрию. Поэтому орден взял под покровительство прибрежные города. Когда в 1295 году датчане начали притеснять немецких купцов, великий магистр ордена заявил о готовности прийти на помощь.

Попробуем обобщить все эти сухие данные и воссоздать общую картину. В то время, когда Любек вступил в полосу быстрого развития, немецкие торговцы уже вели активные операции к западу и востоку от него. Рейнские и вестфальские города создали немецкую торговлю. Однако именно Любек стал связующим звеном между двумя регионами. Этот город стремился покровительствовать всем немецким торговцам; его мудрый городской совет своевременно понял, что только объединенными усилиями можно добиться результата, и действовал соответствующим образом. Теперь речь шла не только о сотрудничестве немецких купцов в конкретном зарубежном торговом центре, а о содружестве и единстве действий городов в целом. Насколько эффективным может быть такое содружество, продемонстрировала война с Норвегией.

В то же время Любек не был главой союза. Только большой торговый оборот и активность купцов

придавали ему значение и авторитет. Союз городов в полном смысле слова пока еще не существовал. Только время от времени их представители собирались для переговоров, заключали соглашения, собирали деньги на общие цели. Города готовы отказаться от своей самостоятельности только в той мере, в какой это приносит им выгоду; в остальном они стремятся сохранить полную независимость. Здесь следует отличать друг от друга ситуативные группировки и прочные союзы; однако нужно признать, что и первая из этих двух форм создавала благоприятные условия для развития.

В регионе существовало несколько таких группировок: города в районе Зейдерзе, Кельн и рейнские города, саксонские города, Гамбург и Любек, города вендского и померанского побережья, наконец, города лифляндского берега вместе с Висбю. Последние поддерживали тесную связь с Любеком. Кроме того, купцы из разных городов объединялись на местах — в Новгороде, Лондоне и Брюгге. Тамошние представительства были открыты для любого немецкого торговца, признававшего их законы и готового платить взносы. Кроме того, представители небольших городов могли выигрывать от привилегий, полученных за рубежом более крупными и сильными общинами, вступая на время в ряды последних или отправляя свои товары на кораблях, принадлежавших привилегированным городам. Небольшие города извлекали из этого немалую пользу и были заинтересованы в том, чтобы со своей стороны поддерживать более сильных товарищей. Эта система способствовала распространению единых мер, весов и стандартов, еще больше облегчая торговый обмен. В руках больших городов имелись достаточные ресурсы для того, чтобы установить

единые принципы торговли; общность коммерческих интересов представляла собой связь, которая в зависимости от ситуации могла оказаться сильнее или слабее.

Группировки все еще были довольно аморфными; только следующий шаг — объединение в полноценный союз — могло придать им настоящую силу.

Глава 5

Большая война против Дании

В жизни народов и государств подъемы часто чередуются со спадами. Северогерманские города также не смогли избежать подобной участи. В начале XIV века их отношения вступили на несколько десятилетий в полосу кризиса. Даже сложившийся вокруг Любека союз дал трещины, и город стал проводить полностью самостоятельную политику.

Одновременно было наглядно продемонстрировано, насколько благополучие городов зависело от воли территориальных князей. Датский король Эрик Менвед³⁶ нашел себе союзников и с их помощью попытался взять реванш за былые поражения. Князь Николай Мекленбургский принял из его рук в качестве ленного владения Росток; этот город в 1302 году после героической обороны вынужден был сдаться, в то время как Штральзунду пока удалось отбиться. Любек, которому угрожали гольштейнские графы, добровольно попросил помощи датского короля и признал его покровительство. К счастью, в 1319 году Эрик скончался и датская экспансия остановилась. При новом короле, Кри-

---

³⁶ Эрик VI Менвед (1274–1319) — король Дании с 1286 года.

стофере³⁷, Дания была поглощена внутренней смутой и едва не распалась совсем. Графы Гольштейна и их вассалы, дворяне-разбойники, бесчинствовали на всем пространстве к северу от Эльбы; торговля сильно страдала от этого. Гольштейнские дворяне пиратствовали и на море. Только сыну Кристофа, Вальдемару IV³⁸, после долгих усилий удалось восстановить в Дании порядок. В 1340 году он заключил договор с Любеком, и города оказали ему помощь в борьбе против гольштейнских графов. Однако на то, чтобы обуздать дворян-разбойников, потребовалось много лет.

Тем временем процесс объединения немецких купцов из разных городов за пределами Империи продолжался. В особенности это касалось Наугарда, Лондона и Брюгге. Так, в 1347 году немецкие купцы в Брюгге постановили: «Впредь обычные торговцы будут разделены на трети. В одной трети будут те, кто из Любека, вендских городов и Саксонии, в другой трети — из Вестфалии и Пруссии, в третьей — из Лифляндии, Швеции и Готланда». Возможно, эта система существовала и раньше, однако теперь она была окончательно закреплена. Несколько лет спустя, в 1356 году, собравшиеся в Брюгге представители всех третей приняли общий для всех торговцев кодекс — знак того, что торговая колония становилась единым целым.

Уже давно использовавшийся в Англии для обозначения немецкого купечества термин «ганза» закрепился и на континенте. В 1358 году в Любе-

---

³⁷ Кристофер II (1276–1332) — король Дании в 1319–1326 и 1330–1332 годах.

³⁸ Вальдемар IV Аттердаг (около 1320–1375) — король Дании с 1340 года.

ке был принят рецесс, в котором немецких купцов в Брюгге и Фландрии называют «немецкой ганзой». На повестке дня вновь стоял вопрос разрыва торговых отношений; города, не поддержавшие общего решения, должны были быть изгнаны из «ганзы» и общего правового пространства.

С этих пор слово «ганза» начинает использоваться все чаще в разных формах (в том числе «гензе» или «генце»). Написание «ганза» было характерно в первую очередь для документов на латыни. В том же 1358 году Немецкой Ганзой уже называют объединение городов.

Именно в этом году Бремен, опустошенный «черной смертью» и ослабленный внутренними смутами, решил примкнуть к союзу других приморских городов. Связанный с этим решением документ от 3 августа 1358 года достаточно хорошо показывает внутреннее устройство Ганзы. В нем совет и община Бремена благодарят консулов других городов, а также обычных купцов, позволивших им вновь наслаждаться теми же свободами и привилегиями, что и они. Переговоры велись в Любеке, и в них участвовали представители всех ганзейских городов. Бремену было разрешено и дальше пользоваться привилегиями, полученными им самостоятельно в Норвегии, Англии и Фландрии, однако только в том случае, если это не наносило ущерба другим членам Ганзы. Бремен должен был принимать участие в совместной обороне в случае войны и признать все договоры, заключенные ранее ганзейскими городами. Торговец, нарушающий эти договоры, должен был быть казнен, а все его имущество конфисковано; две трети имущества достаются Ганзе, треть — городу, в котором он будет пойман. Если Бремен не будет соблюдать этих усло-

вий, он будет навечно изгнан из Ганзы. Кроме того, Бремен обязался совместно с Гамбургом бороться с разбойниками на Эльбе.

Термин «Ганза» с этого момента становится обозначением всех немецких купцов, которые пользуются одними и теми же правами, соблюдают определенные соглашения и имеют определенные обязанности. Членами Ганзы могли стать как целые города, так и индивидуальные торговцы. Ганза — это еще и правовое понятие. Привилегии, которыми обладают за рубежом отдельные члены Ганзы, не должны идти во вред остальным. Тот, кто хочет пользоваться правами ганзейца, обязан выполнять предписания Ганзы. Ганза становится постоянным учреждением, даже если ее члены меняются. Именно она осуществляет правовой надзор и руководит зарубежными торговыми колониями.

В документе 1358 года «морские города» и «Ганза» еще существуют как два отдельных понятия, однако первые действуют от имени второй, поскольку являются ее членами. Города обладали правом приема в Ганзу новых членов и могли предъявлять им определенные требования. При этом в случае с Бременом Гамбург смог включить в документ положение о борьбе с пиратством на Эльбе, которое отражало его частные интересы. На первом месте в Ганзе стоял Любек, в который и было передано на хранение соглашение о вступлении Бремена в союз. Именно Любек и окрестные города были сердцем союза, и им предстояло вскоре сыграть большую роль в последующих событиях.

Датские короли обычно получали в народе прозвища, метко характеризовавшие их. Так, Вальдемара IV прозвали «Аттердагом» — в переводе «снова день», его любимое выражение, которое говорило

о том, что он предпочитает ждать сколько угодно, но не отказываться от своих намерений. В его лице на трон вступил весьма беспокойный правитель со множеством проектов, любитель рыцарского стиля жизни и пышности. В начале правления Карла IV³⁹ север Германии погрузился в смуту; в этот период датский правитель помогал своему шурину, бранденбургскому маркграфу Людвигу Баварскому, в борьбе против Лже-Вальдемара и других врагов. Вальдемар IV заключил также союз с Карлом IV, при этом последний передал ему в качестве залога подати, поступавшие в императорскую казну от города Любека.

После долгих усилий Вальдемар IV смог потеснить гольштейнских графов и установил свой контроль над всеми частями датского государства. Это удалось ему только ценой беспощадной эксплуатации крестьянства. Чтобы добыть деньги, он вынужден был даже продать в 1346 году Ревель вместе с Эстляндией Тевтонскому ордену. Хуже было то, что в 1332 году в руках шведов оказалась Сконе. Король Кристоф передал большую часть Сконе графу Иоганну Гольштейнскому, но местные жители взбунтовались против заносчивых немецких дворян и перебили многих из них. После этого граф Иоганн продал Сконе шведскому королю Магнусу⁴⁰. В их договоре был пункт, предусматривавший возможность выкупа этой провинции датским коро-

---

³⁹ Карл IV (1316–1378) из Люксембургской династии, правил Империей с 1346 года, считается одним из самых могущественных европейских монархов своего времени.

⁴⁰ Магнус II (1316–1374) — король Швеции с 1319 по 1364 год, до 1355 года также король Норвегии.

лем. В конце концов, смута в Швеции дала Вальдемару IV желанную возможность для вмешательства. Король Магнус, ставший в результате наследования обладателем норвежской короны и передавший ее своему сыну Хакону, был настолько ненавистен жителям Сконе, что те оказались готовы вернуться в датское подданство. При поддержке герцога Альбрехта Мекленбургского Вальдемар IV смог в 1360 году занять Сконе, овладев важной крепостью Хельсингборг.

Приморские города поспешили запросить у датского короля подтверждения своих торговых привилегий в Сконе, предложив за его согласие значительную сумму. Однако Вальдемар IV не довольствовался завоеванием провинции; честолюбие, мстительность и алчность гнали его все дальше вперед. Король Магнус к тому моменту стал из-за своей слабости предметом насмешек собственного народа и для датского монарха не представлял совершенно никакой угрозы. Однако другие важные фигуры в Швеции и Норвегии не собирались мириться со своей потерей. Король Хакон был помолвлен с Маргаритой, дочерью Вальдемара IV. После захвата Сконе датчанами он разорвал помолвку и женился на Елизавете из враждебного датчанам Гольштейнского дома.

Похоже, датский король почувствовал угрозу и взялся за меч. Свой взор он обратил на Готланд. В Швеции узнали о его планах и предупредили жителей острова, но никакой другой помощи оказать не сумели. К тому времени богатство Висбю стало легендарным, и Вальдемар IV говорил своим воинам, что в этом городе свиней кормят из серебряных корыт, а женщины прядут с помощью золотых веретен. Легенды гласили, что дети готландцев

играют с драгоценными камнями, двери домов обиты медью, а оконные рамы позолочены, их церкви украшены большими карбункулами, которые светятся в темноте, как маяки. Рассказывали, что в Висбю живет двенадцать тысяч торговцев и золотых дел мастеров.

Эти легенды имели под собой определенную реальную почву. Даже в наши дни, когда Висбю превратился в тихий приморский городок, в нем можно видеть следы былого величия. Сохранилась огромная стена с многочисленными башнями высотой до 70 футов, окружавшая город с трех сторон. В Висбю было больше 20 церквей; к началу XX века для богослужений оставалась открытой только одна из них, церковь Святой Марии, построенная немецкой общиной. Названия узких улиц старого города и сегодня напоминают о чужеземных торговцах. Окрестности Висбю также были густо населены; еще в начале XX века на Готланде насчитывалось около сотни старых церквей.

Легенды, как это часто бывает, объясняли падение города изменой. Якобы некий золотых дел мастер и его дочь, изгнанные из города, обратились к Вальдемару IV и рассказали ему о богатстве Висбю. Датский король, переодевшись торговцем, прибыл в город на разведку и смог соблазнить девушку из благородной семьи, которая разболтала ему обо всех секретах защитных сооружений Висбю. После этого датская армия взяла город; предательницу горожане позднее замуровали живьем в одной из башен.

В действительности Вальдемар IV отправился сперва на остров Эланд и захватил там замок Боргхольм и только потом высадился на Висбю. Островитяне, давно не бравшие в руки оружие, не

могли тягаться с датскими ветеранами. Несмотря на это, жители Висбю решили принять сражение в открытом поле, вместо того чтобы укрыться за стенами города. 27 июля 1361 года в бою погибло около 1800 горожан; на месте их погребения был позднее установлен большой каменный крест. На следующий день город сдался в надежде смягчить свою участь. Вальдемар IV подтвердил все права и привилегии жителей Висбю, но наложил на них большую контрибуцию. Свои богатства вынуждены были отдать и церкви. После этого датский король отплыл вместе со своей армией, оставшись, тем не менее, номинальным властителем Готланда.

Вальдемар IV не разрушил Висбю, даже масштабных грабежей, судя по всему, не было. Однако судьба города оказалась решена, причем отнюдь не благодаря датскому королю. По мере развития корабельного дела Готланд терял свое значение в качестве перевалочного пункта; торговцы плыли напрямую из немецких гаваней к восточным берегам Балтики. Именно это наряду с рядом неблагоприятных обстоятельств и стало причиной заката Висбю, превратившегося в конечном итоге лишь в тень своего бывшего величия. До конца XV века город, упорно отстаивавший свои права в Новгороде, оставался членом Ганзы. Позднее ганзейцы уже не считали его своим.

Еще до того, как стало известно о захвате Висбю Вальдемаром IV, представители ганзейских городов собрались в Грейсвальде и ввели торговое эмбарго против Дании. Хотя имущество купцов в Висбю не пострадало, ганзейские города не собирались сносить безропотно нападение на одного из своих. Датский король явно платил черной неблагодарностью за то, что Ганза помогла ему взой-

ти на престол. Представители Любека заявили, что именно сейчас единство действий всех купцов важно как никогда.

В сентябре в Грейфсвальде появились посланцы великого магистра Тевтонского ордена, а также королей Швеции и Норвегии. С обоими монархами ганзейские города заключили союз; расходы на войну должны были покрываться за счет специального налога на экспорт, вводившегося во всех городах. Кроме того, в соглашении было четко определено, сколько кораблей и солдат должен выставить каждый город, чтобы «замирить и охранять море на благо простого торговца, отправиться походом на Сконе, Эланд и Готланд».

Именно города взяли на себя основное бремя военных расходов. По усмотрению городских общин выплата экспортной пошлины могла быть возложена на всех торговцев вне зависимости от их национальности. Любек обратился ко всем своим союзникам, сообщив о принятых мерах. Если кто-то осмеливался торговать с Данией, любые отношения с ним немедленно прекращались. Если же это делал купец из союзного города, он должен был расплатиться за нарушение эмбарго своей жизнью и своим имуществом.

В 1362 году война началась. Города активно готовились к ней сами и снабжали деньгами союзных монархов. Ганзейский флот насчитывал около 50 кораблей, в том числе 27 тяжелых коггов. Помимо экипажей, на борту этого флота находилось около трех тысяч солдат. Командование взял на себя Иоганн Виттенбург, бургомистр Любека, происходивший из патрицианской семьи. Имея в распоряжении такие силы, он мог начать крупные операции; планировалось захватить датские крепости,

в том числе Копенгаген. В конечном счете, однако, флот был отправлен к берегам Сконе. Шведский и норвежский короли попросили ганзейцев помочь при осаде Хельсингборга, обещая в скором времени прислать помощь. На протяжении двенадцати недель ганзейцы с помощью осадных машин пытались взять крепость, но безуспешно; помощи они тоже не дождались. Зато неожиданно появился датский король. «Поскольку люди высадились на берег, а корабли в Зунде оставили без хорошей охраны, король со своими кораблями подошел и выиграл бой. Он забрал двенадцать больших коггов с едой и оружием и отправился восвояси».

Небольшой экипаж, оставленный ганзейцами на кораблях, сопротивлялся изо всех сил, так что датчане понесли серьезные потери. Однако в конечном счете многие немцы были взяты в плен — все сорок человек, которых направил Киль, много жителей Ростока, в том числе представителей городского совета. В плену оказалось и немало выходцев из Любека. Вальдемар IV отправил всех пленных в замок Вордингбург на Зеландии. Легенда гласит, что в качестве издевки король приказал установить на башне, где томились в заточении ганзейцы, каменное изображение гуся⁴¹. За пленных пришлось заплатить очень большой выкуп.

Силы, осаждавшие Гельсингборг, все еще были достаточно велики, и Вальдемар IV не решился их атаковать. Однако датский король перекрыл Зунд, так что ганзейцы не могли получить ни подкрепления, ни продукты. Поскольку к тому моменту стало ясно, что операция провалилась, города начали переговоры с Вальдемаром IV о беспрепятствен-

---

⁴¹ Игра слов: гусь на немецком — Hans.

ном отводе своей армии. В ноябре было заключено перемирие до января, причем к нему присоединились короли Норвегии и Швеции. В течение срока действия перемирия торговля должна была возобновиться в прежнем виде.

Итак, первая кампания оказалась не слишком успешной, и еще спустя долгое время в ганзейских городах оплакивали тяжелые потери. Нужно отметить, что далеко не все выполнили свои обязанности — к примеру, Кампен и другие города на Зейдерзе, которые должны были направить свои корабли для борьбы с противником на море, так ничего и не сделали. Гнев ганзейцев вызвало и поведение скандинавских королей, которых небеспочвенно считали главными виновниками произошедшего. Вскоре ненадежность венценосных союзников была еще раз продемонстрирована самым наглядным образом.

Элизабет, ставшая женой Хакона Норвежского (бракосочетание состоялось заочно), на пути к своему супругу попала в шторм и оказалась во власти архиепископа Лундского, друга датского короля. После этого Хакон немедленно женился на своей предыдущей невесте — одиннадцатилетней Маргарите, дочери Вальдемара. Елизавета окончила свои дни в монастыре, а союз городов с северными королями окончательно распался.

Два года тянулась неопределенность. Настоящий мир с Данией заключить так и не удалось; Вальдемар IV отклонял все требования городов, демонстрируя им свое высокомерие. Городские общины не были готовы к новым жертвам. Необходимость сбора денег на продолжение войны привела к безобразным конфликтам, прусские города отказались платить. Только постепенно их удалось убе-

дить принять участие в общем деле. Лифляндские города пообещали финансовую поддержку, но не военную помощь.

Неудача при Хельсингборге имела еще одно печальное последствие. Как это и сегодня часто бывает после поражений, сразу же начались поиски козла отпущения. Не разобравшись толком, действительно ли бургомистр Любека допустил как военачальник серьезные ошибки, члены городского совета выгнали его из своих рядов, конфисковали его имущество и бросили в темницу. Похоже, в адрес свергнутого губернатора были выдвинуты и другие обвинения. Его дело разбирались уполномоченными ганзейских городов в Штральзунде; они подтвердили виновность Виттенборга, однако предоставили городской общине Любека право самостоятельно назначить ему наказание. Друзья бывшего бургомистра безуспешно пытались его спасти. Виттенборг был в 1363 году обезглавлен на рыночной площади Любека. Даже его последнее желание — быть погребенным в семейном склепе в церкви Святой Марии — не было выполнено. Несчастливого похоронили в окрестностях монастыря Марии Магдалины, монахи которого обычно молились за несчастных грешников. Позднее рядом похоронили и его вдову. Род Виттенборгов после этого зачах.

Когда срок перемирия завершился, города не были едины между собой и не готовы к войне. Именно поэтому мир с Данией, заключенный в ноябре 1365 года, был встречен с радостью. Вальдемар IV предоставил всем ганзейским городам торговые привилегии.

Причиной великодушия датского короля была ситуация в Швеции. Там партия недовольных ко-

ролем Магнусом призвала в страну нового правителя — герцога Мекленбурга Альбрехта III⁴², который приходился племянником своему конкуренту. Сестра Магнуса Эйфемия была в свое время выдана замуж за Альбрехта II Великого, знаменитого правителя, который получил герцогский титул от короля Карла IV и присоединил к своим владениям графство Шверин. Его старший сын Генрих III был женат на Ингеборг, старшей дочери Вальдемара IV. Последний незадолго до этого лишился своего единственного сына, Кристофа, и Генрих мог надеяться занять датский престол лично или посадить на него одного из своих сыновей.

Стокгольм, в котором большинство жителей были немцами, с радостью встретил молодого мекленбургского принца. В феврале 1364 года шведские аристократы избрали Альбрехта своим королем. Магнус вскоре попал в плен к новому правителю. Естественно, что его сын Хакон⁴³ немедленно начал войну против Альбрехта III. Вальдемар IV решил использовать этот конфликт для того, чтобы отхватить себе кусочек шведской территории.

Возможность вмешательства была слишком благоприятной для того, чтобы ганзейские города ее проигнорировали. Поскольку Вальдемар IV своими действиями давал повод для нового конфликта, прусские города и без того выступали за энергичные меры против Дании. К тому же норвежский король Хакон начал притеснять немецких купцов; на его действия жаловались в первую очередь го-

---

⁴² Альбрехт Мекленбургский (1338–1412) был королем Швеции в 1364–1389 годах.

⁴³ Хакон Магнуссон (1340–1380) — король Норвегии с 1343 года.

рода Зёйдерзе, в том числе Кампен, который ранее вел политику свободных рук. Эта политика не принесла ему большого выигрыша, в связи с чем горожане требовали дать отпор норвежцу. Вендские города — в том числе мекленбургские Росток и Висмар — выдвинули план союза со Швецией, Мекленбургом и северогерманскими князьями против Дании и Норвегии.

Собрание представителей городов состоялось в Кельне. В большом зале ратуши (сегодня он называется Ганзейским залом) 19 ноября 1367 года был заключен союз — так называемая Кельнская конфедерация. В нем приняли участие Любек, Росток, Штральзунд, Висмар, Кульм, Торн, Эльбинг, Кампен, Хардервийк, Эльбург, Амстердам и Бриль. Множество других городов поддержало этот союз. Ганзейцы постановили, что «ввиду несправедливости и ущерба, нанесенного королями Дании и Норвегии простым купцам, мы станем их врагами». Было определено количество кораблей и солдат, которые обязались выставить члены союза. Вендские и лифляндские города снаряжали 10 коггов, прусские пять, Кампен и остальные города Зёйдерзе — по одному, Зеландия — два. Для покрытия расходов вновь была введена чрезвычайная пошлина на весь морской экспорт. Ганзейские города, не присоединившиеся к общему делу, на десять лет исключались из союза; всякий, кто торгует с Данией и Норвегией, объявлялся врагом. Мир договорились заключать только совместно; условия Кельнской конфедерации должны были действовать на протяжении еще трех лет после подписания мирного договора.

Таким образом, все города от Фландрии до Эстляндии, входившие в состав Ганзы, обязались

действовать сообща и заключили долговременное соглашение. Северогерманским городам было предоставлено также право заключать с соседними князьями союзы. Главные усилия по-прежнему выпадали на долю Любека.

5 февраля 1368 года Любек, Штральзунд, Росток и Висмар объявили войну королю Вальдемару IV. Незадолго до этого они заключили на два года союз с королем Швеции, мекленбургскими герцогами, гольштейнскими графами и ютландскими дворянами, выступавшими против своего короля. Прусские и нидерландские города заключили с этими князьями аналогичный союз, однако с годичным сроком действия. Одной из важных функций городов в рамках этих альянсов стало финансирование военных усилий монархов.

Ганзейские армия и флот были не столь велики, как в 1362 году. Некоторые города, к примеру Гамбург и Бремен, ограничились денежными взносами. Флот, отправленный на войну вендскими и прусскими городами, составлял 17 больших и 20 малых военных кораблей. На их борту находилось 2000 солдат; к ним необходимо добавить княжеские армии. Верховное командование на море осуществлял бургомистр Любека Бруно Варендорп вместе с помощниками из числа членов городского совета.

Король Вальдемар IV уклонился от прямого столкновения и отправился в Империю, чтобы найти себе союзников, которые нанесли бы городам удар с тыла. Однако все его усилия были безуспешными. Его противники 2 мая 1368 года захватили Копенгаген и разрушили его до основания. Та же судьба постигла и другие крепости на датских островах. Ганзейцы вместе со шведами опустошили Сконе, гольштейнская армия вторглась в Ютландию, ни-

дерландские города с большим успехом вели войну против Норвегии и разрушили королевский замок в Бергене. Вскоре король Хакон оказался вынужден просить о перемирии. Даже зимой боевые действия полностью не прекратились, поскольку Гельсингборг упорно держался, несмотря на все усилия осаждающих. Только в сентябре 1369 года эта крепость капитулировала, так и не получив помощи от короля, который все еще находился на чужбине. Незадолго до этого скончался Бруно Варендорп; он был с почетом похоронен в родном городе.

Немцы добились полной победы, и в случае продолжения войны датской монархии грозила полная гибель. 30 ноября 1369 года датские сословия заключили предварительный мирный договор; 24 мая 1370 года он был окончательно утвержден на торжественном съезде в Штральзунде. В качестве сторон соглашения выступали советники короля Вальдемара IV с одной стороны и ганзейские города — 37 названы поименно, остальные собраны в категории «другие» — с другой. Договор разрешил свободную торговлю в Дании при условии уплаты твердо установленных пошлин, подтверждал старые привилегии, гарантировал возврат выброшенных на берег товаров их законным владельцам и определил правила торговли в Сконе. В качестве компенсации понесенных военных расходов и гарантии по договору ганзейские города получали на 15 лет замки и уезды Хельсингборг, Мальмё, Сканёр и Фалстербо в Сконе, а также две трети доходов с них. Если Вальдемар IV лишался короны, датчане не имели права избрать себе нового монарха иначе как с согласия ганзейцев. При вступлении на престол новый король обязан был подтверждать предоставленные Ганзе торговые привилегии.

В общем и целом нужно сказать, что датчане отделались сравнительно легко, без потери территории. Последняя, впрочем, и не была нужна ганзейцам — поскольку сразу же встал бы на повестку дня неразрешимый вопрос о том, как управлять новыми владениями. Немецкие города не стремились ни к завоеваниям, ни к господству над Данией. Их политика была в основе своей мирной, и именно ради мира они вынули меч из ножен. Их союзники-монархи с удовольствием пошли бы дальше, но, поскольку города заключили мир, князья не рискнули действовать без их поддержки. Торговцам была выгодна стабильная и дружественная Дания, а не вечная война; они не заинтересованы в том, чтобы короли усиливались за их счет.

Закон также оказался вынужден в Каллундборгском мирном договоре 1376 года подтвердить все торговые привилегии, которые предоставили ганзейцам его предшественники. Кроме того, ганзейские корабли получили важное в моральном отношении право входить в норвежские гавани с развевающимся флагом.

Успех был весьма значительным, победа искупила прежнее поражение и колебания. Торговцы наглядно убедились в том, какую мощь таит в себе единство. На Балтике фактически появилась новая держава, по своему потенциалу не уступавшая скандинавским королевствам. Опасность превращения Балтийского моря в «датское озеро» миновала. Однако эта держава не была государством в полном смысле слова и не могла серьезно изменить сложившийся баланс сил. Ганза была заинтересована в первую очередь в защите и развитии собственной торговли. Города предпочитали достигать своих целей мирными средствами, даже це-

ной финансовых вложений — в конечном счете, при благоприятном исходе они окупались многократно. Именно поэтому дипломатия Ганзы достигла высокого уровня развития, она умело использовала чужие слабости и ошибки, распри немецких князей и скандинавских королей.

Главенствующую роль в союзе играл Любек, однако он не мог обойтись без поддержки со стороны других городов. По своей мощи и влиянию он намного превосходил Гамбург и Бремен. Именно в ту эпоху были построены две высокие башни церкви Святой Марии и фасад городской ратуши. Знаменитые ворота, ставшие символом города, возвели только в следующем столетии.

Высокий статус города подчеркивал визит, нанесенный в Любек императором. 20 октября 1375 года Карл IV в сопровождении своей супруги Елизаветы Померанской, архиепископа Кельнского и других князей с подобающей пышностью вступил в город. Его встречала процессия священников и монахов. Императорского коня вели под уздцы два бургомистра, коня императрицы — два члена городского совета. Над обоими несли паланкины. Один из членов городского совета ехал на коне перед императором, неся на острие копья ключи от города. Рядом с ним ехал герцог Люнебургский с церемониальным мечом, перед императрицей — архиепископ Кельнский с императорской державой. По обе стороны улицы стояли горожанки в красивых платьях. Процессия остановилась перед собором; звучали флейты и барабаны. Ночью во всех домах ярко горели огни, и было светло как днем.

Император выступал на торжественном заседании городского совета и назвал присутствующих «господами». На это ему скромно ответили, что

собравшиеся — не господа. Император возразил: «И все же вы — господа; старые императорские грамоты говорят о том, что Любек — один из пяти городов, которым дан ранг княжества и представители которых могут заседать в императорском совете, если они находятся при дворе. Эти пять городов — Рим, Венеция, Пиза, Флоренция и Любек».

В память об этом событии городской совет заказал картину, на которой изображено торжественное вступление императора в город. Очевидно, и хранящийся в Любеке портрет Карла IV скопирован с более старого портрета, написанного как раз в ходе этого визита. С тех пор ни один император Священной Римской империи не посещал немецкое побережье. Только в 1868 году, спустя пятьсот лет после Карла IV, Любек принял у себя прусского короля Вильгельма в качестве главы Северогерманского союза и главнокомандующего молодого немецкого флота.

Глава 6

Ганза и Дания до 1435 года

Король Вальдемар Аттердаг умер в октябре 1375 года. Вместе с ним пресеклась мужская линия династии Эстредидов. В Дании короля выбирали, и вопрос о преемнике встал со всей остротой. Первым кандидатом был уже упоминавшийся выше племянник Вальдемара IV — Альбрехт IV Мекленбургский, которому дядя незадолго до смерти пообещал передать престол. Вторым стал другой племянник датского короля, сын его младшей дочери Маргариты, вышедшей замуж за норвежского короля — Олаф. Их борьба была тесно связана с борьбой в Швеции, где шаткие позиции Альбрехта III зависели во многом от того, какой из кандидатов на датский престол одержит верх.

Маргарита действовала стремительно и смогла добиться избрания на трон своего сына. Однако в соответствии со Штральзундским миром последнее слово было за Ганзой. Города удовлетворились тем, что Олаф подтвердил условия этого соглашения, а его отец Хакон предоставил им новые привилегии. Так молодому королю удалось утвердиться на престоле, а Любек вопреки сопротивлению прусских городов, стремившихся получить компенсацию за ущерб от датских пиратов, в 1385 году вернул Олафу замки в Сконе.

В следующем году в Любеке состоялся представительный съезд, в котором приняли участие не только ганзейцы, но и посланники скандинавских королей, бургундского герцога и городов Фландрии. Казалось, настала эпоха всеобщего мира. Маргарите даже удалось примириться с извечными врагами Дании, гольштейнскими графами, передав им в вечный лен Шлезвиг. Именно тогда появилась связь между Шлезвигом и Гольштейном, становившаяся все более тесной.

Большой отрезок ганзейской истории остался позади. Кельнская конфедерация прекратила свое существование, и союз городов вернулся в исходное состояние. На вершине могущества находилась королева Маргарита. О ней говорили: «Та, которая раньше была столь бедна, что не могла добыть куска хлеба без помощи друзей, стала столь сильна, что не было равных ей во всем королевстве». В 1387 году умер ее сын Олаф, и после этого датчане и норвежцы избрали ее своей королевой. Несколько недель спустя ей была предложена и третья скандинавская корона.

Альбрехт III, насмехавшийся над Маргаритой как «королевой без двора», не раз вторгался в Сконе. У королевы появилось тем временем в Швеции немало сторонников, поскольку многие влиятельные фигуры были недовольны политикой Альбрехта, ущемлявшего интересы дворянства. Шведские аристократы стремились вызвать и у простого народа ненависть к немцам, прибывшим в страну вместе с мекленбургским монархом. В феврале 1389 года Альбрехт III проиграл сражение при Фальчёпинге, потеряв затем трон и свободу. Его заточили в замке Линдхольм, пока он не отрекся от престола. Верность королю сохранил только Стокгольм с его многочисленным немецким населением.

Мекленбургские герцоги не собирались сдаваться так легко. Они открыли свои гавани для всех, кто готов был сражаться против Маргариты. По сути, тем самым они легализовали морское пиратство — ведь предложением воспользовались в первую очередь разбойники, которые теперь могли сослаться на то, что они воюют за короля Альбрехта. Вскоре Балтика наполнилась каперскими судами; их называли «ауслигерами» («находящимися снаружи»), поскольку они поджидали свою добычу в удалении от берегов. Большинство из них не довольствовалось вражескими кораблями, а захватывало в качестве приза любое встречное судно. Началась морская война, в которой обе стороны лютовали, как бестии, и не знали пощады. Пираты убивали или бросали за борт экипажи захваченных ими кораблей. Однако их самих в случае поражения ждала такая же участь: смерть прямо в море — или на берегу, от руки палача. Моряки из Штральзунда втискивали пойманных пиратов в бочки, так, что наружу торчали только головы, и складывали этот «груз» в гавани, чтобы затем казнить.

Поскольку морские разбойники по договору с Мекленбургом были обязаны доставлять продовольствие в Стокгольм, осажденный войсками Маргариты, их называли «продуктовыми братьями»⁴⁴. Еще одно данное им прозвище — «ликенделеры», «делящие все поровну». Сами себя они называли «друзьями Господа и врагами всего мира». Пираты смогли захватить даже острова Борнхольм и Готланд; Висбю превратился в разбойничье гнездо.

Ущерб ганзейских городов рос не по дням, а по часам, пока их правители в нерешительности ко-

---

⁴⁴ В отечественной литературе иногда используется термин «виталийские братья».

лебались. Однако и их терпению пришел конец. В 1395 году Маргарита выпустила Альбрехта на свободу и ганзейцы потребовали от него компенсации своих потерь. Мекленбуржцы вынуждены были передать Ганзе в качестве залога Стокгольм. Когда Альбрехт оказался неплатежеспособен, ганзейцы отдали Стокгольм Маргарите, которая в результате оказалась на вершине могущества. Своим наследником она назначила внучатого племянника, герцога Эрика Померанского⁴⁵, и ее подданные принесли ему присягу. В 1397 году по ее инициативе была заключена знаменитая Кальмарская уния, в соответствии с которой у трех скандинавских королевств теперь был только один король. Дания, Швеция и Норвегия отныне не могли враждовать между собой — напротив, они должны были оказывать друг другу поддержку. Договор с иностранной державой, заключенный одним из королевств, распространялся и на остальные. В целом, однако, узы, связавшие три короны, оказались не столько прочными, как планировала Маргарита. В дальнейшем Кальмарская уния принесла Дании больше вреда, чем пользы.

В ганзейских городах довольно равнодушно отнеслись к Кальмарской унии, появлению которой на свет они сами в немалой степени поспособствовали. Однако в реальности ситуация становилась угрожающей. Ганза не помогла мекленбургским герцогам ни в Дании, ни в Швеции — не в ее интересах было усиливать династию, правившую по соседству. Города поддерживали того, кто мог гарантировать их привилегии и поддерживать мир.

---

⁴⁵ Эрик Померанский (1382–1459) — король Норвегии с 1389 по 1442 год, Дании и Швеции с 1396 по 1439 год.

Кроме того, в рядах Ганзы не было единства. Росток и Висмар сохранили верность мекленбургским герцогам и даже оказывали помощь пиратам, что привело оба города на грань исключения из Ганзы.

Тяжелым наследием смутного времени являлся морской разбой, распространившийся на всю акваторию Балтики вплоть до Финляндии и на Северное море. Некоторых успехов в борьбе с ним добился Тевтонский орден, гроссмейстер которого, Конрад фон Юнгинген, в 1398 году отправил экспедицию на Готланд, взял штурмом Висбю и казнил всех пиратов, которые не успели спастись бегством. После десяти лет собственного правления орден вернул несчастный остров Дании.

Вытесненные из Балтики, пираты активизировались в Северном море. Это был пестрый сброд, где встречались и рыцари, и крестьяне из всех стран, отчаянные любители приключений и отчаявшиеся неудачники, образованные и неграмотные. Они фактически представляли собой самостоятельную военную силу, наподобие итальянских наемных армий. Распри между фризскими вождями и вмешательство в них графа Альбрехта Голландского дали пиратам возможность закрепиться во Фризии в качестве союзников и сделать ее базой для своих разбойничьих операций. Во всех фризских гаванях стояли пиратские корабли, разбойничьи замки высились среди непроходимых болот. В наибольшей степени пиратам покровительствовал вождь Эмдена. Разбойничьи корабли проникали даже в Ла-Манш, нанося большой ущерб английской торговле. Англичане обвиняли в происходившем немецких купцов и конфисковали в ответ их товары.

Ганзейские города на постоянной основе содержали так называемые «мирные корабли», предна-

значенные для защиты торговли. Однако этого оказалось недостаточно, необходимы были настоящие военные кампании против пиратов на суше и на море.

Впоследствии народная молва, падкая до отчаянных смельчаков вне зависимости от совершенных ими дел, превратила кровавых разбойников в героев. Весной 1401 года в районе Гельгоlanda произошел морской бой между пиратами и гамбургскими кораблями, один из которых назывался «Пестрой коровой». Разбойники проиграли, и их предводитель Клаус Штёртебекер был захвачен в плен. Вскоре он и его товарищи были казнены в Гамбурге: событие, о котором потом рассказывали легенды. В красивых одеждах, в сопровождении флейтистов и барабанщиков шли пираты к эшафоту. Штёртебекер предлагал в качестве выкупа за свою жизнь золотую цепь, которой можно было бы опоясать весь город, — но напрасно. Теперь он попросил, чтобы его товарищей выстроили в ряд — и тех, мимо кого он сможет пробежать уже после того, как ему отрубят голову, выпустили на волю. Ему отвечают согласием, и вот тело без головы спрыгивает с эшафота и пробегает мимо пяти пиратов; в этот момент палач бросает ему под ноги чурбан, и обезглавленный падает. Своих голов в этот день лишились столь многие, что палач стоял по щиколотку в крови; однако он утверждал, что совершенно не устал и готов казнить еще столько же. По жестокому обычаю того времени, головы казненных были выставлены на пиках вдоль берега Эльбы.

Все военные усилия приносили, однако, незначительный эффект, пока во Фризии продолжалась смута. Охотников скупить награбленное было много, и это создавало стимул грабить. В 1410-е годы

пиратство удалось несколько обуздать, но тут между Данией и Гольштейном вспыхнула война, которая подбросила новое топливо в огонь морского разбоя. Гольштейнские графы привлекли пиратов, отличавшихся бесстрашием, на свою службу, не мешая им одновременно заниматься разбоем. Городам пришлось вмешаться в происходящее. Однако после того, как ганзейцы оказались в состоянии войны с Данией, они без особых колебаний и сами использовали пиратов против врага. Эти операции иногда заканчивались большим успехом: так, Бартель Фот из Висмара в 1428 году захватил и разграбил город Берген. В следующем году он с отчаянной храбростью атаковал и разгромил namного превосходящие силы норвежского флота, после чего вновь разграбил Берген, не пощадив резиденций короля и епископа.

После окончания войны с Данией оплотом пиратов вновь стала Фризия. Тогда в дело вмешался Гамбург. Город заключил союз с Эдуардом Кирксеной из Гreetзиля, который был врагом вождей, укрывавших пиратов. Союзникам удалось в 1431 году хитростью захватить Эмден — главную базу морских разбойников; они укрепили город и удерживали его на протяжении следующих двадцати лет. После этого гамбургские солдаты разбили противника на суше. Только тогда масштабы пиратства значительно сократились, хотя оно и не ушло в прошлое совсем. После новых боев династии Кирксена удалось стать князьями Восточной Фризии; она правила здесь до 1744 года, а после ее пресечения княжество досталось прусскому королю Фридриху II.

Недостаточно энергичные действия городов во внешней политике объяснялись внутренними проблемами. Они возникли сперва у Любека и косну-

лись всего Ганзейского союза. Проблема заключалась в том, что экономическое развитие начиная с XIII века требовало изменения внутреннего устройства городов. Повсюду ремесленные цеха — на севере Германии их называли «амтами» — добивались участия в управлении городом. До этого власть находилась в руках городского совета, который сам подбирал в свои ряды новых членов и был ответственен только перед самим собой. Каждый город представлял собой самостоятельное государственное образование, и совет располагал достаточно внушительными денежными средствами и практически неограниченной властью. Это вызывало недовольство у горожан, которым приходилось платить подати, не зная толком, как и на что эти деньги будут потрачены. Нередко городская верхушка, особенно молодые отпрыски патрицианских семей, оскорбляла других граждан своим высокомерием и заносчивостью. Горожане тем временем также обрели уверенность в себе и не были готовы спокойно терпеть подобное отношение. В ганзейских городах существовал резкий контраст между богатством и бедностью, бросающийся в глаза.

Разозленные горожане обвиняли городской совет в несправедливости и растрате общественной казны и противились любым новым поборам. Они же возлагали на правящую элиту ответственность за любой понесенный ущерб и неудачи во внешней политике. В XIV веке во многих городах произошли серьезные беспорядки, местами кровопролитные восстания, главной движущей силой которых были городские средние классы. Рассуждать о том, кто в данном случае был в большей степени прав, не имеет смысла. Невозможно отрицать, что ремесленники имели право требовать в качестве компен-

сации за их немалый вклад в процветание города участия в городском управлении, однако зачастую они выдвигали слишком радикальные требования. Правящая элита часто не шла на разумные уступки, а оказывала упорное сопротивление. Человеческая жизнь стоила в те времена недорого, так что вне зависимости от того, кто одерживал верх, у палачей всегда была работа. Самым мягким наказанием проигравшему могло стать изгнание из города.

Недовольство ремесленных цехов нельзя, впрочем, отождествлять с современным демократическим движением. Ремесленники ни в коем случае не хотели всеобщего равноправия граждан. Они выступали за то, чтобы их включили в состав правящей элиты и учитывали их интересы. Даже там, где цехам удавалось одержать победу, власть все равно оставалась в руках меньшинства. В большинстве городов на юге Германии цеха без больших сложностей получили представительство в городском совете. На севере конфликт оказался более продолжительным и ожесточенным.

Ключевую роль по-прежнему играл Любек, внутреннее устройство которого считалось образцом для подражания. В соответствии с действующим законодательством, ремесленник не имел права заседать в городском совете, находившемся целиком и полностью в руках купечества. Последнее тоже не было однородным и включало в себя как мелких торговцев, так и настоящих магнатов. Именно последние постепенно сформировали городской патрициат, вкладывавший свои средства в земельные владения и финансовые операции и получивший прозвище «юнкеров». Эти семьи были представлены в городском совете на постоянной основе, а их члены стали профессионалами во внутренней

и внешней политике. Система сама по себе работала неплохо, и успехи Любека доказывают это. Однако совершенно естественно, что городская община была недовольна таким положением дел.

Поскольку во всех больших ганзейских городах дела обстояли примерно одинаково, городские советы пришли к мысли об организации взаимной поддержки в случае восстаний, которые представлялись им делом дьявола. Тем не менее, утихомирить недовольных не удалось. В Бремене и Кельне дело дошло до настоящих уличных боев, в Брауншвейге бургомистр и глава городского совета закончили свои дни на плахе. В 1375 году съезд представителей ганзейских городов единогласно постановил исключить Брауншвейг из союза и лишить его всех соответствующих привилегий. Против мятежного города было введено эмбарго, товары из Брауншвейга объявлялись вне закона. Только после того, как городская община покаялась в своих грехах, она получила прощение.

Для начала мятежа достаточно было малейшего повода. В Анкламе мясники и пекари взяли ратушу штурмом во время заседания городского совета и перебили всех членов последнего. Причина заключалась в том, что городской совет разрешил привозить на рынок хлеб и мясо из окрестных деревень, чтобы снизить цены на эти продукты в городе.

Примечательный оборот приняли события в Штральзунде. Здесь большую роль играл купец Бертрам Вульфлам, который был сказочно богат; когда его сын Вульф женился, путь свадебной процессии до церковного алтаря был выстлан тончайшим английским полотном. Бертрам был самым влиятельным человеком в Штральзунде и пользо-

вался большим авторитетом во всей Ганзе. Во время конфликта с Данией именно его сыну Вульффу было поручено управлять принятыми в залог замками в Сконе. Позднее он командовал флотилией, направленной против морских разбойников. В конце концов то безграничное доверие, которым пользовалась семья Вульфламов на протяжении трех десятилетий, оказалось подорвано. В 1391 году партия недовольных граждан, основу которой составлял цех портных, потребовала изменения городского устройства. Престарелый Бертрам был обвинен в растрате, а ненавидимый за свое высокомерие Вульф — в серии тяжких преступлений. Семейство Вульфламов бежало из города и запросило помощи у Ганзы. Бертрам вскоре умер на чужбине, однако его сыновьям удалось в конечном счете одержать победу, и они с почестями похоронили отца в родном городе.

Вульф не упустил случая отомстить своим обидчикам. Бургомистр Карстен Зарнов, который способствовал падению Вульфламов, был обезглавлен, а старые законы вновь вступили в силу. Вскоре был раскрыт еще один заговор, его участники казнены. На протяжении десяти лет Вульф лично занимал пост бургомистра, опираясь на дружбу с герцогами и дворянством. Богатство позволяло ему жить на широкую ногу, его двор своим великолепием не уступал княжескому.

Однажды в гости к Вульффу приехал Штарке Зум, дворянин с острова Рюген, вместе со своим сыном Торкелем. Когда отец с сыном катались на лодке по реке, на них напали разбойники и убили отца; сыну лишь чудом удалось спастись. Тело убитого принесли к дому бургомистра, однако тот приказал убрать его подальше. Молва говорила, что сам Вульф от-

дал приказ об убийстве, чтобы отомстить за некое оскорбление. Конечно, никто не рискнул обвинить его напрямую. Однако в 1409 году Торкель смог свести счеты с предполагаемым обидчиком, убив его в Бергене на Рюгене. Жители Штральзунда, в свою очередь, снесли дом ненавистного Вульфа и объявили войну всему его семейству, пока те не совершили по тогдашнему обычаю обряд покаяния. Рука убитого дворянина в сопровождении траурной процессии из 200 рыцарей и 200 женщин и девиц была отнесена в церковь Святого Николая. После этого выяснилось, что семейство Вульфламов накопило огромные долги, и от их богатства ничего не осталось. Вдова Вульфа, Маргарита, когда-то купавшаяся в роскоши, смогла сохранить лишь одну серебряную чашу, с которой просила милостыню на паперти.

В Любеке тоже было неспокойно. В 1384 году в городе был раскрыт большой заговор, одиннадцать его вожаков казнены. Хотя городской совет пошел на некоторые уступки недовольным, напряженность сохранилась. В 1408 году городская община потребовала создания постоянного наблюдательного комитета и права участия в выборах совета. После этого большинство членов городского совета покинули Любек, опасаясь за свою жизнь. Среди них находились и четыре бургомистра, в том числе Генрих Вестхоф и Йордан Плесков, которые на протяжении двух десятилетий успешно руководили городской политикой.

Реформа избирательной системы была проведена, и новый городской совет сформирован. После этого Висмар, Росток и Гамбург последовали этому примеру и провели у себя аналогичные преобразования. Однако представители прежнего городского

совета не собирались сдаваться, направив жалобу в императорский надворный суд, который вынес решение в их пользу. Другие ганзейские города, признававшие большие заслуги старого руководства Любека в защите интересов немецких торговцев, также выступили против нового городского совета. В конце концов, ту же позицию занял король Эрик. В итоге новые правители Любека вынуждены были подчиниться третейскому суду соседних ганзейских городов, восстановивших старые законы. В июне 1416 года оставшиеся в живых члены старого городского совета торжественно вступили в город. Новый совет сложил с себя полномочия и просил о прощении, которое было великодушно даровано ему Йорданом Плесковым.

Это был редкий случай, когда спор был улажен бескровно. Однако старый городской совет и все, кто его поддерживал, стремились раз и навсегда пресечь подобного рода мятежи. Лучшим средством для достижения этой цели было единство ганзейских городов. Действительно, грамоты бес сильного императора, стремившегося лишь получить побольше денег, не имели никакой ценности. Исключение же из союза было чудовищно эффективным оружием. Поэтому в 1418 году съезд ганзейских городов принял постановление, запрещавшее вносить какие-либо изменения во внутреннее устройство.

Восстановление порядка в Любеке помогло Ганзейскому союзу преодолеть еще один тяжелый период и продемонстрировало его внутреннюю силу. В 1412 году внезапно скончалась королева Маргарита. На тот момент она находилась в состоянии войны с гольштейнскими графами из-за Шлезвига. Ее преемником стал Эрик — красивый, силь-

ный и ловкий, с золотыми волосами, белоснежной кожей и розовыми щеками, любимец всех женщин. Сначала он был популярен среди своих подданных и пользовался репутацией «народного короля». Однако вскоре выяснилось, что новый правитель аморален, самовлюблен, не держит слово и неспособен выполнять королевские обязанности. Он очертя голову бросился в борьбу за Шлезвиг, которая в конечном счете стоила ему короны.

Германский император Сигизмунд⁴⁶, будучи близким родственником Эриха, поддерживал его претензии на Шлезвиг. Реального значения, однако, эта поддержка не имела; важнее была позиция городов. Гамбург оказывал помощь гольштейнским графам; другие ганзейские города сначала поддерживали Эрика, который способствовал свержению нового городского совета в Любеке. Однако когда попытки ганзейцев выступить в роли посредников провалились, а амбиции короля приобрели опасный характер, Ганза выступила против него. К тому же Эрик ввел так называемую Зундскую пошлину⁴⁷, которую датчане взимали вплоть до 1857 года.

В 1426 году Любек, Гамбург, Росток, Штральзунд, Висмар и Люнебург заключили союз с герцогом Генрихом Шлезвиг-Гольштейнским и вступили в войну против Дании. Союзники договорились не заключать сепаратный мир. Их поддерживали саксонские города, хотя позиция последних имела лишь мо-

---

⁴⁶ Сигизмунд (1368–1437) – король Венгрии с 1387 года, король Германии с 1410 года, король Чехии с 1419 года. В 1433 году торжественно коронован императорской короной. Последний представитель Люксембургской династии на троне Империи.

⁴⁷ Пошлина, которую корабли уплачивали за проход через Зунд.

ральное значение. Прусские, лифляндские и почти все померанские города сохранили нейтралитет.

Война началась не слишком успешно. Сначала во время штурма Фленсбурга, занятого датчанами, погиб герцог Генрих. Командование взял на себя его младший брат Адольф, однако ганзейские солдаты отправились домой. За это Гамбург приговорил командующего своим контингентом советника Иоганна Клецеке к смерти. Ганзейский флот (более 30 кораблей, 8 тысяч солдат) под командованием бургомистра Любека Тидеманна Штеена вошел в Зунд с задачей защитить две торговые флотилии, шедшие из Франции и от устья Вислы. Однако 11 июля перед Копенгагеном показался большой датский флот, готовившийся к сражению. Штеен решил принять бой. Гамбургские моряки сражались храбро, однако их корабли сели на мель и попали в руки датчан; 200 человек было убито, 600 попало в плен. Никто из союзников не пришел к ним на помощь. Более того, Штеен повел себя в сражении довольно трусливо, спрятавшись на маленьком корабле, на борту которого находились рыцари.

Еще долгое время после этого жители Гамбурга обвиняли Любек в предательстве и насмехались над ним. Однако некоторые любекские капитаны сражались храбро и даже захватили вражеские корабли. Знамя, украшенное гербами трех скандинавских королевств, с изображением грифа (символ короля Эрика) и святых Марии и Иосифа, оказалось захвачено в этот день и выставлено в Любеке в церкви Святой Марии.

Хуже всего, однако, было то, что Штеен ушел из Зунда, и шедшая из Франции торговая флотилия численностью более 30 кораблей, оказав мужественное сопротивление, была захвачена датчана-

ми. Виновник, впрочем, отделался легче, чем в свое время Виттенбург. Штеен был закован в кандалы и брошен в темницу. Выпущенный на волю три года спустя, он был лишен до конца дней своих права заседать в городском совете.

Война тем временем продолжалась. В следующем году большой ганзейский флот дважды подходил к Копенгагену и перекрывал вход в гавань затопленными кораблями. Однако ганзейцам никак не удавалось уничтожить вражеский флот. В 1429 году датчане, в свою очередь, подошли к Штральзунду, сожгли стоявшие на рейде суда и танцевали у городских стен, насмехаясь над горожанами. В конечном счете, однако, их поход завершился неудачей.

После этого союз шести городов распался. В 1430 году Росток и Штральзунд заключили мир с Эриком, опасаясь внутренних беспорядков. Однако другие города, недовольные размером уступок, на которые был готов король, продолжили войну. В 1432 году Любек добился серьезного успеха, захватив возле устья Траве датского капера, наводившего ужас на всю Балтику. В том же году города вместе с графом Адольфом Гольштейнским заключили с датчанами трехлетнее перемирие. По истечении его срока, в 1435 году, в Вордингборге был подписан мирный договор. Адольф сохранял за собой Шлезвиг, а четыре города получили торговые привилегии, распространявшиеся и на других членов Ганзы.

Король Эрик, чтобы вести войну, был вынужден обложить своих подданных высокими налогами. Это, а также многочисленные злоупотребления привели к тому, что в 1439 году все три королевства отказали ему в повиновении. Эрик удалился на Готланд и время от времени нападал оттуда на своих

прежних подданных. Некоторое время спустя он вернулся на родину, в Померанию, где и скончался в 1459 году.

Датский рейхсрат⁴⁸ призвал на престол племянника Эрика — Кристофера Баварского⁴⁹. Любек, Гамбург, Висмар и Люнебург обещали ему свою помощь. Надежды ганзейцев, однако, не оправдались. Новый король, укрепив свою власть, попытался, как и его предшественники, ослабить влияние Ганзы. Городам было позволено не платить Зундскую пошлину, однако эта привилегия не была оформлена документально и могла быть отозвана в любой момент.

Подводя итог, нужно сказать, что единство, которое помогло городам победить Вальдемара, отсутствовало в войне против Эрика. Интересы различных групп внутри Ганзы разошлись. Только Любек и его ближайшие союзники выступали единым фронтом в общих интересах, однако их ресурсов было недостаточно для того, чтобы навязать Дании свою волю. Стало ясно, что Ганза вступила в полосу кризиса. Существовали и другие тревожные симптомы: англичане и голландцы при потворстве датчан начали активно участвовать в балтийской торговле. Главной целью ганзейской политики стало с тех пор вытеснение опасных конкурентов из Балтики.

---

⁴⁸ Сословное представительство датского дворянства и духовенства.

⁴⁹ Кристофер III Баварский (1416–1448) — король Дании с 1440 года, в следующем году стал королем Швеции, а в 1442 году — Норвегии.

Глава 7

Членство в Ганзе и ее внутреннее устройство

Уже перед большой войной против Дании внутри Ганзы было заметно стремление поставить союз городов на прочную, упорядоченную основу. Война потребовала больших совместных усилий, и ключевую роль внутри союза стали играть именно города; индивидуальные торговцы больше не считались достойными внимания. Принятый в Любеке в 1366 году рецесс устанавливал, что только гражданин одного из ганзейских городов может обладать правами и привилегиями, предоставленными Ганзе в целом.

Вскоре после этого была создана Кельнская конфедерация, включавшая в себя в том числе и города, не входившие в состав Ганзы. Успех в войне против Дании поднял авторитет Ганзейского союза и сделал членство в нем еще более желанным. Сложившаяся в ходе войны практика, в соответствии с которой все важные вопросы решались на съездах представителей городов, была сохранена. К консолидации Ганзы привела и вышеописанная угроза внутренних беспорядков. Решения съездов обладали большой силой и способствовали формированию внутреннего устройства союза; важнейшие решения приобретали характер законов. Союз постепенно превращался в конфедерацию.

В раннее Средневековье в Германии не делалось попыток создать единую государственную-правовую систему. Это положение дел неблагоприятно сказалось на развитии Империи. Отдельные законы, принимавшиеся по мере необходимости, вскоре оказывались забыты. В XIII–XIV веках на руинах императорской власти создавалось новое устройство Империи. Однако законы появлялись медленно, носили фрагментарный характер, а попыток свести их в единую систему по-прежнему не предпринималось.

Города с самого начала отличались более упорядоченным законодательством. Все грамоты, письма и другие документы тщательно хранились. Документооборот в принципе находился здесь на более высоком уровне. Поэтому в городах были предприняты попытки кодифицировать существующую правовую систему, хотя результат часто оставлял желать много лучшего.

К счастью для нас, благодаря этому положению дел мы располагаем обширным материалом по истории Ганзы, в том числе текстами рецессов. Благодаря налаженной системе хранения документов в Любеке и в других городах всегда имелась возможность обратиться к старым договорам и законам. Тем не менее, единой системы ганзейского законодательства так и не сложилось; не существует ничего такого, что можно было бы назвать кодексом или конституцией Ганзы. В рецессах мы встречаем смесь из старых правил, которые автоматически подтверждались, и новых договоренностей, которые бывает не так-то просто извлечь из общей массы. Время от времени появлялись статуты, однако они составлялись на злобу дня и касались лишь тех законов, которые были актуальны в каждый конкретный момент.

Первая попытка систематизировать правовые нормы в рамках Ганзы была предпринята в 1417 году. 24 июня 1418 года документ вступил в силу; как говорится во вступительной части, «посланники городских советов немецкой Ганы во имя общего блага, во славу Господа, в честь Священной Римской империи и во имя процветания городов и простых добрых купцов единогласно одобрили и утвердили этот текст, которого с этого дня все должны строго придерживаться». Документ представлял собой первый всеобщий свод законов, содержащий в себе пеструю мешанину самых разных норм, касавшихся членства в Ганзе и отношения к внешним силам, монет, долгов, потерянного и украденного имущества, корабельных грузов, судоходства и морского права. Текст был передан в ратуши всех ганзейских городов и вывешивался для всеобщего ознакомления. Он получил свое дальнейшее развитие на съездах 1434 и 1441 годов; особенно подробной была версия от 18 мая 1447 года.

В 1418 году были приняты законы против городских мятежей, отличавшиеся особенной строгостью. Не только заговорщики, но и те, кто знал о заговоре и не сообщил о нем, не должны были приниматься ни в одном из ганзейских городов, а в случае поимки их надлежало казнить. Город, который укрывал таких людей, исключался из союза. Точно так же исключался из Ганзы город, в котором происходил переворот, пока прежние правители не вернутся к власти. Если полномочия городского совета одного из городов ограничивались общиной, его представители не имели права заседать на общем съезде; если ограничение не снималось по первому требованию, город исключался из Ганзы. Любые

прошения к городскому совету могла подавать делегация, состоящая не более чем из шести горожан.

Эти решения были применены на практике, поскольку внутренние беспорядки во многих городах продолжались. Так, из Ганзы на многие годы изгнали Бремен и Гослар. Другие города были вынуждены подчиниться требованиям союза.

Несомненно, что эти меры, необходимые для обеспечения экономической стабильности, в конечном счете негативно сказались на развитии городов. Они препятствовали борьбе с действительными злоупотреблениями и уменьшили интерес общин к независимости своих городов. Патрициат, взявший власть в свои руки, считал важнейшей целью сохранение своего положения и не проводил преобразования, которые соответствовали бы требованиям времени.

Однако не только инстинкт самосохранения правящей элиты вызвал к жизни этот свод законов. Города, которые по-прежнему вели активную внешнюю политику, вступали в войны и заключали международные договоры, нуждались в координации своих действий. Нужен был орган, не зависящий от внезапных внутренних перемен; именно такой аргумент выдвигали представители старого городского совета Любека.

Этот же свод законов устанавливал и условия членства в Ганзе: только города, советы которых имели полную свободу рук. При этом ограничивать их власть не должны были ни община, ни территориальные князья. Соответственно, в Ганзу могли вступить города, являвшиеся вассалами одного из монархов — но только в том случае, если им было предоставлено полное самоуправление.

Наряду с этими условиями сохранился пункт по поводу членства простых купцов, которые, однако,

теперь должны были быть гражданами одного из ганзейских городов. Чем объяснить этот бессмысленный по своей сути атавизм? Только тем, что в Средние века не любили менять старые, зарекомендовавшие себя правила и предпочитали просто дополнять их новыми. В итоге архаика переплеталась со вполне современными законами. Именно так можно объяснить достаточно причудливую систему членства в Ганзейском союзе. Основным его условием оставалось, конечно же, соблюдение общих законов.

Списки членов союза начали составлять позднее — отчасти по желанию иностранных государств, правители которых желали знать, какие именно города могут пользоваться дарованными Ганзе привилегиями. Проблема заключается в том, что в этих списках есть разночтения, а многие мелкие города в них вообще не упоминаются. Изначально ганзейцами считались все немецкие купцы, занимавшиеся морской торговлей — а это были исключительно жители Северной Германии. Территорией Ганзы считалась вся северная часть Империи, а также находившиеся к востоку от нее немецкие колонии. Поначалу не требовалось даже того, чтобы купец был гражданином одного из городов, и целые районы (к примеру, Дитмаршен) претендовали на ганзейские привилегии. Позднее от торговцев стали требовать доказательств их принадлежности к одной из городских общин. По большому счету, все немецкие города на побережьях Северного и Балтийского морей отвечали критериям, необходимым для вступления в Ганзу, и многие участвовали в деятельности союза с самого начала.

В их ряды входило и множество мелких городов, которые не обладали никаким весом и не могли

даже отправлять представителей на общие съезды. В результате по мере консолидации союза возникло два класса ганзейских городов: самостоятельные и те, которым было позволено делегировать представительство своих интересов более крупным соседям. Первые регулярно появлялись на ганзейских съездах и пользовались правом голоса, а также напрямую участвовали во внешней политике. Вторые общались с органами Ганзы через посредников; они образовывали локальные объединения, и от них не требовалось полной независимости от княжеской власти. Этот второй класс городов можно условно назвать ассоциированными членами союза. Тем не менее, они пользовались общими привилегиями, и для них всегда была открыта возможность перехода в первый класс.

Принятие в состав Ганзейского союза как отдельная процедура появилось в силу этих обстоятельств достаточно поздно. Проходили через нее как новые города, так и те, которые в силу различных причин в прошлом утратили право считаться ганзейскими. Мы уже видели, как было обставлено принятие Бремена в состав союза в 1358 году. Около 1380 года с просьбой о вступлении к вендским городам обратились Штольп и Рюгенвальде, торжественно обещая подчиняться общим решениям; их просьбу удовлетворили. В 1387 году во время переговоров в Дордрехте представители Нимвегена заявили, что их город издревле входил в состав Империи и пользовался ганзейскими привилегиями, однако длительное время не участвовал в деятельности союза. Нимвеген был принят в Ганзу только в 1402 году, вскоре за ним последовали Зволле, Дуисбург и Везель.

Через некоторое время, однако, главным критерием стал вопрос о том, насколько принятие нового

города выгодно членам Ганзы. Естественно, это осложнило «новичкам» вступление в союз. С 1441 года решение о принятии новых членов стало прерогативой общих съездов.

Применительно к XV веку полный список крупных ганзейских городов составить уже достаточно легко, в то время как сведения о городах «второго класса» довольно фрагментарны. Главным источником в этом вопросе для нас являются, опять же, рецессы, а также другие документы, в том числе более позднего происхождения.

Наименее стабильным было членство в Ганзе городов западного побережья Северного моря. Во времена Кельнской конфедерации членами Ганзы в этом регионе были Девентер, Эльбург, Хассельт, Утрехт, Цютпен и Зволле. Утрехт, очевидно, вскоре отошел от союза. Кампен всегда поддерживал тесные связи с ганзейскими городами, однако в документах то включается в состав союза, то оказывается за его пределами. Только в 1441 году он окончательно и надолго вступил в Ганзу. Ганзейскими городами являлись также Арнхейм, Гронинген, Хардевийк, Нимвеген и Ставорен, а также множество более мелких: Гельдерн, Роермонде, Венло, Доесбург, Больсвард, Зальтбоммель, Дотинхем, Тиль. Практически все они находились на территории Утрехтского епископства или Гельдерна. Расположенный сравнительно далеко от них, на территории епископства Люттих, валлонский город Динант, известный своим металлургическим производством, получил в XIV веке в Лондоне ганзейские привилегии. Голландские города Амстердам, Дордрехт, Бриль и Зирикзе в 1367–1394 годах часто отправляли своих представителей на съезды, однако затем воздерживались от участия в них,

а уже в первой трети XV века открыто враждовали с Ганзой.

Помимо Кельна, который, невзирая на постоянное соперничество с Любеком и стремление держаться в стороне, оставался членом союза, из числа рейнских городов в Ганзу входили Эммерих, Везель и Дуисбург, а также ряд более мелких населенных пунктов (Клеве, Калькар, Ксантен, Рурорт, Динслакен, Андернах и т. д.).

Гораздо большее число ганзейских городов находилось между Рейном и Везером, в Вестфалии. К их числу принадлежали все крупные центры региона: Дортмунд, Герфорд, Лемго, Минден, Мюнстер, Оснабрюк, Падерборн и Зёст. Похоже, что и более мелкие города все без исключения входили в состав Ганзы; из их числа имеет смысл упомянуть Ален, Арнсберг, Аттендорн, Бекум, Билефельд, Бохольт, Боркен, Брилон, Дюльмен, Гезеке, Гальтерн, Гамм, Гёртер, Изерлон, Кёсфельд, Липпштадт, Люденшейд, Люнен, Медебах, Маппен, Рейне, Рютен, Тельgte, Унну, Бреден, Варбург, Варендорф, Верль и Верне.

В регионе между Везером и Эльбой в состав союза входили, опять же, многие города, которые не упоминались в документах. Впрочем, даже перечисление упоминаемых займет несколько строчек: Альфельд, Ашерслебен, Букстехуде, Эйнбек, Гёттинген, Гослар, Хальберштадт, Галле, Гамельн, Ганновер, Хельмштедт, Хильдесхайм, Мерзебург, Нортхайм, Кведлинбург, Штаде, Юльцен, Услар. Ключевую роль, конечно же, играли Брауншвейг, Бремен, Люнебург и Магдебург. При этом Люнебург входил в состав «шестерки» вендских городов.

Что касается тюрингских городов — Эрфурта, Мюльгаузена и Нордгаузена — то они являлись

членами саксонских союзов. Их принадлежность к Ганзе не исключена, но и не доказана. В марке Бранденбург многие города получали приглашения на съезды и направляли время от времени своих представителей. К их числу относились Берлин и Кёльн, Франкфурт-на-Одере, Зальцведель, Штендаль, Тангермюнде. Возможно, что множество малых городов марки также входили в состав Ганзы; по крайней мере, мы знаем это наверняка относительно Бранденбурга, Гарделегена, Хафельберга, Кирица, Остербурга, Перлеберга, Пренцлау, Прицвалька, Зеехаузена, Вербена и некоторых других.

В Гольштейне к числу ганзейских городов принадлежал Киль, в Мекленбурге — Висмар и Росток. В Померании следует в первую очередь упомянуть Штральзунд, который, однако, часто относили к группе вендских городов. Кроме того, активно участвовали в деятельности Ганзы Анклам, Грейфсвальд, Кольберг, Штаргард и Штеттин. В состав союза входили и малые города — Деммин, Гольнов, Рюгенвальде, Штольп и некоторые другие.

В орденой Пруссии ключевую роль играли шесть ганзейских городов: Браунсберг, Данциг, Эльбинг, Кёнигсберг, Кульм и Торн. Поскольку в документах всегда говорится о прусских городах как едином целом, весьма вероятно, что в состав Ганзы входили все без исключения города на орденой землях.

В 1347 году, как уже говорилось выше, все ганзейские города были разделены на три трети. При этом прусские были объединены с Кельном и городами рейнско-вестфальского региона — это странное решение пока не нашло удовлетворительного объяснения. Примечательно, что они были отделены как от «саксонской» трети, где главенствующую

роль играл Любек, так и от готландцев во главе с Висбю. Прусские города являлись самой младшей группой в Ганзе, которая достаточно поздно установила тесные связи с вендскими. Поскольку деление на трети происходило явно не в принудительном порядке, возможно, что прусские города (или великий магистр Тевтонского ордена) сами сделали выбор в пользу рейнских собратьев. Не исключено, что причиной являлась активная торговля Пруссии с Англией и Фландрией, которая делала весьма желательными связи с западной частью Империи. Возможно также, что свою роль играло соперничество с Любеком и лифляндскими городами. Пруссаки пользовались весьма ограниченными правами в Новгороде. Представителей Ордена не допускали в тамошнюю немецкую колонию, городских торговцев допустили сравнительно поздно и не позволяли участвовать в управлении ею. Великие магистры, в свою очередь, по возможности не допускали распространения в своих городах «любекского права», всячески насаждая «кульмское». Очевидно, они были не особенно рады влиянию Любека в своих владениях. Связь с рейнскими городами делала прусских торговцев независимыми как от Любека, так и от Готланда, а Кельн не имел возможности что-либо указывать им ввиду географической удаленности.

Политика прусских городов и в дальнейшем оставалась весьма независимой. Они то отстранялись от принятия общих решений, то выступали со своими требованиями, являя собой по сути союз внутри союза, который интересовался только тем, что затрагивало его непосредственно. Представители прусских городов собирались в своем кругу очень часто, иногда несколько раз в год, и обсуждали те-

кущие дела. Им это все сходило с рук, поскольку они крепко держались друг за друга и пользовались покровительством Тевтонского ордена.

Примечательно, что орден и сам вел масштабную торговлю. Его владения приносили больше хлеба и других продуктов, чем было нужно; кроме того, он держал под контролем янтарную торговлю. Об огромных богатствах тевтонцев складывали легенды — и небеспочвенные, поскольку в XIV веке орден был богатейшим предпринимателем Европы. Его экономика находилась в прекрасном состоянии и приносила большие доходы, которые, в свою очередь, пускались в дело и давали солидную прибыль. «Великий шеффер» вместе с множеством помощников управлял орденскими финансами и не упускал ни единой возможности поучаствовать в выгодном предприятии. Несмотря на то что ростовщичество было официально запрещено Церковью, орден покупал земельные участки и доли в прибыльных предприятиях, а также напрямую ссужал деньги. Богатства тевтонцев позволили им осуществлять большие и рискованные торговые операции, прибыль от которых в большинстве случаев вкладывалась в новые предприятия. Орден покупал и продавал все, чем можно было торговать; его корабли достигали Испании и Лиссабона.

Это, естественно, делало контакты между тевтонцами и Ганзой неизбежными; прусские города выступали здесь в роли своеобразных посредников. Несмотря на то что орден конкурировал с городскими торговцами, он в хорошие времена учитывал интересы городов и предоставлял им защиту, что значительно перевешивало все неудобства. Конечно, ни сам Тевтонский орден, ни его великий магистр не могли быть членами Ганзы; однако

не являлись они и обычными союзниками. Орден в торговой сфере соблюдал ганзейские законы, и его агенты пользовались теми же привилегиями, что и купцы из прусских городов. Конечно, бывали и конфликты, когда тевтонцы позволяли себе слишком много с точки зрения городов.

В политическом отношении прусские города не всегда были солидарны с другими ганзейцами. Орден сам не участвовал в войнах на стороне Ганзы, хотя и позволял делать это своим городам. Последние были заинтересованы в первую очередь в торговле с Лондоном и Брюгге, в то время как Дания не имела для них большого значения, если не считать вопросов плавания через Зунд. Поэтому в скандинавских делах у прусских городов была особая позиция, которую они упорно отстаивали. Во многих случаях городские общины не рисковали принимать серьезные решения, не согласовав свои действия с великим магистром. Последний следил за тем, чтобы взаимодействие с Ганзой ограничивалось торговыми делами и вопросами мореплавания. В конце XIV века Тевтонский орден достиг высшей точки в своем развитии, являясь, по сути, одной из великих держав Балтийского региона.

Как и в Пруссии, в Лифляндии все города считались по умолчанию членами Ганзы. Руководящую роль играли четыре из них — Рига, Ревель, Дерпт и Пернау. Однако и города поменьше (такие, как Феллин, Гольдинген, Кокенгаузен, Лемзаль, Вальк, Венден, Виндау, Вольмар) принимали участие в съездах, проходивших в Лифляндии. Главным городом здешней трети являлся до своего окончательного заката Висбю.

У ганзейских городов на севере и востоке Балтики была своя специфика. Они входили в ареал

немецкой культуры и немецкого права, но не в состав Империи. Ганзейским городом являлся также польский Краков, живший по «магдебургскому праву» и говоривший на немецком языке; аналогичная ситуация была и с Бреслау. Стокгольм отправлял своих представителей на ганзейские съезды, членами Ганзы себя считали и другие шведские города, в том числе Кальмар. Как бы то ни было, ганзейскими привилегиями в этих городах могли пользоваться только немецкие торговцы. То же самое касалось таких городов, как Лёдёсе в Швеции, Осло в Норвегии и Рипен на Ютландии.

В силу вышеназванных причин невозможно установить, сколько именно городов входило в состав Ганзы на определенном этапе ее развития. Ситуация становится немного проще, если мы будем считать только крупные города — их было в общей сложности не менее полусотни. Для XIV века называется число 77, в XV–XVI столетиях представители Ганзы за рубежом говорили о том, что в ее состав входят 72 города.

Города могли в любой момент покинуть Ганзу, отказавшись от соответствующих прав и привилегий. Вскоре выяснилось, что города или отдельные купцы во имя каких-то местных преимуществ за рубежом нередко заявляли, что не являются членами Ганзы, а затем отказывались от своих слов. После этого были приняты меры, направленные на то, чтобы затруднить вступление в союз тем, кто легкомысленно покинул его.

Не только круг членов Ганзы не был четко очерчен, но и срок действия союза никак не определялся. Мы понимаем, что та вечность, о которой говорилось в договорах того времени, — не более чем красивый оборот речи. В Средние века не лю-

били связывать себя обязательствами на длительный срок, поэтому в большинстве соглашений того времени четко зафиксировано определенное количество лет, в течение которых они действовали. В случае Ганзы ситуация обстояла иначе. Во времена Кельнской конфедерации ее участники задумывались о том, чтобы регулярно продлевать сроки соглашений, но в конечном счете не стали этого делать. Соответственно, теоретически Ганза могла быть распущена в любой момент.

Говоря о конфедерации, мы привыкли представлять себе государственный аппарат с чиновниками, совместными учреждениями и общими финансами. В случае с Ганзой все обстоит иначе. Хотя лидерство Любека было общепризнанным, приказывать что-либо другим городам он не мог. Никаких «союзных органов» не существовало, равно как и союзного флота, союзной армии, общих финансов. Каждый из членов Ганзы занимался всеми этими вопросами самостоятельно. У ганзейских третей также не было никаких постоянных органов. Только на поздней стадии сложилась система «квартир» — групп городов, в которых один играл лидирующую роль и взимал за это небольшие взносы с остальных. Уже под конец существования Ганзы появилась должность делопроизводителя, синдика, и была основана общая касса. До этого расходы на войну и дипломатическую деятельность покрывались городами в случае необходимости; то же самое касается чрезвычайных пошлин, вводившихся время от времени.

Вооруженные силы Ганзы не были ни едиными, ни постоянными. Каждый раз, когда начиналась война, города создавали их по новой. Только для защиты от морских разбойников в беспокойные вре-

мена Ганза содержала «мирные корабли», однако и их оснащал каждый город в отдельности. Экипажи кораблей состояли по большей части из жителей ганзейских городов, а командование брали на себя члены городских советов. Что касается армейских подразделений, то туда обычно вербовали наемников; часто для ведения войны на суше заключались союзы с территориальными князьями. Городские общины не любили иметь дело с наемниками, слишком наглыми и ненадежными. Нехватка сухопутных контингентов нередко приводила к плачевным последствиям, не позволяя глубоко проникнуть на территорию противника. К примеру, ганзейские города были неспособны применить силу к Новгороду. Ганза являлась морской державой, не располагавшей ресурсами для ведения сухопутной войны.

Ганза, таким образом, являлась достаточно аморфной конфедерацией. Ее члены не обладали той дисциплиной, которая сегодня считается чем-то само собой разумеющимся. Они делали для союза в целом ровно столько, сколько было необходимо, а по возможности как можно меньше. Они хотели в первую очередь получать, а не давать. Никто не стремился углублять сотрудничество, все дорожили своей свободой и самостоятельностью. Членам Ганзы было разрешено вступать в союзы с другими городами или монархами при единственном условии, чтобы они не наносили ущерба конфедерации в целом. Немецкие горожане очень неохотно платили налоги; один француз, путешествовавший в те времена по Империи, сказал, что немцы скорее позволят вырвать себе на эшафоте оба глаза, чем заплатят хотя бы один пфенниг сверх необходимого. Упрямство и эгоизм затрудняли совместные действия; даже в самые благополучные времена

отношения между членами Ганзы были наполнены противоречиями и ревностью.

У конфедерации не было никакой общей символики — ни печати, ни знамени. После начала войны против Вальдемара IV вендские города изобрели общий штемпель для расписок об уплате чрезвычайного налога. На нем находилось изображение двуглавого орла и надпись «*Signum civitatum maritimarum*»⁵⁰. Когда взимание чрезвычайных налогов прекратилось, эта печать вышла из употребления. Однако город Любек после этого сменил свою старую печать на новую, с двуглавым орлом, на груди которого закреплен красно-белый геральдический щит. Этот символ постепенно распространился за пределами Любека, однако общепризнанным ганзейским гербом он до самого конца так и не стал. Нет никаких сомнений, что двуглавый орел — отсылка к геральдике Священной Римской империи (в таком качестве он встречается в это время и в других ее районах). Императоры, однако, использовали в качестве своего символа обычного орла. Только Сигизмунд приказал изображать его двуглавым на своей императорской печати.

Несмотря на свою аморфность и внутренние проблемы, Ганза существовала на протяжении длительного времени и оставила значительный след в истории. Ее можно сравнить с созвездием, в котором силы притяжения держат вместе звезды и планеты. Этой силой были общие интересы; пока они существовали, существовал и союз городов.

Ведь у медали имелась и обратная сторона. Любой город мог выйти из Ганзы или не вступать в нее, однако в этом случае он многое терял. Эгоистич-

---

⁵⁰ «Знак морского государства».

ность ганзейцев, их нежелание делиться своими привилегиями с другими немецкими торговцами объясняется отчасти необходимостью сделать членство в союзе привлекательным и желанным. Именно поэтому ганзейцы дискриминировали «чужаков». К примеру, в Новгород вообще не разрешалось прибывать торговцам, которые не являлись гражданами одного из ганзейских городов. К балтийским морским путям ганзейцы относились как к своей собственности. Когда нюрнбергские купцы однажды пытались отправить медь морем в Брюгге, прусские города заявили, что это недопустимо. В Лифляндии «чужакам» запрещалось торговать как в городах, так и в сельской местности. Даже изучение русского языка было разрешено только ганзейцам! Вся хлебная торговля в бассейне Балтики и Северного моря считалась уделом Ганзы.

Если торговец становился гражданином города, не входившего в состав Ганзы, он немедленно терял все ганзейские привилегии. Ганзейским купцам запрещалось использовать свои права в интересах «чужаков». Торговля с «чужаками» могла осуществляться только при условии соблюдения множества ограничений. Ганзейские товары разрешено было перевозить только на ганзейских судах. Корабли, построенные в одном из ганзейских городов, можно было продавать только внутри Ганзы.

Единственным средством принуждения, которым обладала конфедерация в отношении своих членов, была угроза исключения. А она могла быть эффективной только в том случае, если ее осуществление влекло за собой большие негативные последствия.

По важным вопросам, представлявшим общий интерес, принимались решения на съездах. Эти

съезды носили различный характер — собираться могли как представители всех ганзейских городов, так и определенной их группы. Самое большое значение имели съезды вендских городов, которые и проходили чаще всего. Несколько реже собирались представители прусских и лифляндских городов. Ганзейские города, находившиеся в глубине территории, как правило, соглашались с решениями портовых городов, а на своих съездах обсуждали только локальные вопросы.

По мере развития союза возникла необходимость созывать общие съезды. В XV веке появились четкие правила проведения больших ганзейских съездов. Как правило, они проходили в Любеке, который обладал правом созывать их. Все города, получившие приглашение, были обязаны направить на съезд своих представителей. Если они этого не делали, то должны были платить большие штрафы, существовала даже угроза исключения; только чрезвычайные обстоятельства могли служить извинением. Прусские и лифляндские города в 1430 году получили право ограничить свое представительство двумя делегатами от каждой из этих групп.

Как бы то ни было, отсутствующие на съезде обязаны были подчиняться его решениям. В заседаниях могли принимать участие только члены городских советов; им разрешалось иметь при себе одного писца. В 1430 году было принято решение в будущем собирать съезды раз в три года, если не препятствовали чрезвычайные обстоятельства. Полностью осуществить это на практике не удалось, полномасштабные съезды собирались обычно значительно реже, и уже к концу XV века появилось предложение созывать их раз в 20–30 лет. Однако именно в это время они стали проводиться чаще.

Число делегатов постоянно колебалось и, несмотря на строгие меры, ни на одном съезде представители городов не присутствовали в полном составе. Наиболее полным был съезд 1447 года, на котором собрались делегаты от 38 городов. Председательствовал Любек, порядок заседания был заранее разработан, что предотвращало обычные в Средние века ссоры по поводу статуса и ранга. Почетные места рядом с представителем Любека занимали делегаты от Кельна и Гамбурга. Решения принимались единогласно, в случае разногласий спорные вопросы должны были обсуждаться в отдельных городах, а затем еще раз выноситься на общие заседания. Любек вел всю переписку с ганзейскими городами и зарубежными представительствами и получил от них отчеты. Будучи лидером союза, он даже имел полномочия принимать решения по срочным вопросам в промежутках между съездами.

Ганза появилась на свет как объединение торговцев, и именно коммерческая составляющая всегда оставалась ее стержнем. Вся деятельность конфедерации, в том числе подавление мятежей, служила интересам торговли. Задачи, стоявшие перед Ганзой, были обширными и разнообразными. Ганзейские статуты, за нарушение которых полагалось наказание, были двух видов. Первые непосредственно затрагивали торговлю, вторые были направлены на создание благоприятных для нее условий. Именно первая категория была более обширной; торговля и ремесло являлись объектами тщательного регулирования. Способ изготовления полотна, качество, длина и маркировка отдельных штук ткани — все это было предписано, равно как и величина бочек для селедки.

Города тщательно следили за качеством производимой продукции, чтобы не повредить своей репутации на зарубежном рынке. Ведь жуликов и мошенников было много во все времена, и в документах мы часто встречаем жалобы на то, что в бочке под слоем хорошей сельди лежала тухлая, в мешках с шерстью попадались камни, увеличивавшие их вес, и так далее.

Точные предписания существовали и относительно всего, что было связано с мореходством: сроки и маршруты плаваний, погрузка и разгрузка товара. Наиболее сильное влияние на деловую жизнь оказывали, конечно, запреты на ввоз и вывоз определенных типов продукции.

Намного тяжелее, чем добиться единства по этим вопросам, было устранить все помехи, существовавшие для ганзейской торговли. В этой области Ганза далеко не всегда могла рассчитывать на поддержку со стороны всех своих членов. Имевшийся опыт наглядно показывал, что войны неизбежны, если иностранные державы пытались нарушить права купцов. Однако в этих ситуациях у различных групп городов возникали разные интересы, и борьбу были вынуждены вести те, кому она оказывалась нужнее всего. Менее заинтересованные в лучшем случае прерывали торговлю с врагом — добровольно или под давлением союзников; иногда они делали денежные взносы. Даже в ходе большой войны против Дании не все города отправили корабли и солдат. Можно сказать, что Ганза как единое целое никогда не воевала.

Наиболее ярко рисует эту ситуацию заявление, которое представители Ганзы сделали в 1473 году бургундским посредникам. Последние хотели возложить на конфедерацию ответственность за то,

что каперский корабль, шедший из Данцига в Англию, захватил флорентийскую галеру под бургундским флагом. Их аргументация основывалась на том, что Ганза является единым образованием и поэтому несет ответственность за действия каждого из своих членов. Ответ ганзейцев был следующим: «Города образуют единое целое в отношении привилегий, которыми они обладают в разных странах и государствах. Если эти привилегии нарушаются, представители городов собираются вместе, обсуждают и принимают решение о том, что товары из той страны, которая нарушила права, не будут терпимы ни в одном из городов. Но они не вели войну против Англии, только отдельные города, которым Англия нанесла ущерб, на свой страх и риск решили воевать. Согласия на это всей Ганзы они не получили».

Городам приходилось защищаться от посягательств не только иностранных, но и немецких правителей. Сын императора Карла IV, Венцель⁵¹, быстро привел дела Империи в упадок. В Германии началась смута, не менее серьезная, чем в XIII веке. Рупрехт⁵², заявивший права на трон, не мог утвердить свою власть даже в Пфальце — своих собственных владениях. Сигизмунд был поглощен делами Констанцского и Базельского соборов, Гуситскими войнами и делами Венгрии. Альбрехт⁵³ погиб в кампании против турок, а Фрид-

---

⁵¹ Венцель, он же Вацлав IV (1361–1419), являлся королем Германии с 1376 по 1400 год, королем Чехии с 1378 года до своей смерти.

⁵² Рупрехт III (1352–1410) — курфюрст Пфальца из династии Виттельсбахов, стал правителем Империи в 1400 году.

⁵³ Альбрехт II (1397–1439) — герцог Австрии из династии Габсбургов, приложивший большие усилия для

рих III⁵⁴, увязнув во внутрдинастических конфликтах, больше колебался, чем действовал. Правители отдельных княжеств делали все, что им заблагорассудится; конфликты между ними были повсеместными, и именно в это время Империя понесла первые большие территориальные потери.

Ганза возникла и функционировала, не нуждаясь в официальном признании своего существования. «Золотая булла» Карла IV, которую можно назвать первым большим законом Империи, разрешала создание союзов для защиты всеобщего мира. Такая цель имелась и у Ганзы, однако в своей деятельности она вышла далеко за ее пределы. Ганзейцев это не беспокоило, потому что ни император, ни князья ничего не могли поделать с фактом существования конфедерации, даже если бы захотели. Сигизмунд понимал значение Ганзы, но практически не взаимодействовал с ней — если не считать того, что он взял у ганзейских купцов заем и не вернул его.

Членами Ганзы могли быть только города, вопрос о принятии в ее состав князей никогда не ставился. С правителями отдельных территорий заключались время от времени союзные соглашения для борьбы со скандинавскими королевствами.

В Южной Германии тоже сформировались большие союзы городов, однако с совершенно другими целями. Их членами были имперские города, которых в этом регионе насчитывалось около полусот-

укрепления ее позиций и расширения владений. За год до смерти был избран королем Германии.

⁵⁴ Фридрих III (1415–1493) — представитель династии Габсбургов, правивший Империей с 1440 года. Фактически именно он заложил основу для почти непрерывного правления Габсбургов в Империи вплоть до 1806 года.

ни. Главной целью союзов являлось сохранение политической независимости городов от правителей окрестных территорий, стремившихся поставить их под свой контроль. Союзы вели войну с князьями — в качестве наиболее известного примера можно назвать Войну городов 1388 года. В этих кровопролитных конфликтах находила свое отражение вражда между князьями и дворянами с одной стороны и горожанами с другой. Нельзя сказать, что эти две социальные и политические группы вели между собой осознанную борьбу за доминирование в Империи. Для этого Германия была слишком раздробленной, и городские общины так и не создали могущественного объединения с общей идеологией и задачами. Однако борьба между двумя группировками диктовалась объективными социально-экономическими и политическими условиями; она приобрела такую остроту, что к концу Средневековья князья и городские общины по-настоящему ненавидели друг друга.

Ганза кардинально отличалась от южногерманских союзов городов. В ее состав входили только четыре имперских города — Любек, Кельн, Дортмунд и Гослар. Остальные находились на территории княжеств и формально подчинялись их правителям, однако в реальности многие из них были практически полностью самостоятельными. В некоторых городах князьям не разрешалось иметь свою резиденцию или даже остаться на ночь без разрешения городского совета. Конфликты между монархами и городскими общинами возникали сплошь и рядом. Ганза, как правило, старалась не вмешиваться в них ни на чьей стороне. Намерения добиться для всех членов конфедерации статуса имперских городов никогда не было. Города имели

право не воевать против своего господина в случае конфликта между последним и Ганзой, и случалось так, что конфедерация сталкивалась из-за этого с большими сложностями.

Сказать однозначно, кто был прав в борьбе между князьями и городами, невозможно. Несомненно, что часто правители пытались притеснять горожан, и Ганза придавала особое значение свободе самоуправления для своих членов. Поэтому соблюдать в конфликтах полный нейтралитет удавалось не всегда. Кроме того, частые распри князей и дворян нарушали торговые пути. Именно поэтому ганзейцы внимательно и недоверчиво следили за соседними правителями.

Все союзы преследуют цель взаимной защиты и независимости от внешних игроков. Именно поэтому одним из краеугольных столпов Ганзы был запрет городам, конфликтующим друг с другом, обращаться за помощью или арбитражем к князьям. Города были обязаны помогать друг другу, в том числе при решении споров. Кроме того, в рамках отдельных группировок городов внутри Ганзы взаимопомощь могла включать в себя совместную борьбу против князей.

В этой ситуации представляется естественным, что князья совершенно не жаловали союзы городов. Напряженность увеличивалась, и в какой-то момент ганзейцы стали размышлять о том, чтобы начать наводить порядок на суше, как они наводили его на море. В 1430 году было принято решение «во имя мира и общей пользы и процветания городов и чтобы все знали, какую пользу приносит Ганза», оказывать коллективную военную помощь каждому члену союза, подвергнутому противоправному нападению. Размер помощи зависел от возможностей каждого горо-

да, удаленные могли ограничиться финансовым вкладом, близлежащие должны были направить солдат.

Это решение в конечном счете не было превращено в жизнь, однако многочисленные угрозы постоянно вызывали к жизни подобные планы. В 1447 году вестфальский Зёст вынужден был обороняться от своего номинального повелителя, архиепископа Кёльнского Дитриха II, заключившего союз с северогерманскими князьями. Архиепископ с помощью союзников собрал большую армию, включавшую в себя богемских наёмников. Жители города героически защищались, даже женщины принимали участие в обороне, поливая штурмующих кипящей водой и сбрасывая им на головы сосуды с известью. Город обратился за помощью к герцогу Клеве Иоганну, перешел под его власть и благодаря этому достался впоследствии Бранденбургу. К этому моменту, однако, он уже был далеко не так богат, как в прежние времена.

Еще одну большую войну вел в 1449 году маркграф Альбрехт Ахилл⁵⁵ против Нюрнберга и его союзников. Она также вызвала беспокойство у ганзейцев, которые заключили по этому поводу особое оборонительное соглашение. Но, хотя города стремились оказать помощь товарищам хотя бы деньгами, непосредственная борьба с тем или иным князем оставалась обычно делом небольшой группы. Ганза как единое целое никогда ни с кем не вела войну внутри Империи. И это было правильное решение, поскольку такая война повлекла бы за собой огромное количество непредсказуемых по-

---

⁵⁵ Альбрехт Ахилл (1414–1486) — маркграф Ансбаха и Кульмбаха, с 1470 году курфюрст Бранденбурга, представитель династии Гогенцоллернов.

следствий. Многие члены конфедерации наверняка воздержались бы от участия в ней, что могло легко привести к расколу. Кроме того, у Ганзы просто не было ресурсов для того, чтобы успешно действовать на двух театрах — а главным из последних для нее было море. Удержать свое господство в этой стихии становилось, однако, все труднее.

Несмотря на то что члены Ганзы вели большие и тяжелые войны, приоритетом для них всегда являлось поддержание мира. Сражались они только ради того, чтобы установить мир; для торговца война была последним средством добиться своих целей. Ганзейцы прекрасно понимали, что вытащить меч из ножен можно очень быстро, убрать же его обратно намного сложнее; знамя легче развернуть, чем свернуть. Именно поэтому частые колебания и уступчивость ганзейцев нельзя считать признаком слабости. Правители ганзейских городов сознавали, что не всех целей можно достичь, и порой приходится идти на компромисс.

Конфликты с князьями были одним из вестников новой эпохи. Монархи боролись с упрямыми подданными не только ввиду своей ненависти и жадности. Они начали создавать более устойчивую систему власти, с которой предстояло смириться как дворянству, так и городам. Некоторые из последних в результате пришли в упадок, однако это был абсолютно необходимый процесс перехода от средневековой раздробленности к централизованным государствам.

Хорошим примером является марка Бранденбург. Курфюрст Фридрих I⁵⁶, которому император

---

⁵⁶ Фридрих I (1371–1440) — представитель династии Гогенцоллернов, отец Альбрехта Ахилла.

Сигизмунд пожаловал это княжество в качестве лена, мало что мог сделать для своих новых владений. Только его сын, Фридрих II⁵⁷, взялся за работу. В ходе ожесточенного конфликта внутри городской общины Берлина-Кёльна он выступил в качестве арбитра, что позволило ему в 1442 году назначить свой городской совет, отменить все привилегии и запретить любые союзы с другими городами. На Шпрее он построил замок, который символизировал новые отношения между князем и его подданными. В этой ситуации Берлин превратился по стандартам Ганзы из свободного города в княжеский и не мог оставаться в составе конфедерации. Вскоре и остальные города марки Бранденбург перестали отправлять своих делегатов на съезды. В 1498 году были приглашены только представители Штендаля и Зальцведеля, однако двадцать лет спустя и эти два города считались отколовшимися от Ганзы.

Выход из конфедерации городов марки Бранденбург стал первой большой потерей, которую Ганза понесла на территории Империи. Вскоре за ними по тем же причинам последовали Галле, Хальберштадт, Киль и несколько малых саксонских городов. Однако вплоть до наступления XVII столетия потери на территории Империи этим и ограничились. Намного более серьезными по своим последствиям стали события, развернувшиеся в это время на востоке Балтики.

Тевтонский орден пользовался большим авторитетом в тогдашней Европе. Он совершал последние крестовые походы, направленные против ли-

---

⁵⁷ Фридрих II (1413–1471) — курфюрст Бранденбурга в 1437–1470 годах.

товских язычников. Быть допущенным к почетному столу великого магистра являлось мечтой любого европейского рыцаря. В конечном счете Литва была обращена в христианство; в 1386 году ее великий князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и крестился под именем Владислав. Справиться с польско-литовским союзом Тевтонский орден был не в состоянии; в 1410 году он проиграл знаменитую битву при Танненберге. Это поражение едва не стало концом ордена. Храбрая оборона Мариенбурга Генрихом фон Плауен спасла Тевтонский орден, однако бывшее могущество уже не вернулось, а выпущенные на волю разрушительные силы было невозможно обуздать. Коммерческая активность тевтонцев тоже значительно снизилась.

Когда былой блеск погас, стали заметны слабые стороны древней организации — нехватка дисциплины у рыцарей, их далеко не монашеский образ жизни, ошибки в управлении страной. Опустевшая казна требовала повышения налогов, против чего протестовали прусские ганзейские города. В Пруссии и дворянство, и городские общины видели теперь в тевтонцах чужаков, поскольку в состав ордена не принимались местные жители. Дворяне и города требовали участия в управлении, создания сословного представительства по образцу других немецких княжеств. Когда эти требования не были выполнены, они в 1440 году заключили Прусский союз для защиты своих прав.

Великий магистр Конрад фон Эрлихсгаузен, будучи умелым правителем, попытался успокоить недовольных. Однако все было напрасно: члены союза в 1454 году позвали на помощь поляков, чтобы сбросить власть ордена. Началась ожесточенная война, чудовищно опустошительная для Пруссии.

Император не вмешивался в нее. Наемники, которым беспомощный орден не мог заплатить, за деньги передали полякам Мариенбург и другие крепости. Только Торнский мир 1466 года положил конец этой войне; Западная Пруссия стала частью Польши, а оставшийся во главе Восточной Пруссии великий магистр — вассалом польского короля.

Близорукость прусских сословий обернулась в итоге против них самих. Орденское государство никогда больше не оправилось от этих тяжелых ударов. Города, попавшие под власть поляков, сохранили немецкую культуру, однако местные дворяне и крестьяне постепенно ополячились и забыли немецкий язык.

Ганза в этой войне могла только позаботиться о том, чтобы судоходство и торговля пострадали как можно меньше. «Мирные корабли» сдерживали морских разбойников. В 1463 году Любек предпринял попытку выступить в качестве посредника, однако она осталась безуспешной.

Последний съезд прусских городов в рамках Ганзы состоялся в 1453 году. После Торнского мира под властью великого магистра из крупных городов находился только Кёнигсберг. Остальные остались в Ганзе, но начали приходить в упадок, за исключением Данцига. Ганзейские вопросы они обсуждали между собой на собрании сословий Западной Пруссии.

Выиграл от происходящего только Данциг. Он активнее всех боролся против Тевтонского ордена, и польский король предоставил ему статус вольного города. Стремительный подъем Данцига начался еще в XIV веке, о чем свидетельствуют его высокие церкви и дворцы городских патрициев. Теперь, после поражения Ордена, через город стала прохо-

дить вся польская торговля по Висле, в том числе вывоз зерна и муки в Англию. Данциг также активно торговал с Россией через Ковно на Немане. По своему могуществу он практически сравнялся с Любеком и вел большую политику, не страшась воевать против Дании и Англии. Он сосредоточил в своих руках все влияние, которым ранее пользовались прусские города в совокупности.

Еще одним важным изменением в регионе стал переход Силезии под власть венгерского короля Маттиаса. В результате в 1474 году Ганзу покинул Бреслау. Городская община последнего считала, что ее права ущемляются в Брюгге и Сcone. Бреслау успешно переориентировал свою торговлю на Южную Германию; тот же выбор сделал чуть позднее и Краков.

Лифляндия после поражения Тевтонского ордена сохранила независимость. Местные города, среди которых особую роль играла Рига, продолжали посылать представителей на большие ганзейские съезды и собирать свои. Но и Польша, и Россия уже примерялись к этим землям, и здесь все сильнее чувствовалось изменение баланса сил в регионе — как в политическом, так и в экономическом измерении.

Глава 8

Новгород, Берген и Скания

Самим своим существованием Ганза была обязана тому обстоятельству, что она связывала запад и восток Европы — Россию с Брюгге и Англией. Она превратила бассейн Северного и Балтийского морей в единое торговое пространство. По тогдашним меркам это был огромный регион, и вполне естественно, что контролировать его было непросто. То тут, то там вспыхивали конфликты, и у каждой части региона были свои особенности, которые ганзейцам приходилось учитывать.

Именно поэтому имеет смысл обратиться к ключевым торговым центрам, рассмотреть каждый из них в отдельности и только потом вернуться к изложению общей истории Ганзейского союза.

Представительства Ганзы за рубежом назывались «конторами». Изначально это слово обозначало комнату, где сидели писцы. Конторы не являлись полноценными колониями, скорее их можно сравнить с факториями. Они не принадлежали какому-то конкретному торговому дому, а служили опорным пунктом и жилищем для временно прибывающих торговцев. Каждый купец, приехавший в контору, вел свои дела самостоятельно и обязан был лишь

подчиняться общим требованиям. Конторы находились под контролем Ганзы в целом и могли самостоятельно принимать решения по своим внутренним вопросам. Все важные правила и решения с середины XIV века, однако, подлежали утверждению конфедерацией. Именно поэтому представители контор часто появлялись на ганзейских съездах — но только в качестве докладчиков, не имея права голоса.

Жизнь на территории такого представительства регулировалась внутренними правилами, первые из которых появились, по всей видимости, в Лондоне и Новгороде. Расходы на содержание контор покрывались за счет специальной пошлины, которая взималась с останавливавшихся на их территории купцов.

Считалось, что самой большой опасности постоянно подвергалась контора в Новгороде, где ганзейцы находились среди многочисленного и чуждого им по своим обычаям населения. Даже доплыть до этого русского города было непросто; большие когги не могли преодолевать пороги на Волхове, и товары приходилось перегружать на небольшие новгородские суда. После этого надо было еще долго плыть мимо пустынных или даже враждебных берегов.

Среди торговцев различали «летних» и «зимних» — первые прибывали весной и отплывали осенью, в то время как вторые оставались в России на зимовку. Некоторые купцы приезжали в Новгород по суше, из Пруссии и Лифляндии. Ганзейская контора в Новгороде была постоянной, хотя ее население менялось несколько раз в году. Закончив свои дела, купец, как правило, стремился как можно быстрее пуститься в обратный путь.

Торговцам с территории Империи принадлежал квартал вокруг церкви Святого Петра. Позднее они стали использовать также более старый готландский квартал с церковью Святого Олафа. Уже в первой половине XIII века был составлен короткий свод внутренних правил — так называемая «Скра». Позднее она не раз редактировалась и дополнялась.

Квартал Святого Петра представлял собой пространство, окруженное частоколом и застроенное так называемыми «клетями» — домами, предназначенными как для жилья, так и для торговли — а также всевозможными сараями. На территории находились также госпиталь, пивоварня, мельница и пекарня.

Главным зданием квартала была, разумеется, церковь; среди иноверцев немецкие купцы никак не могли обойтись без нее. Торговцы, прибывавшие на летний сезон по морю или по суше, привозили с собой священника и оплачивали его содержание. В зимний период соответствующие расходы брала на себя контора. Священники не только исполняли свои прямые обязанности, но и помогали купцам в ведении делопроизводства. Да и сама церковь, будучи прочным и не боящимся огня строением, могла использоваться не только для богослужений. В ней хранились ценные товары, документация конторы, касса, а также эталоны мер и весов, использовавшиеся при разрешении споров. Днем стражник не позволял русским проникать внутрь, вечером церковь тщательно запирали и оставляли в ней двух часовых. Контора в целом охранялась бдительной стражей и злыми собаками. Нести эту службу были обязаны все обитатели конторы по очереди; не допускалось, однако, чтобы в церкви

одновременно несли дежурство два брата или компаньона.

Надзор за делами конторы осуществляли два старосты, которых по традиции назначали Любек и Висбю. Один из них был верховным судьей и представителем Ганзы в целом. Он сам выбирал себе четырех помощников. Второй староста ведал хозяйственными делами и казной. Все приезжавшие в контору купцы платили взносы, а при необходимости и высокие штрафы. Эти деньги шли на содержание представительства; если возникал излишек, он, по старинной традиции, отправлялся в церковь Святой Марии в Висбю. Там деньги хранились в специальном сундуке, ключи от которого имелись в самом Висбю, Любеке, Дортмунде и Зёсте. Контора обладала полной судебной властью над купцами, находившимися на ее территории, и могла даже выносить смертный приговор. Конфликты с русскими должны были рассматриваться в городском суде, который в таких случаях включал в свой состав представителей конторы.

В зависимости от того, из какого города приезжали торговцы, они жили в разных домах; контора была разделена на несколько «землячеств», называвшихся «маскопеями». Каждое из них имело общее жилое пространство, выбирало своего фогта и скидывалось на содержание дома. В таком доме была, как правило, одна большая комната, открытая для всех. Ученики собирались в «детской комнате», зажиточные купцы — в специальном зале, менее богатые — в светлицах. Играть на деньги было запрещено. Женщины на территорию не допускались.

Ганзейцы тщательно старались избегать любых ссор с русскими. Последним не доверяли; любая

сделка с местными жителями должна была осуществляться в присутствии двух свидетелей. Запрещалось вступать в коммерческое партнерство с русскими или играть на деньги в русском доме.

Для торговли было необходимо знать русский язык. Чаще всего купцы прибегали к услугам переводчиков — так называемых «толков». Однако иногда и купеческую молодежь (не старше 20 лет) учили этому языку. Торговцам нужно было привыкнуть и к тому, что у русских простолюдинов наряду с металлическими деньгами были в ходу и кожаные.

На гербе конторы изначально была изображена голова бородатого человека. Позднее в подражание другим ганзейским конторам ее сменил щит, в левой части которого находилась половина двуглавого орла, а в правой — ключ святого Петра.

Помимо Новгорода, немецкие конторы были в Пскове (немцы называли этот город Плескау), Смоленске и литовских городах Полоцке и Витебске. Обычно торговцы приезжали туда зимой, когда болота замерзали и можно было передвигаться по снежному покрову с меньшими усилиями. В России ганзейские купцы обычно покупали товары местного производства и сырье. Товары с Востока практически отсутствовали в этом списке — их было куда легче раздобыть в Брюгге.

Торговля приносила большую прибыль, поскольку не облагалась пошлинами. Только небольшое подношение деньгами, полотном и перчатками полагалось князю или посаднику. Проблема заключалась в том, что торговля часто прерывалась; купцы постоянно чувствовали себя как в стане врага. Вдали от родных городов они не могли в случае чего опереться на силу оружия, единственны-

ми инструментами разрешения конфликтов были переговоры и торговые эмбарго. Однако русские были упорны и заносчивы, а их купцы все меньше зависели от ганзейцев. Дело в том, что для новгородской торговли вскоре открылся новый путь через Ковно, где Данциг открыл контору. Там новгородцы установили контакты с южногерманскими купцами.

Между русскими и немцами нередко происходили драки. Если кто-нибудь из русских при этом погибал, разъяренная толпа штурмовала контору. Последнюю не раз приходилось закрывать на несколько лет. Потом стороны мирились, и русские по своему обычаю целовали крест в знак того, что будут соблюдать договоры.

Войны между русскими и Тевтонским орденом также приводили к тому, что торговля останавливалась. Сложности создавала и взаимная ревность самих ганзейцев. Лифляндские города во главе с Ригой, находившиеся ближе всего к Новгороду, стремились поставить этот богатый рынок под свой контроль. Русские купцы и сами часто ездили в Лифляндию. Особенно острой была конкуренция между лифляндскими и прусскими городами, которые чинили друг другу препятствия. К примеру, лифляндцы добились того, что пруссакам запретили торговать польскими тканями.

Позднее события приняли еще более серьезный оборот. Страхнув с себя двухвековое монгольское иго, русские начали экспансию в западном направлении. Могушественный Иван III взял в качестве нового герба византийского двуглавого орла (его жена София была византийской принцессой), а также возложил на свою голову царскую корону. Именно он первым пригласил в Россию западных

врачей, строителей и горняков и завязал отношения с европейскими правителями. Когда Новгород позвал на помощь поляков, чтобы отстоять свою независимость, Иван III в 1471 году опустошил его земли и вынудил город принять свои требования. В 1478 году Новгород был присоединен к московским владениям. В следующем году Иван III лично прибыл в город, держал строгий суд, вывез огромные сокровища и переселил наиболее зажиточных новгородцев в глубь России. На этом история старого Новгорода завершилась. Впрочем, его значение все равно уменьшалось — торговля переместилась в Нарву, которая отличалась более удобным расположением. Только лифляндцы всерьез заинтересовались происходящим.

Ганзейские купцы, находившиеся в Новгороде во время описываемых событий, серьезно пострадали, так что торговля была прекращена. Царь в 1487 году заключил с ганзейскими посланниками договор о мире и торговле. Однако Иван III стремился заключить союз против шведов с датским королем Гансом, а последний потребовал изгнать немцев из Новгорода. Кроме того, как раз в это время в Ревеле были подвергнуты жестокой казни двое русских, совершивших преступления, и это вызвало у царя страшный гнев. Он принял в Москве еще одну ганзейскую делегацию, но вскоре после этого, 5 ноября 1494 года, отдал приказ разорить новгородскую контору. При этом были схвачены 49 немцев, приехавших из лифляндских, саксонских и вестфальских городов. Они были лишены имущества и брошены в темницы. Все товары, найденные на территории конторы, привезли в Москву.

Только спустя три года по просьбе императора Максимилиана⁵⁸, с которым Иван III долго вел переговоры о союзе против Польши, царь отпустил всех пленников, кроме четверых, оставшихся в Москве в качестве заложников. Сын Ивана III, Василий III, заключив в свою очередь союз с Максимилианом против Польши, позволил в 1514 году ганзейским купцам вернуться в свою опустошенную контору. Прежнего, однако, было уже не возвратить. Лифляндцы, стремившиеся взять под контроль всю торговлю с Россией, чинили всяческие помехи переговорам. Вскоре им самим пришлось почувствовать на себе тяжелую руку Ивана IV Грозного.

В 1558 году русский царь захватил Нарву и Дерпт. В 1570 году он устроил в Новгороде страшную кровавую баню, город был полностью опустошен. Тем временем позиции Лифляндии слабели: в 1525 году последний великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский принял Реформацию и превратил Пруссию в светское герцогство. Ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг остался верен католической церкви, но предотвратить упадок он был не в состоянии. Последний ливонский магистр, Готтхард Кеттелер, стал в 1562 году герцогом Курляндии и признал себя вассалом польского короля. Остров Эзель купили датчане, Ревель перешел под власть шведов. Главным торговым центром в этих краях осталась Нарва, которую в 1581 году также захватили шведы.

---

⁵⁸ Максимилиан I Габсбург (1459–1519) — правитель Империи с 1493 года, благодаря удачной династической дипломатии сделавший Габсбургов самой могущественной династией Европы.

Новгород тем временем окончательно пришел в упадок. В 1588 году любекские купцы получили от царя Федора право торговать в Новгороде, Пскове и Москве и вернуться в старые ганзейские конторы. К этому моменту, однако, от квартала Святого Петра остались одни руины, на которых хозяйничал какой-то крестьянин. Надежда на то, что царь будет защищать права ганзейцев, вскоре улетучилась.

Любек, однако, не оставлял попыток развивать торговлю на выгодных условиях. В 1603 году к царю Борису было направлено посольство, которому удалось получить грамоту, позволявшую строить и покупать дома в Новгороде, Пскове и Ивангороде. Ганзейские города не были готовы нести соответствующие расходы, и Любек в одиночку восстановил старые конторы. Однако география торговых путей к тому времени уже изменилась, Новгород пришел в полный упадок и прекратил свое существование как коммерческий центр. Содержать контору больше не имело никакого смысла, и вскоре она оказалась заброшена.

Ганзейское представительство в Новгороде иногда называли прародителем всех остальных контор. Оно существовало в общей сложности на протяжении трех столетий. В современном Новгороде сохранилась одна достопримечательность, которая свидетельствует о старых связях между этим городом и Германией. Речь идет о бронзовых дверях собора Святой Софии⁵⁹, изготовленных, вероятно, магдебургскими литейщиками и попавших в Новгород в XIV веке.

---

⁵⁹ Речь идет о так называемых «магдебургских вратах».

В Норвегии ганзейские купцы существовали в гораздо лучших условиях, чем в России. Здесь им удалось приобрести фактически монопольное положение. Маленькие представительства были в Тёнсберге и Осло (здесь ключевую роль играл Росток), большая контора — в Бергене.

Берген находится на берегу защищенной от штормов бухты. Сюда уже в давние времена приплывали англичане, а в XIII веке по их следам пошли немецкие торговцы и ремесленники. Последних в Норвегии называли «сапожниками» из-за того, что именно эта гильдия была наиболее могущественной. Немцы поселились в отдельном квартале, не вступали в брак с норвежскими женщинами и по всем вопросам поддерживали ганзейских купцов. Постепенно все больше последних стали оставаться в Бергене на зиму и покупать здесь дома. Так постепенно здесь возникла контора, впервые упоминаемая в середине XIV века. Пик ее расцвета пришелся на время после опустошения Бергена пиратами в 1429 году. Еще сегодня в городе существует «Немецкий мост»⁶⁰, а некоторые старые ганзейские дома дожили до начала XX века.

Контора находилась на самом берегу бухты Воген, что было очень удобно с точки зрения разгрузки и погрузки товаров на ганзейские корабли. Всего насчитывалось три десятка домов; построенные из грубо обработанных бревен, в большинстве своем трехэтажные, вытянутые в длину, они стояли вплотную друг к другу. В домах находились лавки, складские помещения, а также узкие, низкие комнаты, в которых жили купцы, их помощники и моряки. В задней части дома находился «шюттинг»,

---

⁶⁰ Современное название Брюгген.

длинное четырехугольное помещение, с маленькими окнами или вообще без окон, в котором зимой собирались вокруг огня жители дома. Дым выходил наружу через отверстие в крыше; люди сидели на длинных лавках, их посуда хранилась в специальном шкафу. В соседнем помещении располагалась кухня с колодцем. Блюда готовились здесь на открытом огне в больших котлах и передавались в «шюттинг» через специальное окошко. Рядом хранились и напитки. За домом находился небольшой огород, в котором росла зелень для кухни. В каждом из домов жило около ста человек. Всего в конторе насчитывалось, таким образом, до трех тысяч обитателей. Летом, в судоходный сезон, эта цифра еще увеличивалась.

Ганзейцы были скучены на небольшом пространстве. В домах не хватало воздуха и света, здесь царили запах вяленой рыбы и дым от очага. В конторе поддерживался строгий порядок. Женатые сюда не допускались, женщинам вообще было запрещено вступать на «Немецкий мост». Дружеское общение с местными жителями также было запрещено. Женившись на норвежской девушке, торговец терял право считаться гражданином своего немецкого города. День проходил в тяжелой работе, вечера – в пьянстве, но каждый должен был в назначенный час отправиться спать.

В качестве биржи, административного центра и зала заседаний использовалось специальное здание, находившееся по соседству. В конторе имелись и священники, а все обряды строго соблюдались. У немцев были две приходские церкви. Одна из них, освященная в честь святой Марии, не раз становилась жертвой пожара; только в XV веке было построено здание, дожившее до наших дней.

Рядом с этой церковью находилось немецкое кладбище.

Жизнь в Бергене была довольно унылой, и обитатели конторы развлекались как могли. Жертвами их шуток становились обычно новички. Повсюду в Германии принятие в сообщество новых членов сопровождалось специальными обрядами — шуточными, но при этом зачастую весьма грубыми. В Бергене обращение с новичками напоминало скорее настоящие пытки, превосходя все пределы допустимого. Их заставляли дышать удушающим дымом, бросали в ледяную воду, пороли до крови — только прошедшие через это принимались в ряды немецких торговцев в Бергене. Эта порочная практика была прекращена лишь в 1676 году по приказу датского короля. До этого ганзейские съезды неоднократно запрещали подобного рода ритуалы, однако без всякого успеха. Впрочем, были у торговцев в Бергене и более мягкие развлечения — к примеру, совершенно безобидные театральные представления.

Норвежцы ненавидели немцев, которые вели себя как господа и не соблюдали законы. Часто дело доходило до кровавых столкновений. В 1455 году ганзейские торговцы в отместку за нападение местных жителей атаковали королевского фогта. Последний пытался спастись в церкви, где епископ вышел с крестом навстречу беснующемуся немцам. Все было напрасно: церковь и монастырь были подожжены, фогт и епископ погибли в огне. Немецкие купцы знали, что норвежцы не смогут без них обойтись.

На гербе конторы была с одной стороны изображена серебряная рыба с золотой короной на голове на красном поле, с другой — половина черного имперского орла на золотом поле.

Постепенно торговля в Бергене начала приходить в упадок. В начале XVI века часть недвижимости даже пришлось продать, чтобы сократить расходы. Тем не менее, из всех ганзейских представительства именно норвежское просуществовало дольше всех. Еще в 1560 году король Кристиан⁶¹ запретил купцам других наций, кроме немцев, оставаться на зиму в Бергене. Даже после того, как Ганза прекратила свое существование, Любек, Гамбург и Бремен продолжили торговлю с Норвегией и получили от ее короля подтверждение своей старой привилегии. В 1702 году три города восстановили немецкий квартал, погибший в огне большого пожара. Но число обитателей конторы было уже очень мало, и Гамбург и Бремен вскоре прекратили торговлю, значение которой стало ничтожным. После этого контора окончательно прекратила свое существование, и в 1777 году последние ее строения были проданы. Сегодня на этом месте существует небольшой музей.

Контора в Сконе серьезно отличалась от тех, которые имелись в Новгороде и Бергене и занимались только торговлей. Штральзундский мир 1370 года создал правовые основы для ее существования. В Сконе привилегии были предоставлены отдельным городам, и хотя на территории конторы действовало ганзейское право, она не считалась общим достоянием. Здесь главным видом деятельности была ловля и засолка сельди, имеющая сезонный характер — конец лета и осень. Известно, что именно в это время селедка огромными косяками подходит к берегам для нереста. Масса рыбы

---

⁶¹ Очевидно, в тексте ошибка, поскольку Кристиан III (1503–1559) скончался годом ранее.

при этом бывала столь плотной, что поднимала корабли над водой. Иногда, впрочем, сельдь меняет привычные места нереста. В течение всего Средневековья она выходила на отмели у берегов Сконе, а около 1560 года перешла к побережью Норвегии.

Маленький полуостров, соединенный с материком только узкой полосой суши, протянулся с севера на юг примерно на семь километров⁶². Здесь находится две деревни — Сканёр и Фалстербо; в начале XX века они обе, вместе взятые, насчитывали лишь около тысячи жителей. Во времена лова сельди это небольшое пространство становилось аренной лихорадочной активности. Рыбаки выходили на лов в маленькие лодках с экипажем из пяти-шести человек — так называемых «шутах». Большинство моряков были датчанами; их утлые хижины, за которые они платили королю пошлину, стояли на берегу вдоль длинного низкого острова. Рыбаки могли оставлять себе лишь столько рыбы, сколько было необходимо им для пропитания; монополию на торговлю держали в своих руках купцы, платившие морякам деньги. Засолкой занимались женщины; одни искусно потрошили рыбу, другие клали ее в рассол. Бочки, размер которых был строго определен ганзейскими предписаниями, торговцы привозили с собой; оставалось только наполнить и законопатить их.

Купцы вели торговлю на земельных участках, которые в соответствии с договорами еще XIII века за определенную плату арендовали у короля. В районе Фалстербо находились торговцы из балтийских городов; в XV веке монопольное положение здесь

---

⁶² Речь идет о современном острове Фалстербо, отделенном от материка искусственным каналом.

приобрели Любек, Штральзунд, Росток, Штеттин и Данциг. У Сканёра располагались купцы из городов побережья Северного моря, лидирующую роль среди которых на протяжении долгого времени играл Кампен. В торговле принимали участие также расположенные неподалеку Мальмё и Ландскрона. Кроме того, поблизости находилось еще несколько районов лова.

Из-за церковных постов соленая сельдь была в Средние века совершенно необходимым продуктом питания. Основным ее рынком являлась Германия, однако этот товар поставлялся также в Англию, Фландрию и Францию. Сельдь была для Ганзы важнейшим товаром, на протяжении столетий приносившим городам огромную прибыль.

На маленьком кусочке суши велась торговля и другими товарами, которые привозили прибывающие сюда корабли. На местном рынке, расположенном очень удачно относительно маршрута из Балтики в Северное море, можно было купить все что угодно. Из Германии приезжали ремесленники — от сапожников до мясников — и строили себе мастерские.

На своих участках города строили множество деревянных домов (один Любек владел пятьюдесятью). Здесь жили купцы, шла засолка рыбы, работали питейные заведения. В отличие от Бергена и Новгорода, в Сконе было много женщин. Они не только готовили рыбу для засолки, но и прислуживали посетителям в кабаках.

На несколько месяцев на небольшом пространстве скапливались тысячи человек; закончив работу, они возвращались домой. Так, в 1463 году в Сконе насчитывалось около 20 тысяч человек. Помимо рыбаков, торговцев и ремесленников было

необходимо множество помощников. Для разгрузки и погрузки кораблей на мелководье требовались сотни повозок. На повозках товар перевозился по неглубокой воде до паромов, которые доставляли его на корабли. На полуострове находилось множество церквей — каждый город считал своим долгом построить хотя бы одну. Самой старой и почитаемой была принадлежавшая Любеку церковь святой Марии. Она же служила местом упокоения немцев. Богослужение осуществляли доминиканцы и францисканцы.

Пропитанный запахом рыбы, наполненный людьми кусок побережья кипел жизнью. Иногда здесь возникали конфликты; поэтому оружие было разрешено носить лишь при прибытии и отплытии. Каждый город назначал фогта, являвшегося верховной властью на принадлежавшем городу участке суши. Фогт был и полицейским, и судьей. Высшей судебной инстанцией являлся датский фогт; еще один королевский чиновник взимал арендную плату и собирал пошлину с прибывающих и отплывающих кораблей.

Ловля сельди была одним из главных источников доходов балтийских городов. Отказаться от нее ради войны с Данией значило принести большую жертву, что было оправданным только в ситуации крайней необходимости. В беспокойные времена отдавался приказ о том, что торговые корабли должны были идти к месту лова во всеоружии.

В конце XV века промысел у берегов Сконе стал приходить в упадок. Сначала опустел Сканёр, поскольку купцы из портовых городов Северного моря больше не приплывали. Рынок тоже прекратил свое существование после того, как развитие корабельного дела позволило совершать дальние

плавания без промежуточных остановок (что уже привело к упадку Висбю). Ловля сельди у Фалстербо продолжалась еще некоторое время, пока не потеряла всякий смысл. Хотя Любек после Тридцатилетней войны пытался возобновить торговлю со Сконе, к концу XVII века она прекратилась окончательно. Все следы ганзейских поселений со временем исчезли; немногочисленные каменные постройки были снесены, а их материал использован при возведении других зданий. Теперь на месте, где кипела жизнь, простирается пашня, и лишь изредка в песке находят обломки деревянных конструкций там, где когда-то высились дома рыбаков.

Глава 9

Брюгге и Антверпен. «Штальный двор» в Лондоне. Голландцы

Если купец вместо Новгорода или Бергена брал курс на Фландрию, он попадал в совершенно другие условия. Ему не нужно было жить в примитивном окружении; он мог легко найти все удовольствия тогдашнего цивилизованного мира, все мыслимые яства, ремесленные изделия и произведения искусства. Как велика была разница между заполненным дымом «шюттингом» и пышными домами фландрских купцов, жены которых носили такие же украшения, что и королевы! На севере немецкий купец был первопроходцем, в Брюгге же он мог многому поучиться. По уровню богатства, умению вкладывать капитал, широте коммерческих связей торговцы из Фландрии превосходили ганзейцев. Хотя немцы находились на чужбине, но в Брюгге, говорившем на старофламандском языке, они чувствовали себя как дома. Готовность жителей города защищать свои права и свободы в борьбе с князьями была им близка и понятна.

Немецких купцов в Брюгге называли «остерлингами» («выходцами с востока»). Привилегии были предоставлены им в 1307 году по решению графа Роберта Фландрского и в 1309 году подтверждены городской общиной Брюгге. Они могли свободно

торговать на всей территории Фландрии, образовывать корпорации и руководить ими по своим законам. В 1347 году корпорация ганзейских купцов разработала свой статут, который в 1356 году был утвержден представителями города.

В Брюгге не было особого немецкого квартала. Торговцы снимали жилье у местных жителей, а торговля велась на рынках и в лавках, принадлежавших городу либо отдельным предпринимателям. Тем не менее, ганзейские купцы были обязаны подчиняться общим правилам, если хотели пользоваться ганзейскими привилегиями, платить взносы в общую кассу и регистрироваться в качестве членов корпорации. Последняя была невелика, поскольку только немногие торговцы жили в Брюгге продолжительное время; большинство приезжало ненадолго. «Мы ежедневно приезжаем и ежедневно отправляемся обратно, к нашим друзьям из ганзейских городов и дабы найти себе пропитание на суше и на море, везде, где мы можем это сделать», — писал в 1414 году один немецкий торговец из Брюгге императору Сигизмунду.

Центром жизни ганзейцев был монастырь кармелитов. Общие собрания проходили в его церкви, совещания старост — в трапезной. В помещении, где монахи спали, стоял шкаф с эталонными мерами и весами; драгоценности и документы хранились в ризнице. Здесь же, в монастыре, был немецкий склеп.

Во главе корпорации немецких торговцев стояли шесть старост — по два человека от каждой трети. Их выбирали сроком на год. Старосты торжественно клялись всеми силами оберегать права немцев и помогать каждому ганзейцу. Они представляли корпорацию при общении с внешними силами и ру-

ководили ее внутренними делами — в той мере, в которой эти вопросы не являлись предметом рассмотрения ганзейских съездов. Они же являлись судьями в коммерческих вопросах; высшими судебными инстанциями являлись, однако, местные суды. Старосты толковали устав корпорации, решали спорные вопросы, распоряжались общим имуществом. Делопроизводством занимались два наемных клерка. Расходы корпорации, среди которых особенно выделялись затраты на отправку посольств на ганзейские съезды, покрывались за счет взносов, штрафов и специальной пошлины, зависевшей от стоимости привезенных купцом товаров.

Если в Новгороде и Бергене ганзейцы держали в руках всю торговлю, то во Фландрии они были вынуждены конкурировать с представителями многих других наций. Свои корпорации были у итальянских купцов из Флоренции, Генуи и Лукки, испанских из Каталонии и Кастилии, португальцев и англичан. Впрочем, торговые корпорации старались поддерживать друг с другом хорошие отношения и совместно защищать права иностранных купцов.

Тем не менее, ганзейцы имели для фламандцев особое значение. Только немцы вывозили местные товары на север и восток Европы и привозили оттуда необходимое сырье. Во Фландрии торговля и промышленность были развиты намного сильнее, чем мореплавание, поэтому она не могла обойтись без помощи иностранных купцов. И когда ганзейцы, вступая в конфликт с Брюгге из-за нарушения своих прав, прекращали торговлю, город неизменно был вынужден идти на уступки.

В Западной Европе тем временем начались большие политические перемены, отразившиеся на жизни всего континента, в том числе и Германии.

Французский король Иоанн Добрый пожаловал в 1363 году своему младшему сыну Филиппу Смелому герцогство Бургундия. Филипп и его потомки заключали удачные браки, успешно воевали и вели хитрую дипломатию. В результате между Францией и Империей стремительно возникло новое могущественное государство. Филипп смог приобрести немецкое графство Бургундию, а также графства Фландрию и Артуа. Его сын Антон унаследовал в 1406 году герцогства Брабант и Лимбург. Следующий представитель династии, Филипп Добрый, вынудил в 1433 году прекрасную, умную, храбрую, но несчастливую графиню Якобу уступить ему Голландию, Зеландию и Фризия. Так эти территории перестали быть частью Империи.

С 1415 года между Англией и Францией бушевала кровопролитная война. Герцог Филипп сначала участвовал в ней на стороне англичан. Ганзейцы, как и всегда в таких случаях, понесли убытки. Дело этим не ограничилось: когда в Слэйсе произошла кровавая драка между «остерлингом» и местным жителем, горожане убили в отместку 80 ганзейцев. Никаких компенсаций выплачено не было, и немецкие купцы, устав от нарушений их прав, покинули Брюгге. Свою торговлю они перенесли, однако, не в Дордрехт, как это бывало раньше, а в Антверпен. Дело в том, что Ганза вела войну с Голландией, рассказ о которой еще впереди. В Брюгге вскоре вспыхнуло кровопролитное восстание, подавленное герцогом; после этого горожане все же заплатили ганзейцам большую компенсацию. Прежние отношения восстановились, однако ненадолго.

Примирение вызвало всеобщую радость. Когда в 1457 году процессия из 200 немцев вступила в Брюгге во главе с бургомистрами Кельна, Любе-

ка, Бремена и Гамбурга, ее торжественно встречали городские власти и фламандские купцы. Под звуки торжественной музыки ганзейцев провели по улицам, заполненным зеваками, к ратуше, где состоялся большой пир. Праздник продолжался до глубокой ночи.

В честь этого события город передал ганзейцам участок земли на месте снесенного дома. Поблизости от него немцы купили еще несколько зданий. В 1478 году завершилось строительство ганзейского дома — роскошного здания с высокой башней и декоративными башенками. Первый его этаж был каменным, остальные — деревянными. В 1486 году ганзейские старосты получили от императора Фридриха III специальный герб. На нем изображен двуглавый орел с шестиконечной звездой на груди — символом Девы Марии. На печати ганзейской корпорации также красовался этот герб, поддерживаемый двумя львами.

Однако упадок был уже не за горами. Если в 1449 году в Брюгге находилось 600 ганзейских купцов, то в дальнейшем это количество значительно сократилось. В 1486 году число старост пришлось уменьшить до трех.

Причиной этого упадка были войны и внутренние беспорядки, которые мешали спокойному развитию Нидерландов. Кроме того, англичане начали сами обрабатывать производимую в их стране шерсть и этим нанесли сильный удар по фламандской промышленности. Английские ткани успешно конкурировали с фламандскими не только за рубежом, но и в самой Фландрии. Еще одной причиной были проблемы самой Ганзы. Процветание ее представительства основывалось на так называемом «стапельном праве». Оно предписывало купцам

привозить в Брюгге все товары (кроме скоропортящихся) и предлагать их там на продажу прежде, чем везти дальше, в другие фламандские и голландские города. Кроме того, ганзейские законы позволяли только прямую продажу, без посредничества других торговцев, не относившихся к Ганзе. С течением времени, однако, эти ограничения вызвали все больше недовольства, как и необходимость платить пошлину на содержание корпорации. Многие немецкие купцы предпочитали торговать в обход правил. Наконец, важной причиной упадка Брюгге стало постепенное обмеление его гавани.

Мощное бургундское государство представляло большую угрозу для Империи. В Ганзе тоже забеспокоились, когда герцог Карл Смелый начал свою активную и честолюбивую политику. Опасались, что он вступит в союз с датским королем Кристианом I. В 1474 году Империя объявила Бургундии войну; в ганзейских городах это вызвало ликование, а Любек и Лüneбург отправили на помощь императору значительные контингенты. В январе 1477 года Карл Смелый погиб под стенами осажденного им Нанси в бою со швейцарцами. Его единственная дочь и наследница Мария вышла замуж за австрийского эрцгерцога, будущего императора Максимилиана. Этот брак заложил основу могущества династии Габсбургов.

Мария вскоре скончалась, а Максимилиан вступил в тяжелую борьбу как с Францией, так и с фламандскими городами. В конце концов, однако, ему удалось сохранить основную часть бургундского наследства для своего сына Филиппа. Ганзейцы приветствовали это; им была выгодна ситуация, при которой будущий император правил Нидерландами. Немецкие купцы в Брюгге всегда подчерки-

вали свою принадлежность к Империи и украшали церковные витражи гербами императора и курфюрстов. Однако внутренние конфликты в Бургундии не могли не сказаться на немецкой торговле.

В 1487 году жители Брюгге в течение четырех месяцев насильно удерживали короля, прибывшего в город. Ганзейцы в ответ вновь переместились в Антверпен. В 1493 году они вернулись, однако их недовольство вызывала пошлина на вино, которую ввели городские власти, чтобы расплатиться с огромными долгами. Брюгге все больше приходил в упадок; он изначально являлся больше посредником в международной торговле, чем активным игроком на внешних рынках. Своего флота у него не было, и вскоре более ловкие соседи обогнали его в своем развитии. Все более привлекательным становился, в частности, Антверпен, которому бургундские правители предоставляли всевозможные привилегии, чтобы наказать строптивый Брюгге.

Антверпен, который немцы называли Андорпом или Анторфом, находится на Шельде — широкой реке, впадающей в море. В древности моряки предпочитали из соображений безопасности маленькие, находившиеся в глубине суши гавани. Теперь же большие корабли были вынуждены выбирать места поближе к глубокой воде. В 1468 году власти Антверпена подарили немцам дом, чтобы побудить их почаще наносить визиты в город.

В конечном счете ганзейцам пришлось окончательно покинуть Брюгге. Антверпен во время датско-ганзейской войны конфликтовал с Любеком и Гамбургом, а Брюгге всеми силами старался сохранить свои прежние позиции, поэтому процесс затянулся. Хотя Антверпен стал главным центром немецкой торговли уже к началу XVI века, ценности

и архив были перевезены сюда из Брюгге только в 1553 году. Новое ганзейское представительство по-прежнему называлось «конторой в Брюгге, находящейся в Антверпене». Немецкий дом в Брюгге сдавался внаем вплоть до 1698 года, когда был, наконец, продан. Еще сегодня находящаяся поблизости площадь носит имя «площадь остерлингов»⁶³.

В Антверпене ганзейцы построили себе новый дом. Земельный участок для него город передал безвозмездно и даже взял на себя треть расходов на строительство. Роскошное здание, украшенное колоннадой и с богатыми интерьерами, было возведено к 1568 году и объявлено «вечным и наследственным владением» Ганзы. Внутри находились два больших зала и полторы сотни комнат, каждая из которых была названа в честь какого-нибудь животного, растения, исторического события или святого. Был принят устав, сохранявший строгие порядки прежних времен.

Несмотря на всю пышность здания, судьба конторы оказалась не слишком удачной. Сам Антверпен вскоре разделил судьбу Брюгге. Комнаты оставались пустыми — немногочисленные купцы предпочитали селиться в других местах. Доходов у конторы было мало, росли долги, и со временем пришлось искать сторонних арендаторов.

За год до того, как было завершено возведение здания ганзейской конторы в Антверпене, герцог Альба прибыл в Брюссель. Через пять лет в Нидерландах вспыхнуло восстание. Антверпен стал жертвой этой войны. В 1576 году испанские солдаты устроили в нем жуткую кровавую баню; ратуша и сотни домов были сожжены, немецкие купцы

---

⁶³ Oosterlingenplein.

тоже пострадали. Затем Антверпен на протяжении 14 месяцев героически выдерживал испанскую осаду, но в 1585 году был вынужден сдаться Александру Фарнезе. Испанское владычество истребляло всякую деловую активность, к тому же город оказался отрезан от моря, поскольку устье Шельды принадлежало голландцам. В итоге Антверпен лишился своей торговли.

Уже в 1593 году все документы ганзейской конторы были перевезены в Кёльн, где в дальнейшем и остались. Дом «остерлингов» не был разрушен, но солдаты не раз опустошали его внутри. Здание все еще находилось в собственности Ганзы, и после ее кончины досталось Любеку. Император Наполеон I объявил его французской собственностью, но после победы над Бонапартом дом вновь вернулся ганзейским городам, которые сдавали его внаем. В 1862 году бельгийское правительство наконец выкупило его за миллион франков. В декабре 1893 года здание было полностью уничтожено пожаром.

Весьма примечательной страницей истории Ганзы являются ее отношения с Англией, наполненные жестокой конкуренцией. Скандинавские королевства в конце концов оттеснили немецких купцов, предоставив остальным торговцам такие же привилегии; Москва нанесла им сокрушительные удары в Новгороде, стремясь выйти к Балтике, а во Фландрии торговля прекратилась в силу изменения экономических и политических обстоятельств. Англия же одержала победу над Ганзой благодаря развитию своей экономики, мореплавания и торговли.

Как уже говорилось выше, дом гильдии кёльнских купцов в Лондоне уже в XIII веке стал играть роль представительства всех немецких торговцев.

Впоследствии рядом с ним было куплено еще несколько зданий. В доме находился большой зал, в котором «шталили» ткани — так называлась проверка их качества определенным методом. В честь этого процесса вся немецкая контора получила в первой половине XV века прозвище «Штальный двор», которое так и закрепилось за ней.

«Штальный двор» находился выше по течению единственного лондонского моста, на берегу Темзы, окруженный высокими стенами, словно крепость. Эта предосторожность была отнюдь не лишней, поскольку ганзейцы не раз подвергались нападению разгоряченной толпы. В XVI веке было возведено большое здание из камня с воротами, которые постоянно охранялись. Над ними можно было прочесть латинские надписи:

«Этот дом наполнен радостью и добром, здесь обитают мир, покой и счастье»;

«Золото — отец счастья и источник боли, без него трудно, а с ним страшно»;

«Кто не подчиняется добру, спасается от дыма, но падает в огонь».

В главном зале проводились собрания и праздники; он был украшен двумя полотнами Ганса Гольбейна, изображавшими богатство и бедность. Среди множества других построек на территории «Штального двора» стоял рейнский питейный дом. Его любили посещать представители обеспеченных слоев населения Лондона, упоминает о нем и Шекспир. Здесь можно было выпить рейнского вина и отведать восточноевропейские деликатесы — икру и копченый язык. Сад, в котором росли фруктовые деревья и виноград, служил летом местом отдыха и игр.

«Штальной двор», как и другие конторы, имел свои уставы, старейший из которых датируется 1320 годом. Здесь поддерживалась строгая дисциплина, женщины на его территорию не допускались. Существовало множество правил, определявших, к примеру, где за общим столом должны сидеть мастера и подмастерья. За пьянство, азартные игры и непристойное поведение полагались высокие штрафы. Ворота закрывались в девять часов вечера. Каждый обитатель «Штального двора» должен был иметь наготове оружие. Это требовалось не только для самозащиты; в случае осады города противником немецкие купцы обязаны были принять участие в обороне, защищая одни из лондонских ворот. Каждый обитатель конторы вел дела самостоятельно, хотя и подчинялся общим правилам.

Веселые праздники чередовались с тяжким трудом. Ежегодно 4 декабря устраивался большой пир, на который приглашались и английские гости. Ганзейцы, в свою очередь, любили участвовать в лондонских праздниках. Они приходили дружной толпой, а в праздничной процессии шли сразу же за городскими чиновниками. Праздничными вечерами «Штальный двор» освещался ярким светом множества светильников, лондонцев угощали бесплатным пивом или вином. Английские дворяне тоже охотно принимали подарки — икру, сельдь или воск. В те времена для высокопоставленного чиновника не считалось зазорным принимать в подарок деньги, особенно если они были бережно завернуты в пару дорогих перчаток.

На «Штальном дворе» не было своей собственной церкви, и немецкие прихожане ходили в расположенную по соседству приходскую церковь Всех

Святых, которая обязана им своими резными украшениями и витражами.

Во главе ганзейской конторы стоял ежегодно выбираемый староста, у которого было два помощника и девять советников. Позднее выборы, как и в Брюгге, стали проводиться по третям. Вплоть до XV столетия имелся еще один староста — уважаемый лондонский гражданин, игравший роль посредника между ганзейцами и городскими властями. В случае конфликта между немцами в роли судьи выступал их староста, между немцами и англичанами — суд, составленный из представителей обеих наций. Если речь шла о преступлении, за которое полагалась смертная казнь, его рассматривали королевские судьи.

Гербом «Штального двора» с 1434 года был черный двуглавый орел с золотым хвостом, короной на шее и державой, изображавшийся на двуцветном поле — сверху белом, внизу красном.

Английские короли нуждались в доходах от пошлин, которые приносила торговля. Поэтому они покровительствовали иноземным торговцам. Лондонские купцы, напротив, с самого начала относились к немцам враждебно. В 1303 году Эдуард I издал «купеческую хартию», которая в обмен на уплату высоких налогов практически полностью уравнивала иностранцев в правах с английскими торговцами и отменяла все торговые ограничения. Лондонские купцы в ответ пожаловались парламенту, и тяжба продолжалась долгие годы, пока король не взял верх.

Ганзейцы придавали большое значение собственным привилегиям, которые были пожалованы им Эдуардом II и Эдуардом III в 1317 и 1327 годах соответственно. Со вторым из этих монархов не-

мецкие купцы находились в прекрасных отношениях. Когда война с Францией опустошила его казну, ганзейцы охотно ссудили ему большие суммы денег, а также выкупили королевские драгоценности, оказавшиеся в залоге у архиепископа Трирского и городской общины Кельна. Разумеется, торговец никогда ничего не делает даром; взамен ганзейцы получили права, обеспечившие им практически полную монополию на вывоз шерсти. Немцы смогли вытеснить из этой сферы итальянских купцов, которых англичане ненавидели еще больше. В отношениях с Англией Ганза выступала с позиции великой державы.

По мере развития английской торговли все сильнее ощущался дисбаланс. Ганзейцы не спешили ответить любезностью на любезность и не предоставляли английским купцам те права и привилегии, которыми сами пользовались в Лондоне и других городах — Линне, Бостоне, Бристоле... В конечном счете в Лондоне было создано объединение «Merchant Adventurers» — «купцов-авантюристов», которые стали отправлять корабли во Францию, Испанию и Италию и хотели положить конец беспошлинной посреднической торговле немцев. До поры до времени, однако, удавалось избегать серьезных конфликтов — даже когда ганзейские каперы нападали на англичан или немцы несли ущерб от начавшейся англо-французской войны.

Особенно тесные связи существовали между Англией и Пруссией, которая через Данциг отправляла в Лондон излишки своего зерна. Впрочем, и в Пруссии английских торговцев не приветствовали и старались не пускать. Это в конечном счете привело к разрыву отношений. В 1437 году был заключен договор, подтверждавший все прежние

соглашения, однако великий магистр Тевтонского ордена отказался его утвердить в связи с многочисленными взаимными жалобами английских и прусских торговцев. После этого король Генрих VI в 1447 году с согласия парламента отменил ганзейские привилегии. Начались переговоры, однако в этот момент английские корабли перехватили у острова Уайт шедший из Франции большой торговый караван из более чем сотни судов, груженных солью; половина из них принадлежала ганзейцам. Под предлогом, что караван везет принадлежащие врагу товары, англичане привели суда в свои гавани и конфисковали ганзейское имущество.

В качестве возмездия любекские моряки захватили английский корабль, который вез в Пруссию королевского посланника. Любек требовал полного возмещения своих потерь и снарядил каперов; Кельн, Гамбург и Данциг не поддерживали его, не желая доводить дело до полного разрыва с англичанами. В конце концов, Кельну удалось выступить в качестве посредника и добиться перемирия. Однако в 1458 году английский наместник в Кале граф Уорик⁶⁴ захватил 18 кораблей из Любека, нагруженных солью и вином, конфисковал и продал их груз.

В Англии в это время бушевала «Война роз». Граф Уорик помог в 1461 году взойти на трон Эдуарду IV из династии Йорков. Чтобы добиться поддержки народа, он пошел навстречу требованиям «купцов-авантюристов» и не подтвердил привилегии иностранных торговцев. Любек продолжал

---

⁶⁴ Ричард Невилл, граф Солсбери и граф Уорик (1428–1471), известный как «делатель королей», самый богатый и влиятельный политический деятель Англии своего времени.

гнуть свою жесткую линию, Кельн в этой ситуации по-прежнему стремился сохранить дружбу с англичанами.

Когда имеешь дело с затяжным конфликтом, бывает трудно определить, кто прав. Однако в данном случае ответственность целиком и полностью лежала на англичанах. В 1467 году английские моряки в нарушение договоров отправились к Исландии для ловли рыбы, убили королевского фогта и разграбили остров. В отместку датский король в следующем году с помощью каперов захватил в Зунде четыре английских корабля. Англичане обвинили ганзейцев в подстрекательстве, Эдуард IV приказал в 1386 году арестовать всех находившихся в Англии немецких купцов и конфисковать их товары. «Штальный двор» был закрыт. Кельнские торговцы, не желавшие отказываться от выгодной торговли вином и не затронутые этими арестами, заняли в этой ситуации особую позицию. Королевский суд выслушал заверения кельнских купцов в собственной невиновности и передал им «Штальный двор», запретив при этом делиться своими привилегиями с другими ганзейцами. Городская община Кельна одобрила это соглашение и, как в старые времена, стала единственной хозяйкой лондонской конторы.

Разумеется, вендские города остались недовольны позицией соотечественников. Их отношения с Кельном оставляли желать лучшего и в Брюгге, поскольку рейнский город вопреки решению ганзейского съезда отказывался платить взносы и вел переговоры напрямую с фламандскими властями. События в Лондоне переполнили чашу терпения, и случилось неслыханное — в 1471 году Кельн был изгнан из Ганзы, «чтобы это послужило уроком остальным».

Данциг, который усилился в борьбе с Орденом и располагал большим флотом, настаивал на принятии решительных мер. Вместе с Гамбургом и другими городами он снарядил каперов, которые доставляли англичанам множество неудобств. Особенно прославился Пауль Бенке, которого хронист называет «суровой морской птицей». На своем корабле «Петр из Данцига» он захватил множество английских судов. В 1473 году его трофеем стала большая флорентийская галера, шедшая под бургундским флагом из Слэйса в Англию; на борту была обнаружена богатая добыча. В Данциге потом еще долго хранилась захваченная на этой галере картина Страшного суда, нарисованная Гансом Мемлингом и предназначавшаяся, по всей видимости, для коллекции Медичи.

Балтийские города стали к этому моменту значимой силой в Западной Европе. Король Эдуард IV изгнал Уорика, которого поддерживал французский король Людовик XI. Последнему, в свою очередь, объявил войну бургундский герцог Карл Смелый. Обе стороны стремились заручиться поддержкой ганзейского флота. Уорик высадился в Англии, и Эдуарду пришлось бежать в Голландию; он едва не попал в руки ганзейских каперов, однако Бургундия обратилась к Данцигу и заручилась его поддержкой. Ганзейцы согласились помочь Эдуарду вернуться в Англию — скорее авантюра, чем продуманная внешнеполитическая акция. Высадка прошла успешно, и в сражении при Барнете 1471 года Уорик был убит.

Эти события не принесли ганзейцам желаемого удовлетворения; война на море продолжалась. Однако Англия, промышленность которой страдала от ганзейского запрета торговать английскими

тканями, нуждалась в мире. Мирный договор был подписан в Утрехте с согласия парламента 28 февраля 1474 года. Ганза получала обратно «Штальный двор», все свои права и привилегии и богатую денежную компенсацию.

Изгнанные из Ганзы кельнские купцы не принимали участия в переговорах. Король Эдуард не стал защищать их интересы, и они вынуждены были оставить «Штальный двор». Только в 1476 году, пообещав выплачивать в Брюгге назначенную пошлину, Кельн смог вернуться в состав конфедерации.

Утрехтский мир принадлежит к числу самых блестящих успехов ганзейской дипломатии. Он был как внутри-, так и внешнеполитической победой. Кельн, попытавшийся расколоть конфедерацию, оказался примерно наказан. То, что этот богатый город не рискнул долгое время оставаться за пределами Ганзы, подчеркивало значение и силу последней. Внутреннее положение в Англии способствовало успеху ганзейцев, однако именно их твердость и упорство принесли победу.

Английские купцы и жители Лондона враждебно относились к привилегированным чужакам. Чиновники тоже использовали любую возможность для того, чтобы уколоть ганзейцев. Англичане говорили, что лучше еще раз начать войну, чем быть постоянно проигравшими. Уже в 1493 году толпа едва не начала штурмовать «Штальный двор». В 1517 году вспыхнуло восстание против всех иностранцев, которое смогли подавить лишь королевские войска с помощью орудий Тауэра. Однако, несмотря на напряженность в отношениях, ни Генрих VII, ни Генрих VIII не пошли навстречу желаниям своих подданных. Как политические, так и финансовые соображения заставляли их поддерживать мир

с Ганзой. Привилегии хотя и становились время от времени предметом споров, но в целом сохранялись. Англичане не уставали требовать встречных привилегий. Лондонские купцы заявляли, что ганзейские торговцы вывозят 44 тысячи штук ткани в год, в то время как они сами — только 1100 штук.

При Елизавете⁶⁵, однако, Дамоклов меч упал. В 1567 году Гамбург предоставил привилегии «купцам-авантюристам» и тем самым способствовал росту своей торговли. По требованию других ганзейских городов этот договор после истечения его срока пришлось расторгнуть. В ответ королева в 1578 году отменила все старые ганзейские привилегии и назначила немецким купцам такие же пошлины, как и всем остальным иностранцам. Одновременно он способствовала созданию английской коммерческой компании, торговавшей со странами Балтийского региона. В 1587 году Штаде предоставил привилегии английским купцам; в наказание за это он был исключен из Ганзы.

Сами ганзейцы тем временем развивали прямое сообщение с Испанией; ежегодно туда отправлялось несколько сотен кораблей. В 1589 году Френсис Дрейк захватил в устье Тахо шестьдесят ганзейских кораблей, груженных зерном и припасами, заявив, что они помогают испанцам в войне с Англией. Корабли были доставлены в английские гавани, где ганзейцам было разрешено продать свои товары. Все жалобы остались без ответа, и города обратились к императору Рудольфу II, который

---

⁶⁵ Елизавета I (1533–1603) — королева Англии с 1558 года, последняя представительница династии Тюдоров. Относится к числу наиболее выдающихся правителей в британской истории.

в 1597 году приказал изгнать из Империи всех английских купцов. В ответ Елизавета закрыла 4 августа 1598 года «Штальный двор». Серебряная посуда и документы были в 1604 году доставлены в Любек, все ценные вещи проданы в пользу союзной казны. Однако торговля пока еще продолжалась.

Король Яков I в 1606 году вернул ганзейцам «Штальный двор», к тому времени разоренный мародерами. После этого большинство его помещений сдавалось внаем для покрытия расходов. Права собственности принадлежали Гамбургу и Любеку. В 1666 году немецкий квартал был полностью уничтожен большим лондонским пожаром.

Чтобы право собственности на участок не было потеряно, ганзейцы вскоре начали строительство новых зданий, преимущественно товарных складов. Они считались собственностью трех городов — Любека, Гамбурга и Бремена. Только в 1853 году «Штальный двор» был продан за 72,5 тысяч фунтов английскому предпринимателю. На месте немецкого квартала впоследствии построили железнодорожную станцию. На память о лондонской конторе сенат Бремена сохранил красивые серебряные сосуды, когда-то лежавшие в сокровищнице «Штального двора».

В Голландии события разворачивались похожим образом. Западноевропейские державы стремились завязать торговлю с Восточной Европой. Здесь они столкнулись с ганзейцами, отстаивавшими свои интересы.

Голландцы на раннем этапе откололись от Фландрии, Брабанта и Гельдерна. Они были искусными моряками; в войне против датского короля Вальдемара приняли участие несколько их городов — Амстердам, Дордрехт, Зирикзе, Бриль, Арнемуиден

и Миддельбург. Будучи союзниками ганзейцев, они получили те же привилегии, что и они. Альянс, однако, вскоре распался, а каперство углубило разногласия между недавними союзниками.

Голландцы стремились попасть в Балтику, чтобы вывозить прусский хлеб на своих кораблях. Их привлекала и ловля сельди у датских берегов. Естественно, что они торговали и другими товарами. Ганзейские города, разумеется, ставили голландским торговцам палки в колеса, но решающую роль играла позиция Дании. Голландцы воспользовались войной Ганзы против короля Эрика, чтобы завязать с датчанами активную торговлю.

Соперничество голландцев и ганзейцев превратилось в ожесточенную вражду. Даже после заключения Вордингборгского мира 1435 года стороны вели друг против друга каперскую войну. Находясь под защитой бургундских властей, голландцы успешно развивали свой флот и в 1438 году перешли к прямым военным действиям, внезапно напав в районе Бреста на караван из 23 прусских и лифляндских кораблей, возвращавшихся из Франции. Товары были разграблены, корабли и их экипажи взяты в плен.

Когда в Дании разгорелась борьба между соперничающими королями Эриком и Кристофером, голландцы поддержали первого из них. Но и после победы Кристофера они смогли выговорить себе выгодные условия — ведь датским интересам совершенно не соответствовала ганзейская монополия на Балтике. В 1441 году при посредничестве датчан в Копенгагене Голландия, Зеландия и Фризия заключили с вендскими городами перемирие на 10 лет. При этом голландцам было разрешено плавание по Балтийскому морю. Прусские

города получили компенсацию за захваченные корабли.

Перемирие регулярно продлевалось, при этом обе стороны стремились чинить друг другу помехи. Заключение Утрехтского мира с Англией привело к началу переговоров Ганзы с голландцами. Хотя противоречия разрешить не удалось, в Мюнстере в 1479 году перемирие было продлено на 24 года. Наибольшие неудобства испытывал Любек, роль которого как торгового посредника значительно уменьшилась; однако другие члены конфедерации его не поддерживали. Рейнско-вестфальским городам голландцы никак не мешали, а Пруссия и Лифляндия извлекали из торговли с Голландией свои выгоды.

Поскольку голландцы могли в любой ситуации рассчитывать на датскую поддержку, исход борьбы зависел от политической ситуации в Скандинавии, к которой мы сейчас и обратимся.

Глава 10

Ситуация в Скандинавии до распада Ганзы

Совершив путешествие по окрестностям Ганзы, вернемся в центр событий. В середине XV века вендские города были ядром конфедерации и той силой, которая обеспечивала ее сохранение. Они все еще чувствовали себя властителями Балтики и скандинавской торговли. Рейнские и вестфальские города к тому времени практически полностью прекратили торговлю с Восточной Европой, будучи не в силах конкурировать со своими товарищами.

Исследователи могут обнаружить признаки заката в те годы, когда они еще остаются скрытыми от современников. Так обстояли дела и с Ганзой. Она уже понесла потери из-за выхода из конфедерации городов марки Бранденбург; еще более негативное влияние на нее оказали проблемы Тевтонского ордена — из прусских городов весомой силой остался только Данциг. На западе бургундская держава угрожала процветанию дружественных фламандских городов, в то время как голландцы выступали в роли опасных конкурентов.

Однако могущество Любека и его союзников было еще столь велико, что понесенные потери не казались серьезными. Все успехи Ганзы в деле расширения своих прав и привилегий являлись резуль-

татом действий вендских городов. Все зависело от того, смогут ли они сохранить свое господство на Балтике. Но уже война с Данией показала, что это господство не было таким прочным, как в конце XIV века.

К счастью для вендских городов, датский король Кристофер, планировавший против них войну совместно с северогерманскими князьями, в 1448 году скоропостижно скончался. По предложению герцога Адольфа Шлезвигского датчане избрали королем его племянника, графа Кристиана Ольденбургского. Однако шведы, нарушив Кальмарскую унию, провозгласили своим монархом богатого и амбициозного дворянина Карла Кнутсона. Война двух королевств была тесно переплетена с борьбой за Пруссию, поскольку Тевтонский орден пытался прибегнуть к помощи датского короля в борьбе с поляками и мятежными городами. Чтобы заручиться поддержкой вендских городов, Кристиан I в 1455 году подтвердил привилегии Любека, Ростока, Штральзунда и Висмара, «а также всех, которые входят в их немецкую Ганзу».

Вскоре после этого шведский король Карл был вынужден бежать в Данциг, где оставался на протяжении семи лет, пока недовольные Кристианом шведы в 1464 году не позвали его обратно. В 1470 году он умер, оставив своего племянника Стена Стуре в качестве наместника.

Тем временем Кристиан I смог добиться большого успеха на другом направлении. Герцог Адольф VIII умер, не оставив наследника мужского пола, и в 1460 году сословия Шлезвига и Гольштейна избрали датского короля своим графом и герцогом. Кристиан должен был принести торжественную клятву, что оба княжества не будут присоединены

к Дании и останутся навеки нераздельными друг с другом.

Этот оборот событий застал врасплох и напугал Любек и другие ганзейские города. Они предпочли бы видеть на герцогском престоле другого кандидата и обвиняли гольштейнцев в том, что те стали датчанами. Однако никаких реальных шагов предпринять они не могли. Гамбургу, чтобы не попасть под власть датчан, пришлось добиться для себя статуса имперского города.

Кристиан I относился к городам не лучше, чем его предшественник. Настало тревожное, трудное время. Дания требовала от ганзейцев прервать отношения со Швецией, шведы, в свою очередь, требовали того же в отношении датчан; приходилось лавировать между обоими королевствами. Море, как и всегда во время войны, заполнили пираты. Преемник Кристиана, король Ганс, был врагом ганзейцев и всячески поощрял развитие голландской торговли на Балтике и в Норвегии. В 1509 году Ганза начала против него открытую войну.

Любек энергично вел боевые действия при поддержке Ростoka, Штральзунда и Висмара. 9 августа 1511 года ганзейский флот одержал блестящую победу в морском сражении у Борнхольма. Битва продолжалась до глубокой ночи; флагманский корабль Любека, «Мария», обратил в бегство датский флагман «Ангел». Другой ганзейский корабль, «Антоний», был атакован тремя датскими; команда отогнала два из них и взяла третий на abordаж. Спустя несколько дней флот Любека рассеял у полуострова Хела большой голландский караван, шедший из Лифляндии. Попытка датчан отбить захваченную добычу была отражена. В 1512 году был заключен мир; желание ганзейцев восстановить торговлю

не позволило им добиться выполнения всех своих требований — в частности, голландцы по-прежнему имели право заходить в Балтийское море.

В 1513 году на датский трон вступил король Кристиан II, который стал еще более опасным противником. По своему характеру он напоминал Вальдемара Аттердага. Эмоциональный, жестокий и двуличный, он стремился покорить шведов, обуздать датскую знать и увеличить доходы страны. Кристиан II натравливал на Ганзу голландцев и даже русских. Копенгаген, единственный датский город с хорошей гаванью, должен был стать перевалочным пунктом на пути из Балтики в Северное море, а господство над Зундом — ключом к господству над Балтикой. На руку датскому королю было безразличие императоров к северным делам. Карл V⁶⁶ подтвердил права Кристиана II на Гольштейн, а также мнимые старые права датчан на Любек.

Выступить против Дании стало для ганзейцев необходимостью, и вскоре им представилась соответствующая возможность. Победив Швецию, Кристиан II устроил в Стокгольме кровавую баню, казнив множество дворян и горожан. Это спровоцировало народное восстание, во главе которого встал родственник Стуре — храбрый и ловкий Густав Ваза. Он был ранее привезен в Данию в ка-

---

⁶⁶ Император Карл V Габсбург (1500–1558) вступил на престол в 1519 году, являясь к тому времени испанским королем. Он был самым могущественным монархом Европы XVI века и мечтал о создании универсальной христианской империи. Потерпев поражение в этом начинании, он в конечном счете отрекся в 1556 году от престола, разделив наследство между своим братом Фердинандом и сыном Филиппом.

честве заложника, однако бежал в Любек, где его встретил теплый прием. На любекском корабле он вернулся в Швецию. Густав Ваза был естественным союзником ганзейцев. Одновременно Любек и Данциг преодолели разделявшие их коммерческие разногласия и заключили друг с другом союз.

В 1522 году ганзейский флот отплыл на помощь Стокгольму, осажденному шведами; еще один флот двинулся к датским берегам. Герцог Фредерик Шлезвигский⁶⁷ также восстал против своего племянника — датского короля — и поддержал Любек. Кристиан II бежал в Нидерланды, а корабли из Любека, Ростока, Штральзунда и Данцига помогли герцогу взять Копенгаген. Десант из Любека взял штурмом Висбю, служивший базой для датского капера.

Оба новых короля — шведский и датский — были обязаны Ганзе своими коронами. После падения Стокгольма Густав Ваза предоставил право монопольной торговли со Швецией Любеку, Данцигу и всем балтийским городам, которые Любек сочтет нужным допустить до нее. Кроме того, он пообещал щедро компенсировать военные расходы. С Данией дела обстояли не так хорошо: король Фридрих подтвердил привилегии Ганзы в целом и отдельных городов, однако он стремился усилить датскую торговлю и оставил голландцам их прежние права. В качестве компенсации за свои расходы Любек получил на 50 лет остров Борнхольм.

Привилегии, которые предоставил ганзейцам шведский король Густав, стали для его страны слишком тяжелым грузом. Монарх стремился изменить ситуацию, с горечью заявляя, что скандинав-

---

⁶⁷ Фредерик I (1471–1533), датский король с 1523 года.

ские короны стали товаром в руках ганзейских купцов. В это время началась Реформация, не только вызвавшая религиозный раскол в Европе, но и серьезно повлиявшая на политическую и общественную сферу во всех государствах.

В Гольштейне, Дании и Швеции, где Густав использовал Реформацию для укрепления королевской власти, новая вера быстро утвердилась. В ганзейских городах ситуация была иной; патрициат заботился о том, чтобы политическая система оставалась стабильной. Городские советы видели в новой вере, принятия которой хотели рядовые горожане, опасность для своего положения. В 1528 году Гамбург все же принял Реформацию. Иначе обстояли дела в Бремене и Любеке.

Ситуация в Любеке напоминала то, что произошло в начале XV века. Городской совет энергично боролся с новой верой, пока финансовые затруднения не вынудили его в 1529 году разрешить созыв комитета граждан, который должен был проверить счета и внести предложения по поводу улучшения ситуации. С согласия всей городской общины комитет вскоре после своего создания потребовал разрешить проповедь новой веры. Городской совет пошел на уступки, разрешив вернуться двум проповедникам, высланным из города незадолго до этого. Комитет выдвигал все новые требования, а городской совет вынужден был уступать, допустив проведение в Любеке Реформации и превращение нового органа власти в равноправную часть городского правительства.

В 1531 году оба бургомистра, Николаус Брёмзе и Герман Плённис, бежали из города, чтобы попросить у императора помощи против городской общины. Их бегство усилило недовольство горожан па-

трициатом. Предводителем недовольных стал член комитета Юрген Вулленвефер — небогатый торговец из Гамбурга, наделенный энергией и красноречием.

Тем временем Кристиан II с помощью императора попытался в 1531 году вернуть себе датский трон, высадившись в Норвегии. Любек и его союзники немедленно оказали помощь королю Фредерику I и сделали все, чтобы сорвать операцию его соперника. Кристиан попал в плен и прожил в темнице еще долгие годы.

Условием помощи было ограничение голландской торговли. Датчане, однако, не выполнили свое обещание. Тогда Вулленвефер, ставший бургомистром Любека, добился того, что город в одиночку начал войну против Голландии. Маленьким флотом командовал Макс Мейер, выходец из Гамбурга, проделавший путь от кузнеца до капитана наемников. Сильный и красивый, дерзкий и высокомерный, веривший в свою счастливую звезду, он захватил несколько голландских кораблей и причалил к английскому берегу, чтобы пополнить запасы продовольствия. Здесь он был схвачен и предстал перед королем Генрихом VIII. Однако оба оказались родственными душами; король произвел Мейера в рыцари и начал обсуждать с ним планы завоевания Дании в союзе с Любеком.

Для таких планов, действительно, имелись основания. В апреле 1533 года король Фредерик I скончался. Поскольку среди датчан не было единства по вопросу Реформации, позиции его старшего сына Кристиана были не очень сильными. Руководство страной временно взяло на себя сословное представительство, в котором доминировали католики. Вулленвефер хотел вовлечь Данию в войну про-

тив Голландии, но принц Кристиан предпочел заключить союз с тамошним императорским наместником⁶⁸.

В городе росло недовольство бургомистром, однако он, произнеся пламенную речь, смог убедить горожан в своей правоте. Вместе с Мейером и городским синдиком, Иоганном Ольдендорпом, прекрасным юристом и сторонником гражданской и церковной свободы, Вулленвефер принял далеко идущие решения. Он хотел использовать смуту в Дании для того, чтобы укрепить коммерческое господство Любека и позиции лютеранской церкви. Царившие в городе демократические порядки могли найти отклик в Дании, поскольку жители Копенгагена и Мальмё, а также датские крестьяне ненавидели своих дворян. Вулленвефер и его друзья были уверены, что по условиям Штральзундского мира 1370 года ганзейцы имеют право участвовать в выборах датского короля. В качестве одного из возможных вариантов рассматривалось освобождение и восстановление на престоле Кристиана II.

Дальнейшие действия Любек предпринимал в одиночку. Только Росток, Штральзунд и Висмар оказали ему небольшую военную помощь. В мае 1534 года война против Дании началась. Командующим с ганзейской стороны стал граф Кристофер Ольденбургский, родственник и сторонник Кристиана II, имевший большой военный опыт. Его напарником стал другой немецкий граф — Иоганн фон Гойя. Впоследствии эту кампанию насмешливо прозвали «графской войной».

---

⁶⁸ Нидерланды в этот период принадлежали к владениям Карла V.

Вскоре после начала войны датские острова и часть Ютландии восстали, поддержав графа Кристофера. Даже Копенгаген был охвачен мятежом. Однако именно в этот момент стало очевидно, какие последствия имело объединение Гольштейна с датской короной. Кристиан, которому гольштейнцы принесли присягу как своему королю, расположился с большой армией в устье реки Траве и тем самым отрезал Любек от моря. Испуганная городская община вернула старое политическое устройство и заключила в конце года мир с Гольштейном. Армия Кристиана высвободилась для действий в Дании.

Сухопутная держава победила морскую. Король Швеции Густав и герцог Пруссии Альбрехт также поддержали Кристиана. Одно поражение следовало за другим. В январе следующего года любекские войска были вытеснены из Сконе, Макс Мейер взят в плен, Иоганн фон Гойя потерпел тяжелое поражение и погиб, Кристиан захватил остров Фюнен. На море объединенный датско-шведско-пруссский флот одержал победы сначала при Борнхольме, потом при Свендборге, где был захвачен любекский флагман. Кристиан смог переправиться на Зеландию и осадить Копенгаген.

Вулленвефер со своими сподвижниками составлял все новые планы и пытался найти союзников. Они предлагали другим князьям короны Дании и Швеции и постарались увязать скандинавский конфликт с перипетиями большой европейской политики. Вулленвефер надеялся на помощь немецких протестантских князей — партнеров Любека по Шмалькальденскому союзу⁶⁹. Однако князья не хо-

---

⁶⁹ Шмалькальденский союз — сформированный в 1531 году союз немецких протестантских князей и го-

тели иметь дело с беспокойной городской общиной и опасались, что в Любеке найдут себе пристанище анабаптисты, лишь недавно побежденные в Мюнстере. Только герцог Альбрехт Мекленбургский отозвался на посулы бургомистра.

Против Любека выступили даже города — очередной ганзейский съезд высказался за восстановление власти старого городского совета. В конце концов горожане, устав от напрасных потерь и удовлетворившись сохранением новой веры, оставили своего вожака. Вулленвефер добровольно отказался от власти, и старый совет был восстановлен в своих правах. В феврале 1536 года был заключен Гамбургский мир; Любек признавал Кристиана III законным королем Дании и получил подтверждение своих привилегий. Горожане не забыли и о своих датских союзниках, добившись для них терпимых условий. Копенгаген, страдавший от голода, капитулировал, и Кристофер Ольденбургский вместе с Альбрехтом Мекленбургским смогли свободно уйти. Хуже пришлось Максусу Мейеру, сидевшему в заточении в крепости Варберг в Сконе; сумев дерзко захватить крепость, он затем был побежден, подвергнут пыткам и обезглавлен.

Вулленвефера городской совет Любека назначил чиновником в Бергедорфе, чтобы удалить его из города. В конечном счете он, однако, пал жертвой ненависти своих врагов и страха князей перед анабаптистами. С помощью английских денег он пытался помочь Копенгагену, но в ноябре 1535 года был схвачен людьми архиепископа Бременского.

родов против императора Карла V в защиту Реформации.

Под пытками Вулленвефер дал все признания, которые от него требовались. После этого его передали герцогу Генриху Брауншвейгскому, и после долгого заточения 24 сентября 1537 года суд вынес Вулленвеферу смертный приговор. Он был обезглавлен, тело четвертовано и колесовано.

Потерпевшего поражение бургомистра проклинали и оговаривали современники, и даже позднейшие историки рисовали его непостоянным и несамостоятельным человеком, который находился в руках своего окружения и подчинялся чужому влиянию. Безусловно, Вулленвефера можно обвинять в непостоянстве, переоценке своих возможностей, хвастовстве и лжи. Он взял на себя слишком много, решив воевать не только со Швецией и Данией, но и с соседними князьями. Его действия не были политикой смелого, но мудрого государственного деятеля, а носили печать непростительного легкомыслия. Но, обманывая других, он обманывался и сам и до последнего стремился достичь своей цели. Успеха ему добиться не удалось — но успех не всегда является главным критерием, по которым мы должны судить о деятелях прошлого. Этот народный вожак был в определенной степени воплощением былого мужества и самоуверенности ганзейского купечества. Он являлся детищем того бурного времени, когда многие вели отчаянную политическую игру и когда все казалось возможным.

Господство Любека и Ганзы в целом на Балтике, которое Вулленвефер хотел восстановить, навсегда осталось в прошлом. Англичане и голландцы выигрывали соперничество. Дания не смогла быстро оправиться от внутренних неурядиц, зато началось быстрое восхождение Швеции. Король Густав, кото-

рого жители Любека возненавидели столь же сильно, как раньше восхищались им, сделал свое государство независимым в коммерческом отношении. Вскоре он полностью запретил любекским купцам торговать в Швеции.

Для Ганзы начались тяжелые времена. Несмотря на потерю представительства в Новгороде, торговля с Россией еще худо-бедно продолжалась, однако вскоре позиции ливляндских городов оказались под угрозой. Русские, шведы, датчане и поляки рвали Ливонию на части⁷⁰. Шведский король Эрик XIV⁷¹, преемник Густава, захотел направить торговлю через принадлежавшие ему города Ревель и Выборг. Он потребовал от ганзейцев прекратить торговлю с Россией, захватившей Нарву, и приказал конфисковать ганзейские корабли. Чтобы избавиться от его давления, Любек вступил в союз против Швеции с датским королем Фредериком II⁷².

Это была последняя морская война, которую вел Любек. В конце мая 1564 года эскадры противников встретились друг с другом между Готландом и шведским побережьем. Флагманский корабль Любека «Ангел» под командованием советника Фридриха Кнефеля после тяжелого боя взял на бордаж намного более крупный шведский корабль «Марс». Шведский флагман загорелся, и бордажная команда с пленными, в числе которых был шведский адмирал, едва успела вернуться на свое судно, когда 140-пушечный колосс с ужасным грохотом

---

⁷⁰ Имеется в виду Ливонская война (1558–1583).

⁷¹ Эрик XIV (1533–1577) из династии Ваза занимал шведский престол в 1560–1568 гг., пока не был свергнут своими братьями.

⁷² Фредерик II (1534–1588), король Дании с 1559 года.

взлетел на воздух. В следующие годы произошло еще несколько морских сражений. В 1566 году сильный шторм потопил на рейде Висбю три любекских корабля, в том числе флагманский «Мориан», на котором погиб бургомистр Бартоломеус Тиннапель. Его могила в церкви Святой Марии в Висбю — последнее свидетельство былой ганзейской славы.

В 1570 году война завершилась почетным Штеттинским миром, по которому Любек получал бывшие торговые привилегии в Швеции. К сожалению, этот договор действовал недолго, и обещанная компенсация так и не была выплачена шведами. Когда новая война вспыхнула между Швецией и Россией, Ганзе был нанесен очередной тяжелый удар. В 1581 году шведы захватили Нарву, и ганзейская торговля стала полностью зависеть от них. В это же время датчане ввели новые пошлины для кораблей, проходивших через Зунд.

Еще хуже, чем на востоке, развивалась ситуация на западе. Восстание в Нидерландах против испанского владычества и образование независимой Республики Соединенных Провинций нанесли смертельный удар всей немецкой торговле. Антверпен больше не был торговым центром мирового значения, его место занял Амстердам; голландцы перекрыли устья Рейна и Шельды. Голландская торговля достигла поистине гигантских размеров, и одним из ключевых ее регионов была именно Балтика. Голландцы также смогли взять под контроль практически весь лов сельди после того, как эта ценная рыба ушла от берегов Сконе.

Наконец, и Англия, закрыв в 1598 году «Штальный двор», осуществила давно назревавший разрыв отношений. Английские ткани полностью вытесни-

ли конкурентов; повсюду они пользовались спросом и продавались по высокой цене. Как и голландцы, англичане стремились закрепиться везде. Они создали новый торговый путь в Россию, добравшись в 1553 году до устья Двины на Белом море. Через Архангельск английские купцы с санкции царя вышли на внутренний российский рынок. Королева Елизавета помогла своим торговцам утвердиться на этом маршруте, невзирая на возражения Дании. Ослабевшие ганзейские города ничего не могли поделать. Только Гамбург сумел установить тесный контакт с Архангельском.

Несмотря на то что Любек по-прежнему вел активную торговлю как на Балтике, так и на Северном море, наступала эпоха Гамбурга. Этот город всегда был важным членом Ганзы, однако до поры до времени находился на втором плане. С XVI века его купцы действовали все более самостоятельно, развивалось и городское ремесло. Многочисленные портные взяли на себя раскройку и окраску английских тканей, составив конкуренцию нидерландцам. Для Гамбурга ключевое значение имела торговля на Северном море, и поэтому отношения с Англией были особенно важны. Поэтому после долгих сомнений и колебаний городская община Гамбурга решила допустить в 1611 году на свой рынок «купцов-авантюристов», невзирая на возражения со стороны других ганзейских городов.

В результате Гамбург превратился в главный центр торговли с Англией, а благодаря активному взаимодействию с Амстердамом стал еще и крупным рынком пряностей и колониальных товаров. Гамбургские корабли ходили по всем морям, добираясь до Испании и Италии. Город быстро развивал-

ся, причем ему удалось сохранить свое богатство и в годы Тридцатилетней войны. Население Гамбурга значительно увеличилось, в нем охотно селились англичане, голландцы, португальские евреи. Город превратился в один из ключевых торговых центров тогдашней Европы.

Секрет успеха Гамбурга заключался в том, что он решительно порвал со средневековыми традициями и принял правила игры новой эпохи. В городе активно развивалась не только торговля, но и финансовый рынок. Одновременно другие ганзейские города быстро слабели, поэтому в своих отношениях с иностранными державами Гамбург был вынужден порой принимать унижительные условия и молча сносить обиды, чтобы не лишиться привилегий. Однако предоставленный сам себе, без поддержки властей Империи, он не мог действовать иначе, а для будущего Германии было очень важно, чтобы хоть один из ее портов был значимым торговым центром.

Однако вернемся к Ганзе и к ее положению в конце XVI столетия. Членами союза все еще являлись формально те же 50–60 городов, которые были в его рядах в начале века. Однако в действительности насчитывалось не более десятка активных членов. Из «внутренних» городов в составе Ганзы остались Магдебург, Брауншвейг, Ганновер, Хильдесхайм и Люнебург. Кельн лишь по традиции порой участвовал в делах союза. Ключевую роль играли Любек, Гамбург, Бремен, Данциг, Росток, Штральзунд и Висмар.

В 1579 году ганзейский съезд, как в старые времена, подтвердил силу всех уставов и законов. Однако ситуация с взносами в общую кассу была плачевной; они сократились настолько, что синдик

и его помощники порой не могли получить свое скудное жалование. Столь же трудно было собрать деньги на чрезвычайные расходы. Однако в начале XVII века Ганза оказала помощь городу Брауншвейгу, которому угрожал местный князь, и в союзе с Нидерландами готовилась к войне против Дании.

В это время старое соперничество между датчанами и шведами еще раз вылилось в открытый конфликт. Кристиан IV⁷³, о котором и сегодня поется в датских народных песнях, испытывал особенную любовь к мореплаванию. Он первым построил по-настоящему сильный датский флот, развивал внутреннюю торговлю и города и даже направлял морские экспедиции для совершения открытий и создания заокеанских колоний. Ганзейские привилегии он подтверждать не стал.

К несчастью Кристиана IV, во главе Швеции стоял в эту эпоху еще более могущественный король. Густав Адольф⁷⁴ неустанно работал над повышением благосостояния своей страны и поставил перед собой большую цель взять под контроль восточный берег Балтики. На этом пути он неизбежно вступал в борьбу с Россией. Стараясь отрезать эту громадную державу от Балтийского моря, Густав Адольф отнял у нее Карелию и Ингерманландию. Кроме

---

⁷³ Кристиан IV (1577–1648), датский король с 1588 года, правил своим государством на пике его могущества. В то же время его участие в Тридцатилетней войне на стороне протестантов закончилось серией поражений.

⁷⁴ Густав II Адольф (1594–1632), король Швеции с 1611 года, один из наиболее выдающихся полководцев своей эпохи, погибший на полях Тридцатилетней войны. Заложил фундамент шведского господства на Балтике в XVII веке.

того, он отвоевал у поляков Лифляндию и Курляндию; Рига стала шведским городом.

Осью европейской политики являлось в то время противоборство между католическими и протестантскими державами. Для Густава Адольфа оно тоже играло определяющую роль, поскольку правившая в Речи Посполитой династия Ваза претендовала на шведский престол. Поляки получали поддержку от главной силы католического мира — династии Габсбургов, правившей в Испании и Империи. В связи с этим Густав Адольф считал, что война императора Фердинанда II против немецких протестантов угрожает и его стране.

Театром боевых действий на втором этапе Тридцатилетней войны стал север Германии, где Тилли и Валленштейн⁷⁵ одержали решающие победы. Валленштейн стремился довести дело императора до полной победы и утвердить власть Габсбургов на Балтике. От ганзейских городов он требовал создать военный флот и заключить торговые договоры с испанцами. Наконец, Валленштейн потребовал, чтобы Штральзунд впустил имперский гарнизон и стал базой императора на Балтике. Город, опасаясь за свою политическую и религиозную свободу, отказался, и в 1628 году армия Валленштейна осадила его.

Горожане храбро защищались, и поскольку с моря их поддерживали датчане и шведы, разо-

---

⁷⁵ Альбрехт фон Валленштейн (1583–1634) — один из крупнейших (наряду с Густавом Адольфом) полководцев Тридцатилетней войны, сражавшийся на стороне императора. О его непростой судьбе можно прочесть в книге: *Шульц Г. Валленштейн и эпоха Тридцатилетней войны.* СПб.: Евразия, 2019.

зленному Валленштейну пришлось снять осаду. Зато в мае 1631 года жертвой солдат Тилли стал Магдебург. Ганзейцы еще до начала осады Штральзунда отправили посольство к Фердинанду II, которое не смогло добиться от императора ничего, кроме красивых слов. И в дальнейшем они ограничивались робкими попытками выступить в роли посредников.

Бушующее море войны захлестнуло старую конфедерацию и раскололо ее. В 1630 году состоялся последний съезд, проводившийся по старым правилам. На нем Любек, Гамбург и Бремен получили задание защищать общие интересы. Одновременно эти три города заключили друг с другом оборонительный союз, который был продлен в 1641 году — ровно через 400 лет после первого альянса между Гамбургом и Любеком.

Когда страдания Германии наконец прекратились и Вестфальский мир 1648 года положил конец Тридцатилетней войне, старые города были уже разорены. Свидетельствами былого могущества остались большие церкви и некоторые роскошные светские постройки. Ничего подобного им не было возведено еще на протяжении многих лет.

Старые воспоминания еще раз ожили в 1669 году, когда в Любеке собрались представители городских советов из Бремена, Гамбурга, Брауншвейга, Данцига и Кельна. На повестке дня стояло возобновление Ганзы. Своих уполномоченных прислали также Росток, Минден, Оснабрюк и Гильдесгейм; представители Штральзунда, Висмара и Дортмунда прибыть не смогли. Состоялось в общей сложности 18 заседаний, на которых было сказано немало горьких слов, прозвучало множество предложений, однако никаких решений принято не бы-

ло. Бессодержательность итогового рецесса была прикрыта красивыми словами. История Ганзы завершилась.

Гамбург, Любек и Бремен и в дальнейшем назывались «ганзейскими городами». Они стали наследниками конфедерации, однако от бывшего могущества последней осталась лишь тень.

Глава 11

Торговля и мореплавание

История Ганзы охватывает промежуток времени продолжительностью более четырех веков. За это время существенно изменился набор товаров, которыми торговали купцы, а еще больше — формы, которые принимала эта торговля. Общий оборот на протяжении длительного времени рос, затем начал колебаться и, наконец, упал. В этом обороте очень сильно различалась доля отдельных городов. Описать эту историю во всех подробностях не представляется возможным на страницах небольшой книги, кроме того, исследования в этой области еще продолжаются. Тем не менее, необходимо бросить взгляд на объекты, с которыми имел дело средневековый купец.

Ганзейская торговля с самого начала отличалась от южногерманской тем, что делала акцент на сырье. Последнее доставлялось по морю в основном из России и Скандинавии. В ганзейских городах это сырье перерабатывалось, но по большей части просто доставлялось в Брюгге, Англию и на другие западноевропейские рынки вплоть до Испании. Таким образом, ганзейцы выступали в роли торговых посредников. Та же самая ситуация существовала и в сфере торговли ремесленными товарами. Ган-

зейские купцы покупали английские или фландрские ткани и продавали их в Германии и за ее пределами.

Эта посредническая торговля являлась для Ганзы главным источником дохода. И импорт, и экспорт в городах находился в руках их жителей. Одной из главных задач союза было как раз сохранение этого положения дел.

На ганзейских кораблях также вывозились изделия местных ремесленников и товары из городов, находившихся в глубине континента. Торговцы из этих городов либо нанимали ганзейские корабли, либо становились дольщиками в совместных коммерческих операциях. Часто на корабле находились товары, принадлежавшие нескольким собственникам. Прибыль портовых городов от такой торговли также была внушительной.

Формы, которые принимала торговля, являлись поначалу достаточно простыми. На протяжении длительного времени купцы самостоятельно покупали товары, сопровождали их в пути и лично вели переговоры с покупателями. Часто практиковался обмен одних товаров на другие — естественно, в его основе лежала денежная стоимость. Доля купли-продажи за наличные деньги со временем постепенно росла, увеличивалась и роль кредитных механизмов. Речь идет в первую очередь о векселях, впервые появившихся в Италии, но быстро проникших и в немецкую торговлю. Купцы часто вели совместные операции, причем количество акционеров могло быть большим, а доля каждого — маленькой. Иногда компаньонам принадлежали и корабли.

Когда объемы торговли выросли, крупные предприниматели были вынуждены искать себе помощников. Эти помощники, так называемые «лигеры»,

имели широкие полномочия: они могли самостоятельно заключать сделки и брать деньги в долг. Некоторые из них постоянно находились в зарубежном торговом центре, другие сопровождали товар, чтобы продать его и купить другой. Иногда они и сами участвовали в деле своим капиталом. В ганзейских конторах они пользовались теми же правами, что и купцы.

Другой категорией помощников были кнехты, или подмастерья. Они контролировали лавки и склады, погрузку и упаковку. Даже сыновья богатых купцов не гнушались того, чтобы свой процесс обучения начать с должности простого подмастерья.

Больших магазинов в прошлом не было. Торговец хранил товары на складах или в подвалах собственного дома. Небольшое помещение предназначалось для ведения документации и заключения сделок. В некоторых городах для переговоров и сделок имелись специальные залы в домах гильдий.

Свои бочки, мешки и другую упаковку торговец помечал собственным знаком, состоявшим из прямых и ломаных линий. Такие знаки появились очень рано; эти торговые марки находились под защитой закона и обладали доказательной силой. Статус их был примерно таким же, как и у современных товарных знаков. Они использовались и в деловой переписке, и на печатях, которые торговцы всегда носили при себе на широком поясе вместе с деньгами.

Рассказывать здесь о деньгах и монетах той эпохи нет никакого смысла. В Германии в этой сфере царила путаница, которая с течением времени только росла. Свои деньги чеканили практически все князья и города, даже самые маленькие. Право

чеканить монету было очень прибыльным благодаря разнице между ее номинальной и реальной стоимостью; князья часто изымали деньги из оборота, чтобы перечеканить их и заработать на этом. В результате порча монеты приобрела всеобщий характер.

Основной денежной единицей был изначально фунт серебра, из которого чеканились 240 динаров, которые также назывались пфеннигами. Позднее нормой стала марка серебра — половина фунта; именно исходя из нее рассчитывалась стоимость монет. На Балтике была широко распространена так называемая «любекская марка», которую приняли у себя также Гамбург, Висмар и Люнебург.

В XIII веке из марки серебра чеканились пфенниги на общую стоимость в две с половиной марки, в XV веке — уже на девять марок. Марка делилась на 16 шиллингов, однако поначалу чеканились лишь пфенниги из расчета двенадцать на каждый шиллинг. Только в XIV веке начали чеканить серебряный шиллинг, который из-за своей солидной толщины назывался грошом.

Одновременно в оборот поступили золотые монеты, идентичные итальянскому дукату и называвшиеся гульденами. Поскольку флорентийские монеты были широко распространены в тогдашней Европе, гульдену называли еще флоринами. В 1340 году Любек получил от императора Людовика Баварского право чеканить их. Со временем пфенниги, крейцеры и геллеры стали медными монетами, а словом «гульден» начали называть крупную серебряную монету. В XVI веке для таких монет появилось также обозначение «талер».

Торговцам приходилось иметь дело не только с огромным количеством видов немецких денег,

но и с иностранной монетой. При этом невозможно было обойтись без помощи менял, которые зарабатывали на обмене монет, а со временем стали осуществлять и другие финансовые операции. Многие менялы были родом из Италии, поэтому их называли ломбардами. Менялы работали в условиях всеобщей ненависти, ганзейские города допускали их на свою территорию с большой неохотой, в конторах они и вовсе не имели права находиться.

Иногда приходится слышать, что средневековому торговцу было намного легче, чем современному, который не имеет ни единой свободной минуты и вынужден постоянно держать руку на пульсе быстро меняющегося мира. Но так ли это на самом деле? Средневековый торговец испытывал постоянное беспокойство за свой корабль, который подвергался угрозе штормов или пиратов. На чужбине купец легко мог оказаться в беде, стать жертвой беззакония. Недели и месяцы проходили, пока торговец получал известие о судьбе своих товаров — и цены за это время могли измениться, а значит, и его расчеты оказывались неверными. Конечно, если все проходило благополучно, прибыль от одной-единственной торговой операции получалась куда больше, чем в наши дни. Но колесо фортуны было переменчиво; большие состояния обращались в прах, удача редко сопровождала несколькими поколениям подряд. На смену одним крупным торговым домам приходили другие, и настоящие коммерческие династии были скорее исключением, чем правилом. Поэтому удачливые купцы часто вкладывали деньги в покупку земельных владений, дававших им твердую почву под ногами.

В то же время переменчивость Фортуны давала шансы бедной, но амбициозной молодежи. Ганзей-

ские конторы, в первую очередь в Новгороде и Бергене, считались высшими школами коммерческого дела. Здесь же, в самых трудных условиях, можно было быстрее всего сколотить себе состояние. Помощники торговцев могли спустя некоторое время стать самостоятельными купцами; даже моряки нередко имели свой процент с прибыли или вели свою мелкую торговлю.

Несмотря на трудности, связанные с поездками, в конце Средних веков дальние путешествия были в Европе делом весьма распространенным. Немецкие студенты нередко посещали итальянские и французские университеты. Начинающие торговцы с тюками товара за спиной спускались вниз по Дунаю, ехали во Францию или в Италию, где продавали свой груз, идя от дома к дому. Городские советы посылали своих представителей на переговоры с иностранными державами, и один и тот же человек представлял интересы своего города то в Лондоне, то в Дании, то в Новгороде. Все эти поездки способствовали распространению знания о дальних странах, того опыта, который в семьях торговцев передавался от отца к сыну. В городах этот коллективный опыт составлял ту основу, на которой покоилась продуманная внешняя политика Ганзы.

Число товаров, которыми торговали ганзейцы, было огромным. Будет правильно разделить их на большие категории, которые одновременно оказываются привязанными к конкретным регионам. Покупавшиеся на востоке Европы товары продавались на западе, и наоборот. Север и восток поставляли сырье, а запад в лице Брюгге покупал его и выставлал на продажу свои собственные ремесленные изделия, вина и товары с юга. Сырье пользовалось спросом и в балтийских городах, где оно перера-

бывалось и в виде готовых изделий отправлялось обратно.

Самым ценным сырьем с востока и севера Европы были меха. Во всем цивилизованном мире, включая мусульманский Восток, они пользовались огромным спросом в качестве одежды или украшения. Именно они являлись главным предметом древней торговли арабов с русскими. На христианском Западе мех был символом благородного происхождения или богатства. Местами низшим сословиям напрямую запрещалось носить меха. Ни одно другое украшение не было предметом столь алчного спроса. Горностаевая мантия и в последующие эпохи являлась символом монаршей власти — воспоминание об обычаях Средневековья.

Неистощимым источником мехов была Россия, а также Швеция и Норвегия. У русских меха играли роль денег, и они усердно охотились на пушного зверя. Они также умели обрабатывать мех, и купцу приходилось зорко смотреть за тем, чтобы не быть обманутым; именно поэтому торговцы предпочитали иметь дело с необработанным мехом. Центром меховой торговли являлся Новгород, иногда в качестве посредников выступали ливонские города. Наибольшим спросом пользовались горностаи, ласка и белка; далее шли медвежьи шкуры, бобры, ондатры, лисы, хорьки, рыси, куницы, выдры, соболя. Даже не столь ценные меха пользовались спросом: зайцы, кролики, овцы, волки. Ценились и шкурки водоплавающих птиц. Из Лиссабона поступали экзотические меха, к примеру леопардовые шкуры.

Скот или свежее мясо невозможно было перевозить на большое расстояние. В связи с этим повсеместно пользовалось спросом вяленое и, позднее, копченое мясо. Тем не менее, лошади могли

доставляться из Пруссии и Швеции вплоть до Англии. Отдельным предметом торговли являлись охотничьи соколы, пользовавшиеся спросом у обеспеченных людей во всем тогдашнем мире. Их поставщиком являлась Пруссия, и великий магистр часто отправлял соколов в подарок князьям. Торговля птицами активно велась во Фландрии и Венеции, откуда они попадали и на Восток.

Торговали ганзейцы и другими продуктами скотоводства: шкурами, в том числе дублеными, кожей, жиром и салом. Их поставляли Россия, скандинавские страны и Германия. Масло и сыр вывозились из Норвегии и Швеции.

Мы уже говорили о том, насколько большое значение имела английская шерсть. Города перерабатывали ее сами или везли во Фландрию — Ганза на протяжении длительного времени являлась главным поставщиком тамошней промышленности. Менее ценные сорта шерсти поступали и из других стран, к примеру, из Шотландии. Позднее крупным поставщиком качественной шерсти стала Испания.

Говорили мы уже и о сельди как важном источнике богатства ганзейцев. Вывозилась она во все европейские страны, включая средиземноморские. Не меньшие объемы имела торговля вяленой рыбой; ее экспортировал главным образом Берген, но свой вклад вносили все прибрежные районы Балтики и Северного моря, включая Исландию, торговые отношения с которой стали в XV веке более тесными. На Шетландских островах три главных ганзейских города имели монополию на рыбную торговлю вплоть до 1712 года. Основную массу составляла треска, важную роль играли осетры, лососи и пикша. С берегов Северной Франции привозили минюгу; соленая рыба икра уже в те времена считалась

деликатесом. Побочным продуктом рыбных промыслов был рыбий и тюлений жир.

Россия была источником воска, где «восковые деревья» — ульи лесных пчел — предоставляли его в огромном количестве. Воском торговали также Лифляндия и Испания. Самым большим его потребителем были церкви, поскольку торговля свечами осуществлялась в очень больших объемах. Без свечей не могли обойтись и канцелярии, а на документах ставились восковые печати. В домашнем обиходе свечи горели только у богачей и только по праздникам; в обычные дни использовались сальные свечи или чадающие лампы с рыбьим жиром. Воск продавался большими кусками; поскольку русские постоянно пытались обмануть покупателей, нужны были специалисты, которые проверяли качество воска и ставили на него печать.

Спутником воска являлся мед. Он заменял людям очень дорогой и редкий сахар в качестве лакомства и широко использовался при приготовлении выпечки. Из него готовили и медовуху, главным центром производства которой являлась Рига.

Среди товаров растительного происхождения необходимо, в первую очередь, упомянуть зерно — рожь и пшеницу, которые поставляла в первую очередь Северная Германия. От немецких поставок зависела Скандинавия, частично Англия и побережье Западной Европы. В зависимости от урожая цены могли колебаться очень сильно. Солод, мука и крупа также продавались в разные страны вплоть до Испании. Земледелие поставляло на рынок луковицы, вайду и различные пряные травы вроде тимьяна.

Весьма прибыльным делом являлось пивоварение — в этой области Германия являлась и тогда

непревзойденной. Пиво в Средние века имело еще большее значение, чем сегодня, поскольку использовалось как пища и ингредиент для приготовления разных блюд. Несомненно, склонность к пьянству была в тогдашней Европе велика; удивительно, какие массы алкоголя поглощали даже служанки и монахини. Имелось бесчисленное количество сортов пива, свой в каждом городе. Некоторые сорта были легкими, но большинство — более плотными и сытными, чем современное. В некоторых регионах качество пива проверялось оригинальным способом: им поливалась скамья, на которую затем садился человек в кожаных штанах. Когда он некоторое время спустя поднимался на ноги, скамья должна была остаться приклеенной к его штанам.

Немецкое пиво пользовалось прекрасной репутацией во всем мире, и не было страны, в которой бы его не пили. Даже при введении эмбарго для пива иногда делали исключение. Из числа ганзейских городов пиву обязан своим процветанием в первую очередь Гамбург. Напиток из этого города и из Висмара данцигские купцы продавали по всей Европе вплоть до Лиссабона. Хмель использовался далеко не во всех сортах пива, однако был абсолютно необходим в том случае, если напиток предполагалось перевозить; его поставщиками были страны Балтийского региона, Западная и Южная Европа.

Лен ввозился из России и Скандинавии. Выращивался он и в Германии, но в основном не для экспорта. В больших объемах вывозились конопля и пакля, использовавшиеся в кораблестроении.

Дерево, хотя и занимало много места, считалось прибыльным товаром. Его экспортерами являлись страны Балтийского региона, а также Польша,

сплавлявшая лес по Висле. Центрами торговли лесом были лифляндские города и Данциг. Ганзейские города строили корабли не только для себя, но и на экспорт, хотя принимались законы с целью запретить такую торговлю. Особенно славился своими верфями Данциг. Корабельный лес, мачты, доски для высоких бортов, реи, рули и все остальные изделия из дерева прекрасно продавались в Брюгге и других западноевропейских городах вплоть до Испании. С Пиренейского полуострова обратными рейсами привозили пробку. Позднее ключевым экспортером продукции для кораблестроения стал Гамбург.

Скандинавия поставляла деготь и смолу, также необходимые для постройки кораблей. Дерево и поташ на запад экспортировала Пруссия. Она же продавала англичанам дерево для луков, наводивших ужас на французов в XIV–XV веках. Другим поставщиком такого дерева были горные районы Австрии. Тис доставлялся оттуда к морю через Краков и Торн.

Большие прибыли извлекал Тевтонский орден из торговли янтарем, в которой обладал монопольным положением. Эта ископаемая смола ценилась в Средние века так же высоко, как и в античности; она использовалась для изготовления благовоний и всевозможных украшений, включая четки, в которых нуждался весь христианский мир. Янтарь покупала и вся Азия вплоть до Китая. Орден на протяжении долгого времени отправлял янтарь на Восток через Лемберг, пока эту торговлю не взял на себя Любек, откуда драгоценная смола попадала в Брюгге и дальше в Венецию. В какой-то момент рынок оказался переполненным; в XV веке в Венеции лежали на складах две тысячи фунтов четок.

Соль является абсолютно необходимым для человека минералом. Поэтому уже древние германские племена вели кровопролитные войны за священные соляные копи. Засолка сельди требовала огромного количества соли. Кроме того, покупателями больших объемов последней были страны, лишенные ее источников — такие, как Россия. Поскольку Балтика была недостаточно соленой для того, чтобы сделать производство морской соли выгодным делом, а соляных копей в Германии было немного, главными поставщиками ценного продукта являлись соляные источники и южные страны. Самый большой соляной источник Германии находился в Люнебурге; между этим городом и Любеком с середины XIV века благодаря постройке канала существовал удобный водный путь. Возможно, именно поэтому Люнебург причисляли к вендским городам. Соль, которую Любек получал по каналу и экспортировал морским путем, называли «солью Траве». Основную массу, однако, составляла «Байенская соль», которую ежегодно большие флоты фламандских и ганзейских кораблей доставляли с французского побережья. Соляную торговлю вели также Испания и Португалия.

Руда, как и соль, поступала из различных источников. Железо в изобилии производилось в Швеции, где частью месторождений владел Любек. Там же добывалась и медь, которая в большом количестве вместе со свинцом шла из Венгрии в Данциг. Англия поставляла железо, а также олово, использовавшееся при изготовлении посуды. Кроме того, из числа полезных ископаемых значимую роль играли сера, мышьяк, киноварь и сурик, широко использовавшийся в живописи, квасцы и бура. Вывозились даже серебро и золото в слитках. В качестве

балласта на борт иногда брали камень хороших сортов, пригодный для строительства — например, гранит из Сконе или известняк с Борнхольма.

К дарам северной природы торговля прибавляла многочисленные дары запада, юга и востока. Среди них следует в первую очередь назвать вино. Виноделие было в те времена широко распространено; виноград выращивался в окрестностях Берлина, в Пруссии и даже в Дании и Норвегии. Вино было необходимо для богослужений, и поэтому его следовало иметь под рукой даже в те времена, когда война прерывала торговые связи. Позднее виноградарство на севере Германии существенно сократилось и сохранилось лишь в немногих районах. Вкус северного винограда был не слишком хорошим, и он находил себе применение в основном при приготовлении пряного вина (сегодня мы называем его глинтвейном). Помимо дешевого кислого пойла местного производства в каждом большом городе можно было найти благородное вино со всей Европы. Кабаков насчитывалось очень много, но во избежание подделок большинству из них разрешалось продавать вино только одного сорта и требовалось тщательно проверять его. С тех пор до нас дошла славная традиция «ратушных погребков»⁷⁶, которые и сегодня пользуются большой популярностью.

Самым благородным вином считалось рейнское. Берега великой реки вплоть до Эльзаса и Швейцарии были покрыты виноградом, и вина плыли вниз по Рейну в Нидерланды, откуда ганзейские купцы развозили их по всему свету. Менее ценным счи-

---

⁷⁶ Рестораны, расположенные в подвальном этаже здания ратуши.

талось французское вино, в основном из Пуату и Гаскони, а также испанское — благородная мальвазия и «секко» из сушеных ягод. В Брюгге доставлялись вина из Италии. Все эти напитки текли рекой на пышных праздниках и богатых свадьбах. Более крепкий алкоголь — «живую воду» — можно было изначально купить только в аптеках в качестве лекарства.

В те времена было принято также употреблять в пищу много пряностей. Это делалось как для улучшения вкуса продуктов, так и для демонстрации богатства. Использовать пряности вынуждало и однообразие повседневной пищи. Изначально различные травы выращивались в небольших садах. Сегодня многие из этих трав практически забыты, поскольку их вытеснили заморские пряности, которые поначалу без разбора называли перцами. Самым большим рынком пряностей на протяжении длительного времени являлся Брюгге, куда их привозили испанцы и итальянцы. Туда же прибывали экзотические фрукты и лекарственные растения. Помимо лекарств, аптекари в те времена готовили сладкие лакомства. Сахар был редкостью, и лакомства обходились дорого; сластена мог спустить на них целое состояние.

В больших высоких сосудах — так называемых «трубках» — прибывало оливковое масло из Италии, Южной Франции или Испании. Другие товары перевозились в больших тюках. Перечислить их все невозможно: апельсины, гранаты, каштаны, фиги, финики, изюм, миндаль и рис употреблялись в пищу, в качестве пряностей и лекарств служили гвоздика, сахар, горчица, перец, имбирь, мускатный орех, шафран, корица, кардамон, анис, алоэ, мирр, камфора, ревень и другие. Для богослужений необ-

ходим был ладан, в качестве красителей использовались индиго и различные сорта дерева.

С Востока и из жарких стран прибывали драгоценные камни, а также ценившийся еще выше жемчуг, в том числе в украшениях. Оттуда же привозили великолепный шелк во всех его обличьях, включая атлас, дамаст и бархат. Несмотря на высокую цену, покупатели имелись и на золотую парчу. Свой путь на север находили также сирийская шерсть и ситец.

Не только дары природы чужих земель, но и плоды труда их жителей заполняли трюмы ганзейских кораблей. Большую роль при этом играли ткани, которые тоже можно назвать одной из основ ганзейской торговли. Существовало множество видов тканей, различавшихся по региону своего происхождения. Вплоть до XVI века никто не смог превзойти в сукноделии фламандцев. Особенно славились их цветные ткани, а также пряжа, за которую богачи были готовы платить баснословную цену. Каждый город во Фландрии и на севере Франции выпускал свой сорт тканей, и торговцы хорошо различали их. Немецкие города на Нижнем Рейне — регион Кёльна — также производили шерстяные ткани, в первую очередь черные для облачений священников. Когда Англия начала самостоятельно обрабатывать свою шерсть, английские ткани быстро заняли достойное место на рынке. Производство полотна было распространено по всей Германии; значительная его часть шла на экспорт.

Для Ганзы главным конкурентом были польские ткани, которые успешно соперничали с более дорогими фламандскими и английскими. Полотно было единственным товаром, одинаково необходимым всем скандинавским странам. Ткань продавалась большими штуками разной длины, зависевшей от

поставщика. Чтобы гарантировать ее качество, осуществлялся придирчивый контроль и маркировка штук свинцовой печатью.

Во Фландрии производились и красивые ковры, которые в богатых домах вешались на стены, пока не появились фламандские кожаные обои. Отсюда же привозились роскошные покрывала для различных целей.

Льняной холст также ввозился, но большая его часть производилась в Германии. Известностью пользовался вестфальский холст, который даже великий магистр Тевтонского ордена закупал для своей личной охраны. В обиход вошли льняные скатерти и салфетки; их было принято крахмалить так сильно, что они «трещали». Большое распространение получила вышивка, для которой требовались нити. Тяжелая парусина ввозилась из северных и западных районов Франции.

Невысокий уровень развития ремесла в скандинавских странах, а поначалу и в Англии позволял торговать товарами для самого обычного повседневного обихода. Их производили как ганзейские, так и зарубежные ремесленники. Купцы торговали всеми мыслимыми предметами: шапками и шляпами, сапогами, поясами и кошельками, мылом, мешками, стеклянной утварью, железными изделиями для домашнего обихода — топорами, замками, ножами, тарелками, гвоздями, проволокой, иголками, игрушками... В число товаров входило и оружие. Золотых дел мастера изготавливали из драгоценных металлов утварь для сокровищниц купеческих корпораций, городов и церквей; в этой области всех опережали итальянцы и фламандцы. Для церковного обихода предназначались четки, иконы, целые алтари, колокола, рукописные молитвенни-

ки. В Германии и Италии изготавливался пергамент. Бумага являлась чисто итальянским товаром, пока в конце XIV века первая бумажная фабрика не появилась в Нюрнберге.

Насколько большим был ареал деятельности Ганзы, наглядно демонстрируют представительства в Новгороде, Бергене, Брюгге и Лондоне. Однако и они не являлись крайними пределами, до которых добирались ганзейские корабли. Рыболовные суда появлялись в районе Исландии, купеческие корабли выходили в Атлантику вдоль берегов Бретани. Частые англо-французские войны нарушали торговлю в этом районе, и французские власти строго следили за тем, чтобы никто не ввозил английские товары. В мирное время, однако, коммерческая деятельность приносила здесь немалую прибыль. Уже французский король Филипп Красивый (1285–1314) предоставил немецким городам если не привилегии, то защиту при торговле на всей территории страны. Людовик XI в 1464 и 1483 годах даровал ганзейцам привилегии; Людовик XIV в 1655 году обещал свое покровительство и защиту купцам из Любека, Бремена и Гамбурга. На западном побережье Франции ганзейцы особенно часто посещали Ла Рошель.

Через Бискайский залив, известный своими штормами, ганзейские корабли плыли к берегам Испании и Португалии. Уже в XIII веке немцам в Лиссабоне принадлежала своя часовня с небольшим кладбищем; еще в начале XX века здесь существовал монастырь немецкого ордена Святого Варфоломея.

В древние времена кастильские короли ревниво оберегали торговлю своей страны и старались держать чужаков на расстоянии. Англо-французские

конфликты также оказывали негативное влияние на торговлю с Испанией. В 1419 году испанцы в районе Ла Рошели захватили около 40 немецких кораблей, обвинив их команды в союзе с англичанами. В отместку ганзейские торговцы, потерявшие свои товары, захватили поблизости от Брюгге большой испанский грузовой корабль. Эти события переросли в долгую каперскую войну во фламандских водах, которая завершилась только в 1443 году подписанием торгового договора.

Открытие морского пути в Ост-Индию и Американского континента не сразу сказались на ганзейской торговле. Североамериканские колонии начали приобретать большое значение лишь в XVII веке, в то время как Южная Америка стала под властью испанцев крупным поставщиком серебра, что привело к росту цен в Европе. Товары поступали в первую очередь из Ост-Индии, и главными рынками для них являлись Лиссабон и Севилья. Самый серьезный ущерб от этих событий понесла Венеция. Немецкие же купцы смогли использовать перемены в своих интересах и начали активно торговать с Лиссабоном. Это касается, в первую очередь, южногерманских торговцев, которые уже давно начали посещать Пиренейский полуостров сухим путем через Барселону. Однако и ганзейцы не отставали: Бремен и Данциг поддерживали самые тесные связи с Лиссабоном.

Так продолжалось десятилетиями, пока эта торговля не была нарушена экономической политикой Филиппа II⁷⁷ и восстанием в Нидерландах. Португалия с 1580 года находилась в династической унии

---

⁷⁷ Филипп II Габсбург (1527–1598), сын и наследник Карла V на испанском троне (с 1556 года).

с Испанией; обе страны ждала одна участь, обе в равной степени страдали от войны с голландцами. Последние проложили прямой путь в южные моря, и Амстердам переключил на себя поток азиатских товаров. Голландцы создавали торговые компании, стремясь занять доминирующие позиции; их могущество становилось непоколебимым.

Ганзейская торговля начала терять свои позиции, но не отказалась от связей с Испанией и Португалией. Корабли из Любека и Гамбурга проходили через Гибралтар в Средиземное море. Там они вновь встречались с морским разбоем, давно побежденным в европейских водах — с алжирскими и тунисскими корсарами, в плену у которых погибло множество моряков. Любек даже создал специальную кассу для выкупа своих граждан.

Ранее XVI века ганзейские корабли лишь в исключительных случаях добирались до Венеции и Генуи. Посредниками в торговле с Венецией являлись южногерманские города. Однако и Кёльн, и Любек отправляли своих людей в совет большого немецкого торгового представительства в Венеции, «фондако деи тедески». В отличие от ганзейских контор, «фондако» не находился в собственности немцев. Они принадлежал Венеции и управлялся ее властями. Купец мог там жить и хранить свои товары за плату и был обязан повиноваться правилам, установленным венецианцами. Немецкие торговцы действовали здесь до 1806 года, пусть и в небольшом количестве; впоследствии в осиротевшем здании было размещено финансовое ведомство. Ганзейцы вели дела с Венецией, однако их объем был незначительным, и венецианские товары попадали в руки северогерманских купцов в основном через Брюгге и Антверпен.

Примечательно, что север и юг Германии в торговом отношении были отделены друг от друга так же основательно, как и в политическом. Южногерманские хроники редко упоминают о Ганзе, в то время как хронисты из Любека лишь мимоходом повествуют о происходящем к югу от Майна. Тем не менее, южногерманская торговля стояла как минимум на одном уровне с ганзейской. Она действовала на пространстве от Пиренейского полуострова и Франции до Венгрии, Польши и России. Это была в первую очередь сухопутная торговля, которая при благоприятной возможности пользовалась реками. Она опиралась не столько на сырье, сколько на восточные товары, произведения ремесла и искусства. Последнее было развито на юге Германии гораздо сильнее, чем в ганзейских городах, и играло куда большую роль. Кроме того, Южная Германия достаточно рано стала центром финансовых операций, которые достигли высокого уровня развития. Имелись здесь и монопольные объединения, поставившие под свой контроль целые категории товаров.

Юг Германии был значительно богаче севера. Именно здесь, в Аугсбурге, жили знаменитые Фуггеры и Вельзеры⁷⁸; другим семействам тоже удавалось сколачивать гигантские состояния, с которыми богатства ганзейских купцов не шли ни в какое сравнение.

Товарообмен между севером и югом был довольно оживленным. Главный ганзейский товар — селедка — хорошо продавался в Южной Германии. В свою очередь, северные города с удовольствием

---

⁷⁸ Династии крупных торговцев и банкиров; Якоб Фуггер считается богатейшим человеком своего времени.

покупали изделия южных ремесленников, в особенности кузнецов. Однако любопытно, что этот товарообмен в большинстве случаев не был прямым, а осуществлялся через посредничество тюрингских городов или Брюгге. Одной из причин этого было отсутствие водного пути, который связывал бы между собой север и юг Германии; Рейн и Висла притягивали к себе торговые маршруты.

Южногерманская торговля основывалась во многом на связях с итальянскими городами — Венецией и Генуей. Привезенные оттуда товары вместе с изделиями местных ремесленников отправлялись на восток по Дунаю и через Богемию, а также во Фландрию по Рейну. Южногерманские купцы не могли пользоваться в Брюгге ганзейскими привилегиями и вообще встречали здесь довольно враждебный прием. Кельн в 1452 году жаловался Любеку, что «жители Нюрнберга, швабы и другие чужаки» начали составлять конкуренцию ганзейцам в Брюгге. В особенности «торговцы из Нюрнберга» (возможно, так называли всех выходцев из Южной Германии) появлялись повсюду, в том числе в Англии. Чтобы они не могли пользоваться тамошними привилегиями, в ганзейских городах было строжайше запрещено давать им гражданство. Прусские города жаловались громче всего, что нюрнбержцы разоряют местных ремесленников и купцов, и смогли в итоге добиться от великого магистра запрета южногерманским торговцам приезжать в Пруссию кроме как один раз в год на большую ярмарку в Мариенбурге и Данциге.

Наибольшие неприятности ганзейцам доставляла южногерманская торговля ножами и специями. Из Пруссии нюрнбергские купцы проникли в Лифляндию, где города также ввели для них се-

рьезные ограничения. Однако ганзейцы ничего не могли поделаться с проникновением Нюрнберга при посредничестве Бреслау в польскую торговлю. По Висле в Данциг в конечном итоге пошли только хлеб и лес, в то время как другие товары отправлялись из Польши на запад сухим путем. В самом конце существования Ганзы начались переговоры о соглашении с Франкфуртом, Страсбургом и Нюрнбергом; однако хорошая идея пришла слишком поздно.

Ганзейские корабли с течением времени значительно изменились. От ранней эпохи вплоть до XV века у нас не осталось картин, на основании которых мы могли бы уверенно судить о внешности этих судов. Однако мы знаем, что между средиземноморскими кораблями, представлявшими собой дальнейшее развитие античных образцов, и кораблями северных морей существовало принципиальное различие. Средиземноморские галеры были длинными и узкими, с большим количеством гребцов. Ганзейские корабли предназначались для плавания в бурном море, поэтому были шире и короче, с глубокой осадкой, защищенные от высокой волны, их единственным двигателем являлся парус. Имелось множество различных типов кораблей, различавшихся размерами и конструкцией, и для них использовались разные имена. Древний обычай размещать руль по правому борту (он изображен на старой городской печати Любека) вышел из употребления только в XIV веке, и руль перенесли на корму.

Чаще всего в документах упоминаются большие корабли — когги. Построенные из крепкого дуба, с высокими бортами, они могли сопротивляться сильному шторму. Носовая и кормовая оконечно-

сти были закруглены, в широком корпусе хватало места команде и товарам. У когга имелась одна, редко две мачты. Размер этих кораблей был по нынешним меркам небольшим. Когги играли роль как торговых, так и военных кораблей, как того требовало суровое время. Корабли, использовавшиеся исключительно для войны, имели более сильное вооружение. На носовой и кормовой палубе находились возвышения, напоминавшие башни и игравшие в морском бою именно такую роль. В средней части корпуса размещались метательные машины. Стрелки могли также вести огонь из большой, обитой оловом корзины на мачте. В сражениях войны 1428 года большие ганзейские корабли возвышались над маленькими датскими, «как церкви над кельями». Вражеское судно стремились подтянуть к своему кораблю баграми и взять его на абордаж. Особенно крепкие когги могли таранить носовую оконечность неприятельского судна.

Из числа более мелких судов можно назвать снигги — длинные, узкие и с открытой палубой — и одномачтовые шутты. В конце XIV века в ганзейских городах появились порох и огнестрельное оружие. В 1428 году при осаде Копенгагена ганзейская артиллерия насчитывала уже около 200 стволов.

Корабельное дело в эту эпоху тоже шагнуло вперед. Если раньше моряки старались не удаляться от берега и заходить по возможности во все гавани, то теперь настала эпоха дальних плаваний через открытое море. Размер кораблей увеличился, на них появились инструменты для прокладки курса и определения местоположения. Точно неизвестно, когда ганзейцы начали пользоваться компасом; в современном виде он появляется только в XV веке.

Условия морской войны требовали увеличить огневую мощь кораблей и сделать их более быстрыми. В результате военные и торговые суда все сильнее отличались друг от друга. На военных кораблях появились три мачты и двойная палуба. Вместо тяжеловесных коггов море теперь бороздили каравеллы. Их размер постоянно увеличивался; в 1564 году в сражении при Борнхольме флагманский корабль шведов имел на борту 700 человек экипажа и 140 орудий. В Любеке в ходе этой войны построили еще более крупный корабль — «Адлер», вмещавший 1020 человек экипажа и 122 только крупных орудия, в том числе восемь 40-фунтовых. Так постепенно появился огромный линейный корабль, который господствовал на морях вплоть до XIX века.

Обычай давать кораблям имена был известен еще в античности и рано утвердился в северных морях. Популярными были имена святых, но и другие названия тоже получили широкое распространение; некоторые из них мы уже встречали на страницах этой книги.

У Ганзы не было ни единого символа, ни единого флага. В Средние века корабли, в отличие от наших дней, не имели на корме большого флага, который обозначал бы их принадлежность к определенному государству. Маленький четырехугольный флажок, называвшийся «флюгером», присутствовал только на верхушке мачты. Цвет этого флажка был у каждого города свой: у Гамбурга красный, у Любека красно-белый, у Риги черный с белым крестом. В бою или любой другой ситуации, где нужно было четко опознать принадлежность корабля, знамя или герб князя или города закреплялся на передней и задней «башнях» или на корзине.

Команда — «дети корабельные» — состояла из жителей города. На море они становились одной семьей, которую возглавлял капитан и выборные доверенные лица. При выходе в море обычной практикой была совместная молитва; перед входом в гавань членам команды напоминали о том, что они не должны таить злобу за возможные понесенные в плавании наказания.

Мореплавание строго регламентировалось вплоть до мельчайших подробностей. К примеру, в море нельзя было выходить, когда заблагорассудится: в 1401 году приняли решение о том, что со дня святого Мартина до 22 февраля навигация прекращалась. Позднее оно было неоднократно подтверждено. Запрещалось одиночное плавание в военное время или к далеким гаваням. Решения ганзейских съездов постепенно составили корпус морского права. Источником последнего являлось также средиземноморское законодательство, находившееся на более высокой ступени развития. Через посредничество Фландрии средиземноморские правила попали на Балтику и, будучи несколько переработанными, приобрели здесь статус закона. По имени острова возле Ла Рошели они получили название «морского права Олерона». Дальнейшим его развитием стало «морское право Висбю», распространение также получило «гамбургское корабельное право». Отредактированное и дополненное в 1591 и 1614 годах, оно действовало вплоть до XIX века.

Хорошие морские карты появились лишь в то время, когда Ганза уже клонилась к своему закату. В целом немецкий взнос в картографию огромен — достаточно вспомнить знаменитого Герхарда Меркатора, скончавшегося в Дуисбурге в 1594 году. До появления карт ключевую роль играли «морские

книги». Одна из них, относящаяся к XIV столетию, рассказывала ганзейским морякам о европейских морях и берегах от Гибралтара до Финского залива, включая приливы и отливы, течения, гавани и рейды, скалы и отмели. В ней же говорилось о тех признаках, по которым можно определить подходящий для высадки на сушу берег, о глубинах и видах морского дна.

Общие объемы ганзейской торговли даже в период ее расцвета были по сегодняшним меркам не слишком впечатляющими. Подсчитать их в точности невозможно; у нас есть данные только по отдельным городам, которые позволяют сделать только весьма приблизительную оценку. Однако можно с уверенностью сказать, что этот торговый оборот был максимальным для того времени и что ганзейские купцы не упускали из виду ничего, что могло бы принести им прибыль.

В ганзейских городах возникали и свои внутренние торговые объединения, торговавшие на определенных маршрутах. Так, в Любеке существовало множество таких корпораций — для торговли со Сконе, Бергеном, Новгородом, Нарвой и Ревелем, Стокгольмом, Исландией, Испанией, Ригой... Некоторые из них существовали на протяжении веков.

Глава 12

Общие итоги⁷⁹

Мы проследили историческое развитие Ганзы на протяжении пяти столетий. Несмотря на свой печальный конец, этот союз остается славной страницей немецкой истории. Ганза оказывала большое положительное влияние на самые разные стороны человеческой деятельности. Достаточно вспомнить ту роль, которую она сыграла в отмене «берегового права» и борьбе с пиратством, в развитии прав иностранных торговцев, формировании морского и торгового права.

История Ганзы — часть истории немецкого народа, но не Империи. С Империей этот союз городов вообще имел мало общего, они не думали друг о друге. Императоры никогда не поддерживали Ганзу, скорее пытались время от времени ей навредить. Для своих граждан Ганза была своего рода заменой Империи, предоставляя ту защиту, которую не могли им дать императоры. Косвенно она при-

---

⁷⁹ Данная глава была существенно сокращена при переводе, поскольку содержит пространные рассуждения о немецкой морской мощи начала XX века, не имеющие прямого отношения к теме книги и не слишком интересные современному российскому читателю.

носила тем самым пользу и Империи, северные рубежи которой волей-неволей защищала. Если бы не она, то весь север Германии стал бы, возможно, добычей шведов и датчан.

Достижения Ганзы — это в первую очередь достижения северогерманских городов и их граждан. Рост уровня жизни, развитие ремесла, а также искусства — результаты ее деятельности. Ганза сформировала в регионе сословие свободных горожан, которое, хотя и с большими проблемами, продолжало существовать и отстаивать свои права после ее распада.

Но чем объясняется этот распад? Дело в том, что Ганза до самого своего конца оставалась средневековой конструкцией. Она представляла собой союз более или менее самостоятельных городов, рассеянных на большом пространстве и отделенных друг от друга владениями князей. Ганза никогда не была централизованным территориальным государством, и это не позволяло ей перейти на следующую ступень в своем развитии. В Ганзе всегда были города, которые вели свою собственную политику, часто противоположную политике конфедерации. Со временем противоречия нарастали, союз начал терять свою притягательную силу, а территориальные князья развернули наступление на самостоятельность своих городов. У Ганзы не было сухопутной армии, а монархи всегда смотрели на нее с недоверием и неприязнью. Рост их влияния означал ее закат.

Ганза не могла стать государством. Она продолжала существовать до тех пор, пока существовали условия, в которых она возникла. Ее внутреннее устройство было средневековым, общие институты отсутствовали, серьезная и длительная кон-

центрация сил была невозможна. Единственным инструментом принуждения было исключение; и этот инструмент оказывался неэффективен, если исключенный не испытывал на себе никаких негативных последствий. Средневековье было эгоистичной эпохой; не идеалы, а только выгоды играли роль. Это приводило к бесчисленным внутренним конфликтам, которые потом многие считали главной причиной падения Ганзы. Однако дело было не только в этом: эпоха, в которую такой союз городов мог успешно существовать, завершилась.

Сильная позиция Ганзы в северных морях покоилась на том, что другие государства были неспособны обойтись без ее торгового посредничества. Конфедерация стремилась поэтому не допустить подъема своих конкурентов. Однако эта политика не увенчалась успехом. К концу Средних веков европейские государства стали собираться с силами. Начались процессы централизации, и вскоре английский государственный деятель смог насмешливо сказать про Ганзу, что она неспособна укусить, потому что у нее выпали все зубы.

Изменились и торговые пути; регион Северного и Балтийского морей перестал быть обособленным торговым пространством. Немецкие купцы постарались выйти за его пределы, но не могли соперничать с представителями централизованных государств. Можно упрекать ганзейцев в том, что они слишком долго цеплялись за старые формы торговли. Однако были ли они способны действовать иначе? В этом приходится серьезно усомниться. Могла ли Ганза участвовать в колониальных предприятиях на равных с такими державами, как Англия, Франция или Голландия? Нет, потому что за торговыми кораблями не стояло могущественное государ-

ство, под флагом которого они отправлялись в путь и которое могло обеспечить им защиту. Имперский орел же не имел на морях никакого веса.

Северогерманские города не смогли отстоять море в борьбе с сильными территориальными государствами. Ганза была всегда скорее торговой, чем морской державой; именно поэтому она в конечном счете была вынуждена уступить более успешным соперникам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
Предисловие автора	7
Глава 1. Германия в XIII столетии	9
Глава 2. Начало северогерманской морской торговли	20
Глава 3. Регион Балтийского и Северного морей	31
Глава 4. Начало Ганзы	47
Глава 5. Большая война против Дании	66
Глава 6. Ганза и Дания до 1435 года	85
Глава 7. Членство в Ганзе и ее внутреннее устройство	102
Глава 8. Новгород, Берген и Скания	132
Глава 9. Брюгге и Антверпен. «Штальный двор» в Лондоне. Голландцы	149
Глава 10. Ситуация в Скандинавии до распада Ганзы	170
Глава 11. Торговля и мореплавание	189
Глава 12. Общие итоги	215

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Линднер Теодор

ИСТОРИЯ ГАНЗЫ

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 17.06.25
Формат 10,5×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Книгу «История Ганзы», созданную профессором университета Галле Теодором Линднером, можно назвать одним из классических образцов научно-популярной литературы. Она написана простым языком и рассчитана на читателя, который не является знатоком истории средневековой Европы. В то же время это — достаточно серьезное и глубокое исследование, не утратившее актуальности по сегодняшний день.

В своей книге профессор Линднер описывает не только политическую историю Ганзы, но и все стороны ее деятельности. Читатель сможет узнать, как функционировали торговые представительства («конторы») в Новгороде, Лондоне и Бергене, какими товарами торговали ганзейские купцы, как были устроены их корабли. Линднер задается также вопросом о том, почему Ганзейский союз в конечном счете прекратил свое существование, и дает на него вполне ясный и убедительный ответ.